

Хорминус

Последняя минута тишины

Псевдоним

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Псевдоним Псевдоним

**Хорминус последняя
минута тишины**

«Автор»

2026

Псевдоним П.

Хорминус последняя минута тишины / П. Псевдоним — «Автор»,
2026

Аннабелла Янг — изгой в элитной школе, где её травят за бедность. Единственные, кто рядом, — друзья Зои и Доминик. В свой девятнадцатый день рождения Аннабелла решает дать отпор «королеве» класса, но вечеринка заканчивается трагедией. Она должна была умереть. Но Аннабелла выживает — и обнаруживает, что стала не той, кем была раньше. Что-то поселилось в ней. Что-то, что живёт в отражениях. Кто шепчет её имя. Она больше не человек. Или уже не совсем человек. Взяв новое имя, она начинает новую жизнь. С чем-то внутри, что страшнее любого кошмара. Мечь, побег, выживание — её новая реальность. Она одна. Но не одинока. Потому что внутри неё всегда есть оно — отражение, которое не отпускает. На её пути появляются те, кого нельзя назвать ни живыми, ни мёртвыми. Кто не должен существовать по законам мира. Чья природа противоречит всему, что она знала о себе. Они — не случайность. Они — часть чего-то большего. И их появление переворачивает всё.

© Псевдоним П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Псевдоним Псевдоним

Хорминус последняя минута тишины

Глава

Хорминус

Последняя минута тишины

Псевдоним

{} - говорит через письменность

— - простая речь

“” - речь в мыслях или как воспоминания фраз других, а также цитат и выделения слов

—«» - речь с зашитым ртом или просто с закрытым

«» - речь с Сайлент

Плейлист

1. Runaway – Linkin Park
2. In the End – Linkin Park
3. My Last Breath – Evanescence
4. Bring Me To Life – Evanescence
5. Listen to Your Heart – Roxette
6. Queen of Rain – Roxette
7. It's My Life – Bon Jovi
8. Livin' on a Prayer – Bon Jovi
9. The Reflex – Duran Duran
10. Ordinary World – Duran Duran
11. Invincible – Skillet
12. I Can – Skillet
13. Cheri Cheri Lady – Modern Talking
14. Brother Louie – Modern Talking
15. Can Lose My Heart Tonight – C.C. Catch
16. Strangers By Night – C.C. Catch
17. Ain't It Funny – Jennifer Lopez
18. Let's Get Loud – Jennifer Lopez

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
finem di dederint, Leuconoe, nec Babylonios
temptaris numeros. Ut melius, quidquid erit, pati,
seu pluris hiemes seu tribuit Iuppiter ultimam,
quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare
Tyrrhenum: sapias, vina liques, et spatio brevi

spem longam reseces. Dum loquimur, fugerit invida
aetas: carpe diem, quam minimum credula postero.¹

Предисловие

01 ноября 2004 года, 01:45 по местному времени

Ночь. Густой, непроглядный мрак окутывал тихий переулок, номер которого, кажется, навсегда затерялся в лабиринтах разума. Все краски мира действительно блекли, растворяясь в абсолютной черноте, словно акварель, смытая проливным дождём. Неяркий свет луны, скрытый за плотными тучами, не мог пробиться сквозь густую завесу темноты - он лишь угадывался где-то там, наверху, за слоями свинцовых облаков, бессильный и далёкий. Дома стояли, словно вымершие вулканы, без единого проблеска света в окнах. Лишь редкий, еле слышный шорох ветра нарушал безмолвие, скользя по мокрым стенам и цепляясь за водосточные трубы. В этой атмосфере царила звенящая тишина, прерываемая лишь шумом собственного дыхания и стуком сердца. Только один человек, или, вернее сказать, одна фигура, неспешно двигалась по мокрому от дождя асфальту. Её силуэт, скрытый во мгле, оставался загадкой - шаги были размеренными, почти бесшумными, словно их обладательница не шла, а плыла над землёй.

В одном из домов, с потухшими окнами, жила девочка, лет семи-восьми. Её комната, обычно залитая солнечным светом и украшенная розовыми игрушками, погрузилась в тяжёлую, давящую темноту. Неожиданное отключение электричества, вызванное пожаром в соседнем квартале, превратило уютное убежище в страшное, незнакомое место. Стены, ещё вчера казавшиеся родными, теперь словно сжимались вокруг неё, и каждый угол таил в себе что-то неведомое.

Огонь, бушующий где-то неподалёку, казался призрачным чудовищем, чьё дыхание чувствовалось даже за закрытыми окнами. Треск горящего дерева, доносившийся ветром, смешивался со звуком капающих капель дождя, создавая жуткую симфонию ночи. Девочка, закутавшись в одеяло, крепко обнимала своего плюшевого мишку. Её маленькие руки, дрожащие от страха, сжимали мягкую шерсть игрушки, пальцы впивались в неё, словно пытаясь извлечь из этого объятия хоть каплю утешения и защиты. Она прижимала медвежонка к груди так сильно, что ткань одеяла натягивалась, а костяшки пальцев белели в темноте.

— Здесь никого нет, — шептала она, повторяя снова и снова, пытаясь убедить себя в безопасности. Но голос её дрожал, срываясь на шёпот, выдавая настоящий ужас перед возможными монстрами или бабайк. Она слышала собственный голос - тонкий, хрупкий, - и от этого становилось ещё страшнее. Родители работали в ночную смену - ещё одно горькое дополнение к этой бессонной ночи. Их отсутствие ощущалось физически, как пустота в соседних комнатах, как тишина, которая должна была быть наполнена их шагами и голосами.

Страх темноты - это не просто детская фобия, это глубокое, примитивное чувство, заложенное в нашем подсознании. В темноте наши чувства обостряются, воображение рисует ужасающие картинки, а наша способность рационально мыслить снижается. Для девочки, оставшейся одна в темноте, эти примитивные инстинкты оказались особенно сильны. Но страх был усугублён ещё и ощущением беспомощности, одиночества и отсутствия контроля над ситуацией. Психологи говорят, что ощущение безопасности и защищённости играет ключевую роль в формировании здоровой психики ребёнка. Долговременное воздействие сильного стресса может привести к развитию фобий, тревожных расстройств и других психологических проблем. Важно помнить, что дети очень чувствительны к атмосфере в доме, к отношениям между

¹ К Левконое (Гораций; Фет):

родителями, к общим событиям в семье. Всё это отражается на их психическом состоянии и формирует их личность.

Утверждение о том, что “монстры в жизни - это люди”, получает особое значение. Взрослые, часто не замечая этого, могут создавать атмосферу страха и недоверия в семье, что повышает уязвимость детей к разным формам психических расстройств. Поэтому важно создавать доверительную атмосферу в семье, общаться с детьми, слушать их и помогать им преодолевать их страхи. Пожар в соседнем квартале - это лишь внешний катализатор, а основная проблема кроется в психологическом состоянии девочки, оставшейся один на один со своим страхом. И только поддержка и любовь близких могут помочь ей преодолеть этот трудный период. Важно научить детей правильно реагировать на стрессовые ситуации и развивать механизмы саморегуляции. В этом заключается задача не только родителей, но и общества в целом.

— Монстров не существуют, — опять повторила свою неугомонную мысль девочка, уткнувшись носом в мягкую макушку медвежонка. — Нам нечего бояться, Мистер Мишка.

Так зовут его - Мистер Мишка? Идиотское имя для такой большой фантазии, как у неё. Возникает чувство, что она просто прочла этикетку от игрушки и кличет его так, как там было написано. Хотя могла дать для своего защитника и друга имя покрасивее. Ну, или же героическое, как Робин Гуд, ну или же Гор.

Робин Гуд - добрый и храбрый, он один из тех, кто отважился бросить вызов жестокому и жадному Шерифу Ноттингемскому, отбравшему последние гроши у народа своими налогами. Для себя Робин не ищет богатств, отобранное у шерифа раздаёт беднякам.

Гор - древние египтяне считали воплощением света и победного сияния. Изначально он считался покровителем охотников, но со временем Гор стал символом победы и торжества добра, о чём рассказывают легендарные сказания египтян.

Но думаю, лучше всего подошло бы имя - Дон Кихот! Он мечтатель и фантазёр, увлекающийся своими идеями и увлекающий ими других. Безучастность окружающих к его собственному замыслу воспринимается им крайне болезненно. Его раздражают люди, не умеющие и не желающие мечтать. Это как раз под стать такой маленькой фантазёрке! Если бы её медвежонок стал Дон Кихотом, то любая опасность была бы ей по плечу. Её мечты взлетели бы наверх - к звёздам. Простой день казался бы более красочным, нежели обычным людям. Даже в темноте, какой бы она ни была страшной, находила бы то, что придавало ей разные краски - полёт фантазий.

Гром грянул внезапно, словно насмехаясь над хрупкой, одинокой девочкой. Или, быть может, это сами небеса разыграли жестокий спектакль, показывая всю свою капризную мощь. Как точно подметил Шекспир в “Как вам это понравится”²: “Весь мир - театр, в нём женщины, мужчины - все актёры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль”.

Из-за ударившей молнии маленькая девочка, которая пыталась быть храброй, чуть слышно начала плакать. Она вздрогнула всем телом, вжалась в спинку кровати, подтянула колени к груди. Ей стало ещё страшнее после очередного удара молнии, ведь он осветил помещение, хоть и слабо - на мгновение вырвал из тьмы очертания шкафа, стула, занавесок, и эти обычные предметы показались ей чем-то чудовищным. Эту незащищённую дитя довело до слёз её же собственное воображение. Но как можно представить простой стул за страшного монстра? Ладно бы если только тень, но она успела вообразить щупальца и сверкающую клыкастую пасть. Не ребёнок, а заноза!

Погода, несомненно, играла главную роль в этом импровизированном представлении, а девочка - невольный участник, маленькая актриса, исполняющая роль жертвы собственной фантазии и природных сил.

² “Как вам это понравится” (англ. As You Like It) - пасторальная комедия Уильяма Шекспира, написанная, как полагают, в 1599 году и впервые опубликованная в Первом фолио в 1623 г.

— Мне не страшно. Мне не страшно, — её слова звучали как заклинание, чем уверенное утверждение. Она сжимала медвежонка так, что швы трещали, и повторяла эти слова, раскачиваясь из стороны в сторону.

В этот момент, когда паника казалась непреодолимой, извне донёсся неожиданный звук - тихая, чарующая мелодия. Это был волшебный противовес грозным раскатам и монстрам из воображения. Мелодия медленно, но настойчиво заполняла пространство комнаты, заменяя ужас ожиданием чего-то прекрасного. Звук казался сладким, притягательным, как нектар для усталой пчелы. Он действовал как гипноз, словно невидимая нить вела малютку к источнику музыки. Девочка замерла, прислушалась, наклонила голову - слёзы ещё блестели на щеках, но дыхание постепенно выравнивалось.

— Ты тоже это слышишь, Мистер Мишка? — поинтересовалась маленькая девочка у своего плюшевого медвежонка, повернувшись к нему лицом и заглядывая в чёрные бусинки глаз. — Интересно, кто это поёт?

Забыв на минуту о своём страхе, она медленно, осторожно поползла к окну. Маленькие ножки передвигались по полу в таком ритме, который совпадал с ритмом мелодии, - шаг, пауза, ещё шаг. Она держала медвежонка перед собой, как щит. Достигнув окна, она резко отдернула занавески, раскрывая вид на тёмную улицу, освещённую лишь иногда прорывающимися молниями. Дождь лил как из ведра, капли били по стеклу, создавая своеобразный ритмичный шум.

Внезапно, сквозь пелену воды, она различила фигуру, которая стояла напротив её дома и смотрела прямо на неё. Женская фигура, высокая и худая, облачённая в тёмное одеяние, которое сливалось с ночной тьмой. Лицо женщины было скрыто капюшоном, но девочка увидела её волосы - длинные, тёмные, заплетённые в тугую косу, и глаза... пустые, безжизненные, словно чёрные стекляшки. Они не отражали свет молний - просто вбирали его в себя, как бездонный колодец.

Ужас сковал маленькую девочку. Она не кричала, не плакала - страх парализовал её. Пальцы онемели, руки опустились, и Мистер Мишка беззвучно упал на пол. Это был не просто страх - это был первобытный, животный ужас перед чем-то древним, непостижимым. Девочка знала, что бежать бесполезно. И тут, внутри её головы, раздался голос - тихий, спокойный, но наполненный нерушимой властью:

— «Тихо!» — голос пронзил её до самых костей, заставив замереть. Он исходил от женщины за окном - малышка это чувствовала всей своей сущностью. Покорность была единственным инстинктом самосохранения, который подсказывал ей затаиться и не привлекать к себе внимания.

Внезапно сверкнула молния, озарив на мгновение окрестности. Малютка ахнула от ужаса, прижала ладони к стеклу. Женщина не просто стояла - она несла что-то в другой руке. Молния осветила её ещё раз, и девочка увидела это: отрубленную голову! Мужская голова с широко раскрытыми, испуганными глазами. Женщина держала её, как будто это был обычный пакет с продуктами, - небрежно, чуть склонив набок, и капли дождя стекали по мёртвому лицу.

Ей показалось, что нож, который женщина держала в руке, мгновенно оказался у её горла. Женщина вновь произнесла, не меняя интонации:

— «Тихо!»

Маленькая девочка зажала рот руками, слёзы ручьём текли по лицу. Её тело тряслось от ужаса и рыданий, колени подкосились, и она сползла по стене на пол. Она кивнула, стараясь показать, что поняла и будет молчать, - кивнула несколько раз, быстро, отчаянно, глядя на женщину широко раскрытыми глазами. Женщина медленно отстранила нож.

— «Молодец», — сказала неизвестная, голос её был неожиданно тих и спокоен, как будто она похвалила девочку за выполненное домашнее задание. Затем, не спеша, она повернулась и скрылась в темноте, растворившись в ливне, как призрак.

Маленькая девочка ещё долго сидела на полу, не в силах пошевелиться. Она обхватила колени руками, уткнулась в них лицом и слушала, как колотится собственное сердце. Только когда первые лучи рассвета проникли сквозь занавески, она смогла подняться, осторожно подойти к окну и убедиться, что женщина исчезла. В голове звучал отголосок её голоса, и она понимала, что эта ночь навсегда останется в её памяти, как страшное видение, которое будет долго преследовать в кошмарных снах.

1 Глава

16 сентября 2003 года, 06:00 по местному времени

Говорят, что раннее утро - это самое благодатное время для самореализации, когда разум ещё чист, а тело не утомлено дневной суетой. Именно в эти часы, по мнению многих, рождаются гениальные идеи и совершаются важные поступки. Но есть и другая категория людей - те, кто поднимается затемно вовсе не ради великих свершений, а всего лишь из страха опоздать на работу и получить выговор или, того хуже, штраф. Они встают не потому, что хотят, а потому, что надо, и это "надо" диктует их утро, вплетаясь в каждый их шаг тяжёлой, невидимой цепью.

Впрочем, как бы ни были различны мотивы, всех людей принято делить на два лагеря - сов и жаворонков. Первые - те, кого не разбудишь даже артиллерийской канонадой, кто до последнего цепляется за подушку и видит десятый сон, сворачиваясь в клубок при каждом шорохе. Вторые - те, кто просыпается с первыми лучами солнца, задолго до будильника, полные энергии и готовности действовать, словно внутри у них спрятан маленький моторчик. Я же, судя по всему, занимаю некое промежуточное, двусмысленное положение: мой разум уже проснулся, он фиксирует каждый звук и даже готов к диалогу, но тело категорически отказывается подчиняться, и ему хочется только одного - свернуться калачиком и доспать, как самой настоящей сове, для которой утро - это глубокая ночь. Всё это ещё можно было бы назвать терпимым и даже милым, если бы не одно досадное, вездесущее "но", которое врывается в мой сонный покой каждый день.

— Аннабелла, подъём! В школу опоздаешь! — донёсся из-за двери требовательный мамин голос, в котором смешивались привычная строгость и лёгкая тревога. Казалось, этот голос способен просочиться сквозь любые стены, одеяла и даже самые сладкие сны.

— Встаю, встаю, — машинально отозвалась я, хотя в тот момент мои веки всё ещё были тяжёлыми, а мысли путались в остатках утренних сновидений.

Я перевернулась на другой бок, уткнулась лицом в подушку, пытаясь урвать ещё хоть мгновение сна, но мамин голос уже врезался в сознание, как будильник, который невозможно выключить. И только спустя целых пять минут - пять бесконечных минут, которые тянулись как резина, - я соизволила наконец отделить себя от тёплого одеяла и принять вертикальное положение.

Первым делом я потянулась, поднявшись на носочки и вытянув руки высоко вверх, словно пыталась достать до потолка. Это незамысловатое движение приятно растянуло затёкшие за ночь мышцы, разогнало кровь и подарило телу ощущение возвращения к жизни. Я даже тихо застонала от удовольствия, чувствуя, как каждая косточка встаёт на своё место.

Затем я направилась к окну и раздвинула плотные тёмные занавески, которые всю ночь надёжно укрывали комнату от внешнего мира. В тот же миг в глаза мне ударил яркий, почти ослепительный солнечный свет, заливший всё вокруг золотистым сиянием. Я невольно зажмурилась, прикрывая веки рукой, чтобы дать глазам время привыкнуть к этой внезапной вспышке дня.

По памяти, уже не глядя, я протянула руку вперёд и толкнула створку окна, впуская в комнату уличный воздух. И тут же в нос ударил тот самый неповторимый запах - влажный,

свежий, с отчётливыми нотками мокрого асфальта и промытой дождём листвы. На календаре - середина сентября, самое время для затяжных осенних дождей, и природа не подводит. Для многих людей дождь - повод для уныния, серость и сырость навевают тоску, но для меня это самое то: в такой погоде есть особое очарование, какая-то уютная меланхолия, которая действует на меня успокаивающе.

Я постояла у распахнутого окна около минуты, наслаждаясь утренним воздухом, вдыхая его полной грудью и ловя каждое дуновение ветра. Однако время не ждало, и пришлось оторваться от этого занятия, каким бы приятным оно ни было.

Дальше всё пошло по отработанному сценарию - как по расписанию, без сбоев и исключений. Сначала аккуратная заправка постели, чтобы комната не выглядела как поле битвы. Затем тщательная сборка школьной сумки: учебники, тетради, пенал - всё по своим местам, ничего лишнего. Потом мучительный выбор одежды по погоде - ведь осень коварна, и утром холодно, а днём уже жарко. Далее быстрый, но основательный душ, который окончательно смывает остатки сна, и, конечно, обязательная чистка зубов - ритуал, без которого день не задастся. Затем одевание, долгое стояние перед зеркалом с расчёской в руках, попытки укротить непослушные волосы - и только после всего этого, уже полностью готовой и собранной, я, наконец, спускалась вниз, к кухне, где меня ждал завтрак и новые звуки начинающегося дня.

— Ну и копуша же ты, — услышала я насмешливый, но не лишённый теплоты голос отца, как только моя нога ступила на порог кухни. Он сидел за столом, развернув перед собой газету, и поверх неё смотрел на меня с той самой улыбкой, которая всегда меня обезоруживала.

— Не тебе меня судить! — парировала я, не оставаясь в долгу, и для пущей убедительности показала ему язык. Затем я прошаркала к обеденному столу и плюхнулась на своё законное место, которое уже успело за годы стать моим маленьким островком в этом семейном пространстве. Стул скрипнул подо мной, и я, усевшись поудобнее, облокотилась на стол. — Что сегодня на завтрак, мам? — спросила я с лёгкой надеждой в голосе, хотя уже догадывалась, каким будет ответ.

— Как всегда, — прозвучал бодрый и невозмутимый мамин голос из-за кухонной стойки. Она стояла спиной к нам, что-то помешивая в кастрюле, и даже не обернулась.

— Опять каша, — вымолвили мы с папой одновременно, и в наших голосах звучала одна и та же неподдельная досада, будто нам вынесли приговор. Мы переглянулись, и в этом взгляде проскользнуло молчаливое братство по несчастью, мгновенная связь двух единомышленников, объединённых общей гастрономической трагедией.

— Не опять, а снова! — бодро поправила нас мама, и в голосе её слышалась мягкая, но непреклонная материнская твёрдость. С этими словами она поставила передо мной тарелку, из которой поднимался пар, а внутри дымилась овсяная каша - густая, вязкая, безжалостно полезная, с кусочками яблок и щепоткой корицы, что, впрочем, не делало её более желанной. Я уставилась в тарелку с видом человека, которого приговорили к пожизненному заключению.

— Дорогая, мы с твоей дочерью не козы, — возмутился папа, отодвигая свою тарелку, будто это могло спасти ситуацию. Он даже слегка поморщился, глядя на эту безобидную, но такую ненавистную овсянку. — Мы мясо хотим! Настоящее, сочное, мужское мясо! А не вот это вот всё.

— Точно-точно, мам! — закивала я головой с такой энергией, что мои волосы запрыгали, подтверждая каждое папино слово. В тот момент мы с отцом были единым фронтом, непобедимым альянсом против утреннего овсяного засилья.

— Ешьте! — с угрозой в голосе, но с добрыми глазами, отрезала мама. Она упёрла руки в бока и посмотрела на нас таким взглядом, от которого хотелось спрятаться под стол. — Иначе без десерта сегодня будете! — и обычно именно после этой фразы, произнесённой с особым материнским напором, и начинается наш утренний ритуал: тихое бубнение, недовольные вздохи и неизбежное смирение перед ложкой.

Прошло несколько минут с начала нашей трапезы, и если бы в этот момент за нами кто-нибудь наблюдал со стороны, то увидел бы весьма показательную картину. Папа, восседающий во главе стола, с подчеркнутой важностью и одновременно с детской обидой, жевал кашу - или, точнее сказать, мучительно давился ею, запивая большими глотками чая и морщась при каждом проглатывании. Мама же, напротив, с искренним, почти театральным удовольствием уплетала свою порцию, будто это был изысканный десерт, а не обычная овсянка. При этом она умудрялась вести разговор в режиме нон-стоп, энергично жестикулируя ложкой и рассказывая, как будет проходить её сегодняшний день: с кем встретится, кого навестит и какие планы у неё на вечер. Я же сидела молча, погружённая в свой маленький мир, передо мной стояла чашка с крепким утренним кофе - единственным спасением в это серое утро, - и я крошечными ложечками, с какой-то обречённой медлительностью, ела ту самую ненавистную кашу, растягивая процесс как можно дольше и мысленно уговаривая себя, что это полезно.

Что я могу рассказать о своей семье? Мы - самая обычная семья, каких тысячи вокруг. Ни бедные, ни богатые, где-то посередине, как и большинство. Если говорить по сути, ближе к делу, то мой папа, Картер Янг, работает переводчиком с нескольких языков, а также подрабатывает гидом-экскурсоводом в местных музеях, где водит группы туристов и с увлечением рассказывает об истории города. Ему не раз поступали заманчивые предложения уехать за границу на постоянное место жительства и работать там за суммы, которые здесь нам и не снились. Но он - упёртый баран, который не желает покидать своё насиженное гнездо, пусть даже оно тесное и душноватое. Он любит свой дом, свой город, свои привычки, и никакие деньги не способны его сдвинуть с места. Мама же, Грэйс Янг, работает сиделкой в доме престарелых, хотя по образованию она юрист - дипломированный специалист, когда-то строивший карьеру в судебной сфере. Да, в это трудно поверить, я знаю: женщина с юридическим образованием, которая могла бы вести дела и зарабатывать приличные деньги, каждый день ухаживает за пожилыми людьми, меняет памперсы и ставит уколы. Сначала мама действительно работала по профессии, но когда родилась я, она решила кардинально сменить направление. На это решение повлиял и скоропостижный уход из жизни моего дедушки, когда мама своими глазами увидела, как тяжело старикам без должного ухода и внимания. Как говорят люди: променяла хорошую доходную работу на хуже некуда - с точки зрения карьеры и денег. Но мама так не считает. А я что? А я - всего лишь обычная школьница, ученица выпускного класса. Скажу честнее: не просто ученица, а та, кто выживает в этом классе из последних сил, сдаёт экзамены, ночи не спит и кусает гранит науки. Рядом с нашим домом находилась всего одна школа, и та - элитная, для детей из обеспеченных, богатых семей. Зарплаты родителей банально не хватило бы, чтобы покрыть расходы на моё обучение в этом учебном заведении. Но, к счастью, там действовала внутришкольная программа, которая предусматривала бесплатное обучение для отличников и медалистов, и мне, благодаря долгим ночам, стараниям и поту, удалось попасть в число этих счастливиц.

Для многих моих одноклассников я кажусь слишком умной, даже зазнайкой, как они любят выражаться. "Всезнайка" - это их любимое прозвище для меня, которое они перешептываются за моей спиной или бросают в лицо с лёгкой насмешкой. Однако они и понятия не имеют, чего мне на самом деле стоят мои знания. Вся моя успеваемость - это не врождённый дар и не магия, а результат тяжёлого, порой изнурительного труда, бессонных ночей и бесконечных усилий. Не стану кривить душой, если скажу, что многие предметы даются мне с поразительной лёгкостью - например, гуманитарные науки или языки, где мне достаточно один раз прочитать текст, чтобы запомнить его надолго. Но есть и такие дисциплины, особенно точные, где я сидела днями и ночами напролёт, перечитывала одно и то же по десять раз, корпела над учебниками до рези в глазах, чтобы наконец-то не просто вы зубрить материал, а именно понять его, прочувствовать логику и впустить в себя. Почти каждый день после занятий я отправляюсь в школьную библиотеку и остаюсь там до самого её закрытия, погружённая в мир

книг и конспектов, а то, что не успеваю изучить там, беру домой и читаю на выходных, чтобы не терять ни минуты. Мои родители, к сожалению, не могут позволить себе нанять мне дорогих репетиторов, как делают другие семьи из нашей элитной школы, но я не жалею, ведь я прекрасно справляюсь сама. Более того, я давно заметила, что самообразование даётся мне гораздо легче, чем прослушивание скучных лекций какого-нибудь профессора, который лишь повторяет одно и то же из года в год. В самостоятельном изучении я чувствую свободу - сама выбираю темп, сама решаю, на чём сосредоточиться, и не трачу драгоценное время на то, что мне уже известно. Ко всему прочему, у меня остаётся гораздо больше времени для себя, для своих маленьких радостей и размышлений, которых в моей насыщенной жизни так мало.

— Аннабелла, ты всё подготовила на сегодня? — раздался мамин голос, который неожиданно прервал поток моих утренних мыслей и вернул меня в реальность, где меня ждал очередной день.

— Конечно! — отозвалась я бодро, стараясь вложить в голос максимум уверенности. Я даже выпрямилась на стуле и придала лицу самое серьёзное выражение. — Не стоит сомневаться во мне, мам! Ты же меня знаешь.

— Смотри мне! — с ноткой строгости и одновременно материнской заботы продолжала она, погрозив мне пальцем. — Тебе нужно хорошее образование, понимаешь? Чтобы не закончить так, как мы с твоим папой.

“Ага, как же. Сами себя до этого и довели”, - подумала я про себя, но вслух не сказала ни слова. Только слегка поджала губы и опустила взгляд в тарелку, чтобы не выдать своих мыслей.

Они выбрали свой путь, свои профессии, свои решения, и теперь я собираюсь следовать их наставлениям, но не повторять их ошибок. Однако не мне их судить, ведь я не знаю всех обстоятельств и причин, которые когда-то привели их к такому выбору. Поэтому я могу лишь согласно кивнуть в знак согласия, когда слышу эту фразу. Глубоко внутри, на самом дне моей души, я понимаю мамину боязнь - она хочет для меня лучшей доли, большего, чем у неё самой. Но когда это напоминание повторяется день ото дня, каждый чёртов день, оно начинает потихоньку раздражать, превращаясь в заезженную пластинку, которую хочется выключить.

В этот самый момент с улицы донёсся звук автомобильного сигнала - короткий, требовательный, настойчивый. Из окна кухни можно было разглядеть лишь бампер чёрного цвета, а всё остальное пространство надёжно скрывали мамины кусты спиреи, которые она когда-то приобрела на проезжей ярмарке - тогда мы ещё смеялись над её спонтанными покупками. Запах от этих кустов, надо признать, стоит знатный, насыщенный и терпкий, но, слава Богу, они цветут только летом, а не круглый год, иначе кухня превратилась бы в парфюмерную лавку с головокружительным ароматом.

— Аннабелла, тебя ждут! — сказал отец уже громче и нетерпеливее после ещё одного сигнала, который, судя по интонации, явно начинал его раздражать. Он отложил газету и посмотрел на меня с лёгким укором.

— Слышу! — сказала я в ответ, поднимаясь из-за стола. Стул снова скрипнул, и я, не теряя времени, направилась к раковине.

Я быстро, но аккуратно отнесла свою посуду в раковину, чтобы не оставить после себя беспорядка. Затем подошла к родителям, поцеловала каждого в щёку на прощание - маму в одну, папу в другую, как делала каждое утро, - и, не оборачиваясь, побежала к выходу, перепрыгивая через ступеньки.

В прихожей я быстро натянула обувь и уже взялась за ручку входной двери, как вдруг мой взгляд случайно скользнул по висящему на стене старинному зеркалу в резной деревянной раме. Я на мгновение замерла, раздумывая, стоит ли терять время, но потом решила, что минута ожидания ничего не испортит. Одну-единственную минуту я могу себе позволить. В зеркале на меня смотрела “Я” - девушка, в которой каждое утро я узнаю себя и иногда нахожу что-то новое. Моё лицо - небольшое, овальное, с мягкими чертами, которые делают меня похо-

жей на маму. На нём красуется заострённый носик, тот самый, которым я часто недовольна, но который, по словам мамы, придаёт моему лицу характер. По краям губ едва заметно проглядывают маленькие ямочки, которые появляются, когда я улыбаюсь или смеюсь. В детстве дедушка часто рассказывал мне историю о том, что эти ямочки - семейная реликвия, доставшаяся мне от его мамы, моей прабабушки, которую я никогда не видела, но с которой чувствую странную связь. Зато дедушка одарил меня глазами - яркими, насыщенными, темно-голубыми, почти как море в шторм. Такие глаза, по его словам, встречаются крайне редко, и в них отражается вся наша порода.

Ростом я не вышла - совсем не могу похвастаться длинными ногами или модельной внешностью. Всего-то пять футов и сорок семь дюймов, что делает меня одной из самых низких в классе, но я уже давно к этому привыкла. Зато мои волосы - это отдельная история, настоящая гордость и одновременно моё проклятие. Тяжёлая, густая копна темно-коричневых волос, почти чёрных в тени, которая спускается ниже бедер и требует к себе постоянного внимания. Дополняет картину небольшая чёлка, которую я пытаюсь зачёсывать за уши, потому что она вечно лезет в глаза и мешает писать. Я уже давно мечтаю отрезать эту роскошь, сделать короткую причёску, чтобы облегчить себе жизнь, но мама категорически запрещает, говоря, что красоту не портят, а природа дала мне редкий дар. Поэтому мне остаётся лишь терпеть и укладывать волосы либо в тугую косу, либо в высокий хвост, хотя даже в таком виде они создают неудобства - голова тяжелеет, а шея быстро устаёт.

Моя одежда сегодня, как всегда, самая простая и практичная, тщательно подобранная по погоде и настроению. На мне водолазка без воротника, нежного пастельного оттенка, которая мягко облегает фигуру и согревает от прохладного утра. Снизу - приталенные чёрные джинсы, которые сидят идеально, и массивные ботсы на высокой подошве, добавляющие мне пару лишних дюймов роста, которых мне так не хватает. На плече привычно висит сумка серого цвета - моя верная спутница, с которой я не расstaюсь уже почти семь лет. Ей давно пора отправиться на покой, но она по-прежнему выглядит как новенькая, благодаря тому самому "ежедневному уходу за вещами", которому меня с детства научила мама. Сумка пережила со мной множество приключений, и я не собираюсь её менять.

Я не стала больше задерживаться, схватила ключи с тумбы в прихожей и выбежала на крыльцо, с силой захлопнув за собой дверь. В тот же момент в нос мне ударил тот самый знакомый запах - влажная свежесть осеннего утра, смешанная с ароматом мокрой листвы и земли, который я вдыхала у окна несколько минут назад, и он тут же заполнил мои лёгкие.

Я на мгновение притормозила, остановившись прямо на дорожке, и сделала несколько глубоких вдохов и медленных выдохов, чтобы по-настоящему ощутить всю бесконечную свежесть этого раннего осеннего утра. Я замерла, прислушиваясь к трели птиц, которые ещё не покинули наши края в преддверии долгой зимы, и к звукам повседневной рутины, доносящимся со всех сторон: где-то громко лает соседская собака, кто-то хлопает калиткой, где-то заводится старенький автомобиль. Где-то вдали слышен скрип калитки - той самой, которой уже, наверное, лет двадцать, если не больше, и которая скрипит каждое утро как по расписанию.

Этим звукам, этой атмосфере можно наслаждаться каждый день напролёт, без усталости, как будто слушаешь любимую мелодию в бесконечном исполнении. Вслушиваться в утренние звуки, различать их между собой, замечать новые оттенки и нюансы - для меня это скорее привычка, повседневное занятие, чем увлечение или хобби. В такие минуты я могу ещё несколько мгновений побыть во сне, хотя моя голова уже полностью осознаёт, что это не сон, а реальность, и что день уже начался и ждёт меня впереди.

— Прекращай мечтать, Аннабель! — раздался звонкий насмешливый голос, и в ту же секунду я почувствовала, как внутри меня закипает глухое раздражение. Господи, как же я ненавижу это дурацкое прозвище! Одно только его произношение, один этот слог, срезанный

и укороченный на две буквы, моментально выводит меня из себя, словно кто-то нажимает невидимую кнопку в моей голове.

Вот из всех имён, какие только существуют в этом мире, моим родителям взбрело в голову назвать меня Аннабеллой. Не Анабель, не Анной, даже не коротким и ёмким “Ан”. Тупо, без вариантов - Аннабелла, с обязательной буквой “а” на конце, с двумя “н” и двумя “л”, которые вечно путают в документах и которые я вынуждена с детства проговаривать по буквам. И мало того что имя длинное и неудобное, так ещё из-за этого дурацкого сочетания звуков меня вечно сравнивают с той самой куклой Аннабель³ - и это сравнение преследует меня повсюду, куда бы я ни пошла. И, видимо, я единственный человек на всей планете, кто не видит между нами абсолютно никаких общих черт, в отличие от всех остальных, которые с лёгкостью проводят эту параллель и считают её остроумной шуткой. И именно эта “остальная” сейчас стоит прямо напротив меня, лениво прислонившись к капоту машины, а из открытого окна водительского места мне радостно машет рукой парень этой самой “остальной”, хотя он, стоит признать, и сам относится к тому же критерию - к числу людей, которые обожают дразнить меня этим ненавистным именем.

— Ну, идёшь ты? — нетерпеливо нажал на клаксон мой друг, которому, судя по всему, уже порядком надоело ждать меня, пока я стою на крыльце и размышляю о превратностях судьбы.

Нетерпеливого водителя звали Доминик Томпсон - высокий, статный парень с ростом ровно шесть футов и три дюйма, что делало его заметно выше большинства сверстников. Его густые чёрные волосы, всегда безупречно зачёсанные и будто зализанные на правую сторону, блестели на утреннем солнце и создавали образ этакого плохого парня из глянцевого журнала. Одежду он предпочитал исключительно чёрных тонов: чёрная футболка, чёрная кожаная куртка, чёрные джинсы - и это был не просто стиль, а его фирменный знак, его визитная карточка, которую он носил с непоколебимой гордостью. В его фигуре чувствовалась уверенность, почти надменность, которая сразу выдавала человека, привыкшего получать от жизни всё, что он захочет.

— Если только твоя девушка прекратит называть меня Аннабель! — крикнула я в ответ, складывая руки на груди и приподнимая бровь в ожидании её реакции.

— Прекрати дуться, Аннабель! — пропела Зои, соорудив нарочито жалобную, шенячью гримасу, от которой у любого нормального человека сердце бы дрогнуло. — Ты же прекрасно знаешь, что я это говорю только по любви! — она захлопала ресницами, изображая невинность, хотя в глазах её плясали чёртики.

Зои Овен была высокой девушкой - ровно шесть футов ростом, что делало её практически одного роста с Домиником. Её чёрные, как смоль, волосы были туго собраны в высокую шишку на макушке, открывая её точеную шею и острые скулы. Одежда на ней всегда представляла собой нечто невероятное - странное, несочетающееся между собой, словно она выбирала вещи с закрытыми глазами, руководствуясь лишь сиюминутным настроением. Сегодня на ней были ярко-розовая толстовка с кислотно-зелёными нашивками и клетчатые брюки, которые совершенно не вписывались ни в цветовую гамму, ни в общую концепцию образа, но Зои это было абсолютно всё равно - она носила то, что хотела, и плевать хотела на чужие взгляды.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как вздохнуть с чувством безысходности и направиться к машине, из колонок которой на весь двор гремел Runaway группы Linkin Park - идеальный саундтрек для нашего утра с его надрывными гитарами и эмоциональным вокалом.

— Только потому, что я вас безумно люблю, — пробормотала я с лёгкой иронией, и с этими словами расположилась на заднем сиденье, с силой захлопнув за собой дверцу. Сумку

³ Аннабель - тряпичная кукла, персонаж популярной городской легенды, которая гласит, что кукла была одержима духом или демоном.

я бросила рядом с собой на сиденье и откинулась на спинку, позволяя себе на мгновение расслабиться.

Пока Зои обходила машину с другой стороны и устраивалась на переднем пассажирском сиденье, я успела заметить в отражении зеркала заднего вида несколько смущённых, слегка растерянных взглядов, которые Доми бросал в мою сторону. Его глаза встретились с моими на долю секунды, и я почувствовала, что он хочет что-то сказать, но сдерживается. Я улыбнулась ему в ответ - коротко, едва заметно - и тут же отвернула голову к окну, чтобы скрыть лёгкую краску на щеках и не дать ему повода для лишних вопросов.

Если говорить по существу и честно признаваться самой себе, то мне до сих пор не совсем понятно, каким образом эти двое стали моими друзьями. Мы такие разные, из таких разных миров, и тем не менее вот уже несколько лет проводим каждое утро вместе в этой машине.

Доминик Томпсон - сыночек одного из самых известных бизнесменов в нашем городе. Его отец занимает должность директора крупной корпорации "Фарм Глобал", которая специализируется на разработке и продаже медикаментов не только по всей стране, но и далеко за её пределами. Именно этот самый папаша, желая порадовать своего единственного наследника, подарил ему на четырнадцатый день рождения этот роскошный Peugeot 607 - чёрный, блестящий, с идеальными линиями кузова, который Доминик с тех пор боготворит. Теперь он каждый день, каждую свободную минуту, поклоняется этой машинке: моет её, полирует, проверяет каждый винтик, разговаривает с ней, как с живой. Мы с Зои от этого откровенно угораем, но предпочитаем не спорить с ним по поводу его "малышки", потому что знаем, как он болезненно относится к любым насмешкам в адрес своего четырёхколёсного друга.

Однажды мы с Зои решили устроить ему весёлый розыгрыш, чтобы посмотреть на его реакцию. Мы создали видение, будто бы испортили его дорогую, горячо любимую малышку: разрисовали кузов в разных местах рисунками, имитирующими глубокие царапины и порезы, внутри салона раскидали остатки разной еды, предварительно защитив всё пищевой плёнкой, чтобы не испачкать по-настоящему. Ну и, конечно же, я слегка "подпортила" ему двигатель, просто отсоединив пару проводов, чтобы машинка не заводилась и он испытал настоящий шок. Но кто же знал, что наш суровый, непробиваемый Доминик упадёт в обморок только от одного вида своей малышки снаружи? Он побледнел, схватился за сердце и медленно сполз по капоту, чем привёл нас в состояние полнейшего шока и одновременно дикого смеха. С тех пор мы больше не шутим с его машиной - урок был усвоен навсегда.

— Аннабелла, ты к контрольной сегодня готова? — повернулась ко мне Зои с переднего места, заглядывая через плечо с выражением лёгкой паники на лице. Она даже чуть привстала, чтобы лучше видеть меня.

— Не задавай глупых вопросов, Зо, — фыркнул Доминик, не поворачивая головы и продолжая вести машину одной рукой, другой переключая передачу. — Она всегда готова! Ты же знаешь нашу всезнайку.

От этих слов я почувствовала, как внутри меня закипает раздражение - его уверенный, снисходительный тон всегда действовал мне на нервы.

— Слушай, может, тогда ты будешь моим ртом, Доминик? — глянула я в зеркало заднего вида и широко улыбнулась, демонстрируя все зубы. — Мне легче будет. Меньше ненужных слов с его стороны, больше времени на моё саморазвитие и сохранение нервных клеток.

— Ищи себе другого идиота, Аннабелла! — буркнул он в ответ, не сдерживаясь, и показал мне средний палец через плечо, не отрывая взгляда от дороги.

— Ну и ладно, больно-то и надо, — отмахнулась я и снова уставилась в окно, разглядывая проплывающие мимо дома и деревья. И что, скажите на милость, Зои нашла в этом заносчивом парне? Идиот, он и в Африке - идиот, даже если машина у него шикарная и папа влиятельный.

Что касается Зои, тут можно сказать коротко и ясно: всеми известная семья судей и юристов Овен, где каждый второй либо вершит правосудие, либо защищает преступников в суде.

И она, в отличие от всех своих многочисленных родственников, решила категорически не идти по их стопам, чем вызвала настоящий скандал и бурю негодования на семейных собраниях.

В отличие от Доминика, который часто плывёт по течению и делает то, что ему говорят родители, Зои всегда знает, чего хочет, и всегда добивается поставленной цели с упорством, достойным восхищения и одновременно пугающим. Она целеустремлённая, сильная, независимая, и я иногда завидую её решимости. Я же - просто плыву по течению, стараюсь никого не трогать и не задевать, как листок на поверхности воды, который несёт туда, куда дует ветер. От этой жизни я многого не жду и не требую - просто живу, день за днём, словно пустая оболочка, внутри которой нет ни огня, ни страстного желания что-то изменить. Целей у меня, если быть честной, практически нет. Хотя вру, наверное: одна цель у меня всё же есть, давняя, выстраданная, но она уже давно перешла черту и стала несбыточной, превратившись в призрак надежды, который я всё ещё пытаюсь удержать. Это было одно из немногих моих искренних желаний, одна из тех надежд, которые согревали меня в самые тёмные ночи. Но реальность всегда оказывается суровее, какой бы прекрасной она ни казалась со стороны, когда смотришь на неё через чужие глаза.

Ну, скажите на милость, что в наше время значит актёр? Точнее, певица? Всего лишь набор букв и звуков на афише, красивая обёртка без содержания. Всего лишь одна из песней в бессмертной трагедии Шекспира “Короле Лир”⁴, которая звучит в четвёртом действии и которую никто не замечает. Я чувствую себя как Глостер - слепой, незрячий, не узнающий голосов, умоляющий привести меня к скале в Дувре, чтобы я могла прыгнуть вниз и наконец обрести покой, которого так жажду. Но вместо того чтобы вести меня к истинному концу, меня ведут на обман, на пустую иллюзию. Как Эдгар, который притворяется, что ведёт слепого Глостера к обрыву, а затем меняет голос и убеждает его, что тот чудесным образом выжил при падении с огромной высоты, хотя на самом деле он не падал вовсе. Ха, смех - и толку от этого смеха ровно ноль, потому что он не приносит ни облегчения, ни ответов.

В итоге мы получаем слепого Глостера - то есть меня, которая всей душой желает упокоиться и перестать мучиться, - и Эдгара, любого человека, который тайно ненавидит меня и обманом вынуждает жить дальше, только для того чтобы в конечном счёте самому и убить Глостера. Хотя, безусловно, это далеко не единственная шекспировская трагедия, которую я могла бы вплести в свой пример: там есть и “Гамлет”, и “Отелло”, и “Макбет” - каждая из них могла бы стать метафорой моей жизни. Но если продолжить трактовать именно эту пьесу, можно заметить, что наряду с двумя взглядами на природу, она содержит два диаметрально противоположных взгляда на разум, выраженные в речах Глостера и его незаконнорождённого сына Эдмунда. Две природы и две причины подразумевают два разных общества: с одной стороны - старое, пришедшее из Средневековья с его верой в сотрудничество, разумную порядочность и уважение к целому как к чему-то большему, чем сумма частей; с другой - новое общество, эпоха соперничества, подозрений, жажды славы и личной выгоды, представителем которого является Эдмунд. Таким образом, я, как и сам “Король Лир”, отношусь к аллегории - я и есть та самая пьеса, которую никто до конца не понимает, но все пытаются интерпретировать по-своему.

— Аннабелла, ну всё-таки ты выучила всё к контрольной? — снова спросила Зои, но на этот раз в её голосе я отчётливо услышала мольбу, почти отчаяние.

Я повернула голову в её сторону и увидела её большие, умоляющие глаза, которые смотрели на меня с такой надеждой, будто я была её единственным спасением. Я тяжело вздохнула, закатила глаза и полезла в свою сумку, шурша тетрадами и папками. Найдя среди них нужную, потрёпанную на углах тетрадь с моими аккуратными конспектами и множеством цветных пометок, я потянула её вперёд, протягивая Зои. Но в самый последний момент, когда её пальцы

⁴ “Король Лир” - трагедия, написанная Уильямом Шекспиром.

уже почти сомкнулись на тетради, я резко убрала руку назад, отдернув её, как зазнавшийся продавец на базаре.

— С тебя сегодняшний обед, — сказала я с хитрой улыбкой, глядя ей прямо в глаза. — И никаких отговорок.

— Хорошо, — нехотя, с явной досадой и большим сомнением в голосе, согласилась Зои, прекрасно понимая, что другого выбора у неё просто не существует, потому что без моих конспектов она пропадёт на этой контрольной.

С довольной, почти торжествующей улыбкой на лице я протянула ей тетрадь, и она схватила её с такой жадностью, будто это был мешок с золотом.

— Зо, научись уже сама учиться, а не списывать у Аннабеллы всё подряд! — строго, почти с отцовской назидательностью, посмотрел на Зои Доминик. В его взгляде была такая серьёзность, что я вместе с ней на мгновение дрогнула под этим холодным, пронизывающим взглядом.

— Тебе легко говорить, Доминик! — недовольно заныла Зои, обиженно надувая губы. — Ты - сын врача, тебе все предметы даются с лёгкостью, а я страдаю с этой химией и ботаникой! — Доминик резко протянул руку и закрыл ладонью рот Зои, не давая ей вставить и слова.

Зои терпеть не может, когда ей указывают на её ошибки или напоминают о слабостях, и в такие моменты она превращается в настоящего дикобраза. Обычно для человека, который посмел ей это сказать, есть два стандартных исхода: либо он становится трупом, потому что Зои в детстве профессионально занималась боевыми искусствами и до сих пор помнит все приёмы, либо он мгновенно заносится в её чёрный список навечно, без права на апелляцию и восстановление. Только я и Доминик относимся к третьему, привилегированному критерию - она обижается, но не злится по-настоящему, всё это просто дружеские шутки и подколы, которые мы позволяем друг другу. Если бы она на нас реально злилась, мы бы уже давно лежали в могилах со всеми нашими шуточками и бесконечными приколами.

— Не смей отнекиваться, — продолжил он более мягко, но с прежней настойчивостью. — В жизни каждая мелочь пригодится, даже самая незначительная на первый взгляд деталь. Поверь мне, я знаю, о чём говорю.

— Доминик абсолютно прав, Зои, — поддержала я, откинувшись на спинку сиденья и скрестив руки на груди. — Ты слишком многое ленишься делать, а потом от неудачи льёшь горькие слезы и страдаешь всю неделю, хотя можно было просто сесть и выучить тему, как все нормальные люди.

— И вы ещё называетесь моими друзьями! — обиженно пробурчала Зои, сердито скинув руку Доминика со своего рта и надувшись, как маленький ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку. — Такие друзья и врагам не нужны!

— Ну, какие есть, такие есть! — рассмеялись мы с Домиником в один голос, переглянувшись через зеркало заднего вида, и в этом унисоне чувствовалась та особенная связь, которая нас троих и объединяла, несмотря на все наши недостатки, разногласия и постоянные подколы.

Оставшаяся наша часть пути прошла смеясь. Сначала мы вывели Зои из своей выдуманной обиды на нас. Выслушали все её распри и причитаний, а также, почему мы должны согнуться. Обсудили контрольную, гадая, какие вопросы будут в тесте Миссис Эвери. Наша ботаника ещё та мразь, каких свет не сыщешь. По проведению её уроков можно понять, что все мы пойдем в медики и ни как иначе. Я бы в жизни, как и многие, не читала учебных пособий по медицине, ветеринарии и фармакологии, если не она. Хотя в будущем может мне и понадобится эти знания, только где и как? Но так как в нашей школе учатся одни дети из богатеньких семей, то им это учить не надо. Деньги решают все, так было всегда. А меньшинству, таким как я только и остается, что сидеть за учебниками. Доминик, наверно, единственный мне знакомый человек, который все учит прилежно и не жалуется на трудности, но если конечно они

его не выведут из себя. В отличие от него Зои любит больше себя чем учебу и поэтому если не я, то она уже давно была отчислена. Хотя её уже пытались отчислить, но как я и сказала деньги решают все проблемы. Именно из-за её “не хочу” с ней мы с Доми занимаемся по очереди, точнее мы разделили предметы между собой. Чувствую себя нянькой, к которой подкинули годовалого ребенка. Хотя да, она ребенок в отличие от меня.

Когда машина наконец остановилась у школьного крыльца, и мы, хлопнув дверцами, вышли из неё на мокрый от утренней росы асфальт, в мою сторону тут же полетел футбольный мяч - стремительный, чёрно-белый, вращающийся в воздухе с такой скоростью, что я даже не успела испугаться. Хорошо, что Доминик с детства занимается футболом и его реакция отточена до автоматизма: он с лёгкостью, почти не глядя, остановил летящий снаряд ногой, подбив его коленом и прижав к земле, иначе бы я уехала отсюда напрямик в больницу с сотрясением мозга и хорошим таким фингалом на лбу.

Кинув мяч обратно с такой силой, что тот со свистом рассек воздух, он в ту же секунду загородил меня своим широким телом, словно живым щитом. Только по одному его виду со спины - по тому, как напряглись плечи, как сжались кулаки и как он слегка наклонил голову вперёд, словно готовый к атаке бык, - можно было понять, что Доминик взбешён не на шутку, и сейчас его ярость достигла той точки кипения, за которой уже не будет ни остановок, ни размышлений о последствиях.

Томпсон является капитаном здешней футбольной команды, которая уже не первый год подряд приводит школу к победам на соревнованиях, и его авторитет на поле непререкаем. Скажу на своём опыте: тренер и капитан из него получаются строже некуда - он требует от каждого игрока полной отдачи, безупречной техники и железной дисциплины, и никому не спускает даже малейшей ошибки.

Как-то раз мы с Зои, откровенно скучая летом, решили, что хотим научиться играть в баскетбол - чисто для развлечения, просто чтобы убить время и хоть чем-то заняться. Но Доминик воспринял наш интерес совершенно не так, как мы планировали: он решил, что мы настроены серьёзно, и взялся за нас с такой самоотдачей, будто готовил к официальным играм. После этого нас ждали адские тренировки в течение всего лета - изнурительные, потогонные, с раннего утра до позднего вечера, пока мы обе в один прекрасный момент не послали его к чёртовой матери, устав от бесконечных кроссов, приседаний и бросков по кольцу. Так что я отлично понимала, как и Зои, которая уже подошла ко мне и приобняла за плечо, что эти несчастные шкеды из футбольного клуба получают сейчас таких жестких люлей, что до конца семестра будут бояться подходить к нам ближе чем на десь миль.

— Объясниться не хотите? — прорычал Доминик, обращаясь к перепуганным парнишкам, которые застыли на месте с виноватыми лицами, не решаясь ни подойти ближе, ни убежать.

По реакции мальчишек - по тому, как они побледнели, как начали переглядываться друг с другом и как судорожно сглотнули, - стало понятно, что они совершенно не ожидали увидеть Доминика Томпсона в этот ранний час у входа в школу. Это сразу же натолкнуло меня на мысль, что за этим инцидентом может стоять только один человек, чьё имя уже успело стать синонимом школьных интриг и мелких пакостей.

— Грёбаная Райли! — тихо, но с отчётливым ядом в голосе, произнесла рядом со мной Зои, и я почувствовала, как её рука на моём плече слегка сжалась в предчувствии неизбежного скандала.

Я с ней полностью согласна. Райли с самого первого дня, как мне рассказала Зои, прибрала всю школу к своим рукам, превратив её в свою личную вотчину. Для местных учеников она - королева, непререкаемый авторитет, перед которым все преклоняются и которому все угождают, но для таких, как я, она - просто заноза в заднице, которая постоянно напоминает о своём существовании. От неё пострадали многие, включая меня, причём в разные дни и

по самым разным поводам. Страдали даже богатенькие детишки из состоятельных семей, но у них хватало влияния, чтобы держаться от неё на безопасном расстоянии. Она пыталась приструнить и Доминика с Зои, но из-за их семейного статуса и того косвенного влияния, которое они оказывали на школу через своих родителей, ей ничего не удалось, и это возвело для них невидимую баррикаду. А так как я стала их другом, то и для меня нашлась некоторая защита - но, конечно, когда их нет рядом, Райли всячески пытается меня унижить, найти брешь в моей броне и напомнить, что я здесь чужая.

— Долго ещё молчать собираетесь? — уже кипя, со скрипом зубовным, спросил Доминик, и его голос стал низким, почти рычащим, отчего мальчишки съёжились ещё больше.

— Мы... мы не знали, — залепетали они, испуганно переглядываясь и потирая руки. — Честное слово! Мы просто выполняли просьбу, мы не думали...

— Имя! — рывкнул он, не дав им договорить.

— Что? — растерянно переспросили мальчишки, моргая глазами и не понимая, что от них требуют.

— Имя той, кто дал вам наказ! — вышел из себя Доминик, в два шага преодолел расстояние и схватил одного из них за воротник, подняв его над землёй так, что парень закашлялся и замахал руками в воздухе.

— Ррр... Райли! — выкрикнул испуганный парнишка, которого Доминик держал на весу, словно тряпичную куклу. — Она нам приказала! Она сказала, что если мы попадём в Анна-беллу, она закроет нам долги по физкультуре, мы не хотели, правда!

Дальше смысла спрашивать или разговаривать с ними не было никакого - его окончательно вывели из себя, и мы обе видели это по его глазам, которые горели холодным огнём, не предвещающим ничего хорошего для той, кто стояла за этим спектаклем.

На самом деле, Доминика не так-то просто вывести из себя - он обычно сдержанный, спокойный парень, который умеет держать лицо в любой ситуации. Мы с Зои в шутку пытались его разозлить много раз, но по-настоящему получилось у нас только с тем случаем, когда мы разыграли его с машиной - тогда он, правда, разозлился так, что мы еле как спаслись, спрятавшись у Зои дома на целый день. Но в школе выходки Райли и таких, как она, выводили его тёмную сторону моментально, как по щелчку пальцев. Особенно когда они смели тронуть одну из нас - тут уже никакой сдержанности не оставалось, и он превращался в разъярённого зверя, готового смести всё на своём пути.

В отличие от нас, шаг Доминика был намного шире и быстрее, поэтому нам с Зои приходилось за ним чуть ли не бежать, чтобы не отстать. Ему было абсолютно всё равно, что происходит вокруг, потому что по пути он случайно столкнулся с ног нескольких ребят, которые не успели увернуться, и те с недоумением и обидой смотрели вслед нашему стремительному шествию. Мы только и могли, что бежать за ним следом и извиняться за его поведение, размахивая руками и бормоча что-то вроде “извините, он не специально”, хотя оба понимали, что это было ложью. Он не просто стремительно шёл к Райли, чтобы заставить её извиниться - Доминик хотел порвать её на части, разобрать по косточкам, и только я и Зои, теоретически, могли его остановить, но получалось у нас, если честно, откровенно хреново. Так мы добрались до нужного кабинета за рекордно короткое время, практически вбежав внутрь.

Не войдя, а буквально ворвавшись в кабинет, мы увидели привычную для всех здешних сцену. Райли восседала в центре, на своей излюбленной парте, гордо скрестив ноги и откинувшись назад с довольной, самодовольной ухмылкой, полной величия и превосходства, которая так и кричала: “Я здесь главная, и никто мне не указ”. Вокруг неё, словно верный придворный круг, толпилась её свита - Мэги, Вита и Кора, те ещё суки, скажу я вам, которые готовы на всё, чтобы угодить своей королеве. А позади этой так называемой “Королевы” стоял её рыцарь и защитник, чёрт и просто мразь по имени Ферди Элфорд, который всегда был готов прикрыть

её спину и выполнить любую её прихоть. До моего знакомства с Зои и тем более со мной, Доминик входил в число лучших дружков Ферди - они были неразлучны, вместе ходили на тренировки, вместе тусовались, вместе защищали друг друга, но потом многое изменилось.

По прибытию в этот суд, как я мысленно называла наши с ними разборки, я когда-то считала их банду одной из лучших в школе, ну а кто бы сомневался, если в ней были одни красавчики - высокие, спортивные, уверенные в себе парни, на которых заглядывалась каждая девчонка. Но только через неделю мне открылась правда, которая ударила по глазам, как пощёчина: их истинная натура оказалась гнилой, подлой и мерзкой. Подонки, гниды, мрази и уроды - по-другому их просто нельзя назвать, потому что слова более мягкие не передавали всей глубины их падения. Даже когда Доминик ушёл от них и захотел присоединиться к нам, мы не сразу его приняли, слишком свежи были раны и слишком сильны были сомнения. Конечно, он уже воевал против Элфорда, когда стал нашим другом, но точно не тогда, когда его выводили из себя - тогда он становился страшен в своей ярости.

Томпсон за считанные секунды преодолел разделявшее нас расстояние и оказался прямо перед ними. Встав напротив Райли Вуд, он размахнулся для удара - кулак уже летел вперёд, сжатый до побелевших костяшек, - но, как и во всех романтических клише, которые так любят показывать в кино, Ферди успел перехватить его руку, задержав удар в последний момент и тем самым защитив свою принцессу - эту мерзкую тварину.

— Уйди, Элфорд! — прорычал Доминик, и голос его звучал на последних нервах здравого смысла, готовый вот-вот сорваться в открытую агрессию.

— Это тебе лучше смыться, Томпсон! — ответил тот с холодной усмешкой, сжимая его запястье и не собираясь отпускать.

— Не тебе вступать в наши разборки! — Доминик резко высвободил руку из хватки противника и отступил на шаг, готовясь к новому броску. — Так что свали, пока я не начал по-настоящему.

— Только тогда, когда ты извинишься перед моей девушкой, — спокойно, но с угрозой в голосе произнёс Ферди, прикрывая собой Райли, словно живой щит.

— Да я уж лучше железобетон сожру, чем упаду на колени перед кем-то из вас! — выкрикнул Доминик, яростно указывая пальцем на довольную Райли, которая сидела и наблюдала за этим спектаклем с явным наслаждением, будто смотрела своё любимое шоу. — А перед ней - тем более!

— Элфорд, милый, — позвала его Райли сладким, вкрадчивым голосом, который был полон притворной нежности. — Не обращай на них внимания, они же всего лишь моллюски по сравнению с нами, — её усмешка в конце фразы была такой ядовитой, что вывела из себя не только стоящего рядом с ней Доминика, но и меня. Внутри меня что-то щёлкнуло, и я почувствовала, как терпение лопнуло.

Высвободившись из хватки Зои, которая пыталась меня удержать, я напрямик направилась к Райли, схватила её за волосы и со всей силы, до визга, оттянула назад, запрокинув ей голову.

— Точно, Райли - мы отличаемся! — ответила я громко, на всю аудиторию, цитируя её же слова. — Хотя мы и моллюски, но в отличие от вас, бактерий, выглядим намного лучше! И в моральном плане, и во всех остальных!

— Отпусти меня, бешеная! — завопила Райли, дёргаясь и пытаясь вырваться из моей хватки, но она не учла одного маленького, но важного обстоятельства: у меня был отменный учитель по единоборству. И да, это была Зои.

Её двоюродный брат, хоть и идёт по стопам семьи и готовится стать юристом, всё же организовал клуб единоборств, где изучают разные техники боя. Когда я только узнала об этом, я сначала сильно удивилась, но потом, поняв, что навыки самообороны никогда не будут

лишними, я всё-таки уговорила Зои, чтобы её брат взял меня на обучение. Так что теперь, когда доходит до дела, я могу дать отпор таким, как они, не хуже любого подготовленного бойца.

— После того как извинишься передо мной и моими друзьями! — сказала я, присвоив слова Элфорда, которые пришились как нельзя кстати в этот момент.

— Только на том свете я унижусь перед такими, как вы! — выплонула мне в лицо Райли, и на её губах застыла злая, презрительная гримаса.

— Это позволь мне объясниться: какими такими? — с неподдельным, почти театральным интересом спросила я, наклонив голову.

— Нищими! Ничтожными созданиями! Вы вообще не должны существовать рядом с нами! — начала она свою тираду, которая растянулась на целых десять минут. Она говорила без остановки, перечисляя все мои мнимые недостатки, моё происхождение, мои связи, мои способности, и с каждым её словом внутри меня закипала новая волна гнева, смешанная с горечью.

За это время многие ученики успели вернуться в класс, так как первый урок должен был вот-вот начаться, и контрольная по ботанике уже маячила на горизонте. Но, как было видно, всем стало глубоко плевать на контрольную, потому что сцена нашей разборки с Райли интересовала их гораздо больше, чем любые ботанические вопросы.

Выслушав всю её тираду до конца, я почувствовала, что больше не могу терпеть. Своей дружбой с Зои и Домиником я была им многим обязана - они приняли меня, защитили, подарили мне чувство принадлежности, которого у меня никогда не было. А вместо этого я только подставляла их. Дружба со мной принесла им потери со стороны тех людей, которых они когда-то знали - их прежние друзья отвернулись от них, и я чувствовала себя виноватой в этом разрыве. Я больше не желала подставлять их. И если то, что я сейчас задумала, изменит хоть на каплю мнение обо мне и Томпсон с Овен смогут жить спокойно и радостно, без постоянных разборок и конфликтов, то я была готова на это пойти, даже если мне самой придётся пожертвовать собой.

— А что, если я покажу тебе, что ты ошибаешься во мне? — спросила я Райли, изменив интонацию на наигранно-обиженную, почти детскую, чтобы она клюнула на приманку.

— Это как? — с явным, нескрываемым любопытством, она всё-таки клюнула на мою уловку.

Отпустив её волосы и выйдя к доске, я развела руки в стороны и громко, на весь кабинет, объявила:

— Слушайте все! В следующую пятницу, в шесть вечера, у меня состоится день рождения! Приглашены все! — мой голос звонко разнёсся по классу, отражаясь от стен и ударяя по ушам каждого присутствующего.

Никто из присутствующих явно не ожидал такого поворота событий. Наступила тишина, длившаяся целую минуту, пока все переваривали услышанное. Затем класс взорвался шумом: кто-то обрадовался и начал спрашивать, будет ли выпивка и какая именно, кто-то интересовался музыкой, а некоторые даже спросили, можно ли прийти с кем-то из параллели. Даже сама Райли приняла приглашение с нескрываемым, почти хищным интересом - в её глазах мелькнула искорка предвкушения, будто она уже планировала, как испортить мой праздник. Но только по выражению лиц Зои и Доминика я поняла, что они глубоко разочарованы во мне. Их взгляды были полны боли и непонимания, и в тот момент я почувствовала себя предательницей.

— Смотри, Аннабелла, — нараспев, с королевским высокомерием произнесла Райли, обводя класс взглядом. — Если, как ты и говоришь, твоя вечеринка пройдёт на ура, то я согласна снять с тебя твою ношу нищенки, — от её заявления меня захлестнула волна тошноты и отвращения: она даже сейчас, в этот момент, пыталась строить из себя богиню всевышнюю, которая имеет право вершить судьбы и раздавать ярлыки. Её нарциссизм поражал - никто из

тех, кого я знаю, не вёл себя настолько чрезмерно самовлюблённо. Если где-то в мире проводится конкурс по самооценке, то она, без сомнения, заняла бы там первое призовое место, а заодно и все остальные.

— Ты точно не пожалеешь, что придёшь! — довольно улыбнулась я в ответ, так широко и загадочно, как чеширский кот, хотя внутри у меня всё дрожало от страха и неизвестности.

— Вот вы, значит, как готовитесь к контрольной! — раздался грозный голос от входа, и все, как один, мгновенно повернули головы в ту сторону.

В дверном проходе стояла Миссис Эвери, наша преподавательница по ботанике, и по одному её суровому лицу можно было прочесть, что сегодня поблажек не будет точно ни для кого.

Наша ботаничка выглядела лет так на шестьдесят, хотя на самом деле ей было всего каких-то сорок пять - работа с вечно раздражёнными учениками и постоянное одиночество делали своё грязное дело. Из-за того, что она никогда не была замужем, она постоянно пребывала в раздражительном состоянии, похожем на хроническую мигрень. Она носила старомодную тряпичную одежду, которую обычно надевают пожилые женщины: безразмерные юбки, кофты с высокими воротниками и шали. Волосы её были вечно собраны в тугой пучок на затылке, из которого выбивались седые пряди, а на носу сидели очки в толстой металлической оправе, которые делали её взгляд ещё более пронзительным. В её руках можно было заметить целую кипу бумажонок - контрольные работы, тесты, распечатки - и несколько толстенных учебников, которые она еле дотащила до кабинета.

Пройдя к своему учительскому столу и с грохотом сбросив на него всю свою волокиту, она окинула класс тяжёлым взглядом, от которого всем стало не по себе. Мы все как ошпаренные кинулись по своим местам, рассаживаясь с такой скоростью, будто за нами гнались. Хоть богатенькие детишки и строили из себя важных особ, перед ней им точно не удавалось сохранить свою спесь - она действовала на них, как холодный душ, смывая всю их показную браваду. Жуть, а не женщина, пронеслось у меня в голове, и я поёжилась.

— Раз сегодня вы такие активные, то сможете за оставшееся время легко осилить сто вопросов! — объявила она, и на эти слова почти весь класс с тяжёлым стоном взмолился: “Не надо!” - но было уже поздно, она уже доставала стопку бумаг и раздавала их по рядам.

По всей видимости, только мне и Доминику было абсолютно всё равно, сколько там вопросов и за какое время надо на них ответить. Хотя я и дружу с ним гораздо меньше, чем с Зои, но этот парень - ответственный, надёжный и не боится трудностей, что вызывает во мне уважение и даже лёгкую зависть. Он просто взял ручку, бегло просмотрел вопросы и начал писать, не теряя ни секунды, а я последовала его примеру, погружаясь в мир ботаники и пытаясь забыть о том спектакле, который только что разыграла перед всем классом.

Дальше всё пошло по старому, привычному сценарию: уроки сменяли друг друга в своём обычном, размеренном темпе, учителя читали лекции, ученики делали вид, что слушают, и никто не нарушал заведённого порядка. Однако изменилось одно, но самое важное - моё внутреннее чутьё меня не подвело, и это осознание било по голове с каждой минутой всё сильнее. Зои и Доминик действительно перестали со мной общаться, более того - они начали меня избегать, словно я стала для них прокажённой, к которой страшно даже приблизиться. Каждый раз, когда я пыталась их выловить между уроками, в коридоре или в столовой, чтобы поговорить и объяснить своё поведение, они выстраивали передо мной такую непробиваемую стену, что я чувствовала себя средневековым воином, который безуспешно штурмует неприступную крепость. И вот как, по их мнению, я должна была эту Рупальскую стену⁵ преодолеть, если они даже не давали мне шанса открыть рот?

⁵ Рупальская стена - юго-восточный склон вершины Нанга-Парбат (8125 м), одного из наиболее опасных для восхождения

Я прекрасно понимала, что перед ними двоими я серьёзно провинилась, заявив на весь класс о дне рождения, не поставив их в известность и не дав им сказать ни слова в своё оправдание. Но если бы я тогда промолчала и не сделала этого, я бы винила себя ещё больше, чем сейчас - потому что внутри меня сидела уверенность, что этот шаг был необходим, что так будет лучше для всех, даже если в данный момент это причиняет боль. Решив не навязываться и не давить на них, я позволила себе отступить, чтобы они смогли переварить случившееся в спокойной обстановке. После последнего звонка я, вместо того чтобы направиться к их машине, как делала это каждый день на протяжении последних лет, развернулась и пошла в сторону автобусной остановки, чувствуя себя предательницей, которая оставляет своих лучших друзей без объяснений. Так я простояла там целых сорок минут, считая проезжающие мимо машины и гадая, когда же наконец появится хоть какой-то автобус.

За все прошедшие годы нашей дружбы я совершенно забыла о том, какие автобусы вообще ходят в нашем районе, да и ходят ли они сюда в принципе - ведь последний раз я пользовалась общественным транспортом ещё в те времена, когда не была знакома ни с Домиником, ни с Зои. Конечно, меня всегда подвозил Доминик на своём Peugeot, а до этого за мной приезжал личный водитель Зои на семейном автомобиле. Я знала, что к роскоши привыкаешь быстро, но, видимо, я переборщила с этим привыканием настолько, что теперь, оставшись без их поддержки, чувствовала себя совершенно беспомощной и неуверенной, как маленький котёнок, выброшенный на улицу. Зои и Томпсон всегда пытались сделать так, чтобы я чувствовала себя комфортно рядом с ними, чтобы я не замечала разницы между нашими мирами и не думала о том, что мы из разных социальных слоёв. Помню даже, как однажды они решили, что мы пройдемся пешком до школы и обратно - просто ради развлечения, чтобы почувствовать себя обычными детьми. Ох, как же много было визга и смеха в тот день! После этой прогулки Доминик заявил, что никогда в жизни на подобную авантюру больше не согласится, и Зои с ним полностью согласилась, поддерживая его в этом решении.

Погрузившись в тёплые воспоминания о былом, о тех днях, когда всё было просто и безоблачно, я не заметила, как к остановке бесшумно подъехала хорошо знакомая мне чёрная машина, остановившись прямо напротив меня.

— Если ты решила остаться здесь навсегда, — раздался из приоткрытого окна знакомый голос, — то выкидывай мой номер сразу, без сожаления!

Если бы не этот голос, который я узнала бы из тысячи, я бы даже не соизволила поднять голову и посмотреть в сторону машины. С пассажирского сиденья, высунувшись в окно, на меня смотрела недовольная, насупленная Зои, а Доминик, сидевший за рулём, демонстративно отвернулся и смотрел куда-то вперёд, явно не желая больше смотреть на меня.

— Вы же обижены на меня, — тихо констатировала я очевидный факт, тяжело вздохнув и опустив плечи.

— Или ты садишься в машину, или идёшь до дома пешком! — отрезала Зои, проигнорировав мои слова, и в голосе её звучала железная решимость, не терпящая возражений. — У тебя ровно минута на размышление! — и с этими словами она демонстративно закрыла окно, отворачиваясь от меня.

Я глубоко выдохнула, собираясь с мыслями, и мысленно сложила все плюсы и минусы этой сложившейся ситуации. Вариантов было ровно два: либо я сажусь к ним в машину, терпя неловкость и возможный разговор, либо я иду пешком, что займёт у меня больше часа и совершенно выбьет из колеи. Лучшим вариантом, очевидно, было поехать с ними, даже если внутри меня всё сжималось от страха и неловкости.

Я открыла заднюю дверь и скользнула на своё законное место - позади Томпсона, который даже не повернул головы, чтобы посмотреть на меня. Я сразу же откинулась на мягкое сиденье,

чувствуя его пристальный взгляд в зеркале заднего вида, но не решаясь встретиться с ним глазами.

Машина плавно тронулась с места, и мы поехали в полной, давящей тишине. Никто из нас троих не знал, с чего начать разговор, как подобрать те самые слова, которые могли бы растопить лёд. По логике вещей, я должна была начать первой и сразу же извиниться за своё поведение, но почему-то внутри меня росло упрямство, и делать этого мне совсем не хотелось - словно слова застревали в горле и отказывались выходить наружу.

Так мы продолжили ехать в этой тягучей, неловкой тишине достаточно долго, и каждая минута казалась вечностью. Одна улица плавно сменялась другой, мелькали знакомые и незнакомые дома, и постепенно день начал переходить в вечер, окрашивая небо в тёплые янтарные тона. На дорогах становилось всё больше машин - люди, уставшие после тяжёлого рабочего дня, стремились поскорее добраться до своих домов, к своим семьям, к своим уютным вечерам. Деревья вдоль дороги постепенно покрывались яркими красками заката, переходя из бодрствующего дневного режима в спящий, готовясь к наступающей ночи.

За тёмными, тонированными стёклами машины было сложнее разглядывать детали окружающего мира - всё казалось размытым и немного приглушённым, словно я смотрела на мир через толщу воды. Молчаливость, повисшая между нами троими, придавала этому закату больше звуков и смыслов, чем любое простое извинение. Да и в извинениях ли было дело на самом деле? Человек по своей природе - существо непостижимое и неизведанное, тайна, которая делает всё, что ей заблагорассудится, руководствуясь странными, иногда нелогичными импульсами.

С самого раннего детства мне казалось, что я живу не так, что-то идёт не по тому сценарию, который был задуман для меня. Это чувство, живущее где-то глубоко внутри, на самой глубине моего существа, не давало мне здраво мыслить, постоянно мешая сосредоточиться на настоящем. Точнее, оно действовало иначе: оно разъедало меня на мелкие куски, с каждым новым днём приближая меня к неведомому до этого желанию, которое я не могла ни понять, ни объяснить. Начиная с пятнадцати лет, чувство монакопсиса⁶, которое возникло у меня спонтанно, без какой-либо видимой причины, выражалось всё ярче с каждым днём, пугая меня своей интенсивностью и необъяснимостью.

Вначале у меня появилось Нодус Толленс - осознание того, что сценарий моей жизни уже не имеет для меня никакого смысла, что всё, что я делаю, не имеет значения и не приведёт ни к чему важному. Пытаясь избавиться от этого гнетущего чувства, я перепробовала самые разные методы: закрывалась от посторонних, запираясь в своей комнате и никуда не выходя; пила антидепрессанты, которые выписал мне врач; слушала музыку день напролёт, пытаясь заглушить голоса в голове; погружалась в чтение с головой, исчезая в вымышленных мирах. Но, увы, ни один из этих методов не приносил мне облегчения, и тогда я пошла на крайние меры, решив, что это единственный выход - я перерезала себе вену на правой руке. Родители, к счастью, пришли с работы как раз вовремя и успели меня остановить, прежде чем надрез стал критическим. С того дня, на протяжении полугода, я регулярно наблюдалась у психотерапевта, и об этом тёмном периоде мне теперь напоминает шрам, оставшийся на моём запястье - вечное напоминание о том, через что мне пришлось пройти.

Мисс Нана, мой личный психиатр, у которого я проходила лечение, пыталась всеми силами разобраться в том, что же на самом деле со мной произошло, что стало триггером для такого поведения. Именно от неё я узнала о себе много нового, о чём раньше даже не подозревала. По её словам, Нодус Толленс был первым толчком к моему поведению, хотя окончательный диагноз так и не был поставлен точно. Через три месяца после начала терапии у меня

⁶ Монакопсис — еле уловимое, но настойчивое чувство, что вы находитесь не на своем месте.

появилась эйсоптрофобия⁷. Две недели я старалась избегать любых отражающих поверхностей: закрывала зеркала в доме, отворачивалась от витрин, не смотрела в экран телефона, когда тот гас. Эту ситуацию я объясняла себе и другим примерно так: “В отражении не я! Точнее, там я, но это не я! Я не могу понять, в чём именно это проявляется, но у меня такое чувство, что “оно” чего-то ждёт. Нет! Оно таится в ожидании того, что совсем скоро должно случиться, и я боюсь этого момента”.

Далее Мисс Нана называла ещё целый список заболеваний и расстройств, которые, по её мнению, могли быть у меня, но для себя я отметила несколько ключевых. Первое - это гомицидомания⁸, термин, который был упомянут лишь один раз, и то психиатр пыталась произнести его так тихо, чтобы я не услышала. Но я услышала и, заинтересовавшись, позже нашла этот термин в учебниках по психологии, и для меня это стало большим удивлением и шоком - почему Мисс Нана считает, что я желаю убивать? Что она увидела во мне такого, что натолкнуло её на столь страшный диагноз?

Второе - это танатофобия⁹, точнее, навязчивое предчувствие собственной смерти, постоянное ощущение, что она уже близко, прямо за плечом. Ну, это было более объяснимо, учитывая, что я пыталась перерезать себе вены, и страх смерти был своего рода продолжением этого поступка. Если говорить честно, я даже не могу вспомнить тот момент, когда вообще начала резать себе вены. В памяти остался лишь обрывок: я сидела в комнате за домашним заданием, а потом - будто провал - как я уже еду в машине скорой помощи, и надо мной склоняются врачи. По рассказам отца, я стояла в ванной перед зеркалом и, не отрывая взгляда от собственного отражения, кухонным ножом делала разрез на руке. Он даже говорил, что вначале не поверил своим глазам, что это была его дочь - потому что на моём лице, по его словам, красовалась улыбка, почти выражение удовольствия, как у человека, достигшего долгожданной цели.

И третье, наверное, самое важное и значительное - это диссоциативное расстройство идентичности¹⁰, которое в народе называют раздвоением личности. Из всех предположений Мисс Наны именно с этим диагнозом я была согласна на все сто процентов. У меня ещё с самого детства было странное, труднообъяснимое чувство, что во мне на самом деле живут две личности - я и ещё какая-то, тёмная, неведомая мне сущность. По ощущениям, которые возникали во мне время от времени, эта загадочная личность желала занять моё место, вытеснить меня из собственного тела. Но, видимо, существовал какой-то невидимый барьер, который ей этого не позволял, удерживая её где-то глубоко внутри. Одно я знала точно: именно из-за “неё”, из-за этого тёмного двойника, я и оказалась на лечении у психиатра, и именно она была корнем всех моих проблем.

После завершения всего курса терапии меня отпустили с официальным заключением, что я полностью здорова, а всё происходящее - лишь следствие умственной перегруженности и стресса. Для родителей это была долгожданная, радостная весть, которая сняла с них огромный камень с души. Но для меня это было не совсем так - я точно знала, что это неправда, что меня нужно было закрыть в психиатрической клинике, чтобы настоящие специалисты могли разобраться в том, что на самом деле происходит внутри меня. Но я промолчала, не желая расстраивать родителей.

⁷ Эйсоптрофобия (от др.-греч. εἰσοπτρον “зеркало” + φόβος «страх») - специфическая фобия, заключающаяся в боязни зеркал и страхе увидеть собственное отражение в них.

⁸ Гомицидомания (от лат. homo - человек, caedo, cecidi - убивать и др.-греч. μανία - страсть, безумие, влечение) - непреодолимое влечение к убийствам.

⁹ Страх смерти, танатофобия (греч. θάνατος “смерть” + греч. φόβος “страх”) - это тревога, вызванная мыслями о смерти, о прекращении существования (себя или своих близких).

¹⁰ Диссоциативное расстройство идентичности - психическое расстройство из группы диссоциативных расстройств, при котором идентичность человека не является целой и складывается впечатление, что в теле одного человека существует несколько разных личностей.

— И долго ты будешь молчать? — прервал мои глубокие размышления настойчивый голос Зои, который прозвучал как удар молнии среди тишины.

Я оторвала взгляд от окна и заметила, что за окном уже мелькает не городской пейзаж, а лесная полоса, что означало - мы выехали за город, далеко от привычных улиц.

— Чтобы я ни сказала, вы всё равно... — начала я, но мой голос прервался, и мой тяжёлый, уставший взгляд столкнулся с взглядом Зои, которая, повернувшись ко мне, прожигала во мне дыру своими глазами.

— Да нам абсолютно похуй, что ты скажешь! — резко прервал меня Доминик, который со всей силы ударил ладонями по рулю, и звук разнёсся по салону. — Просто ответь мне честно - зачем? Зачем ты это сделала?

Зачем? Этот вопрос был не правильным. Правильный вопрос звучал иначе: зачем вы спрашиваете меня о том, ответ на что и так очевиден? Вы хотите, чтобы я солгала, чтобы приукрасила правду? Или вы хотите услышать суровую правду, какой бы горькой она ни была? Но реакция на оба варианта будет у вас одна и та же! Доминик вспылит на меня за то, что я сомневаюсь в вашей дружбе и в вас самих, а Зои разозлится за то, что я опять всё держу в себе, не доверяя им. Поэтому мне оставалось лишь одно - молча сидеть, уставившись на свои руки, сложенные на коленях, и ждать, что будет дальше.

— Аннабелла, хватит молчать! — повысила на меня голос Зои, и в её тоне послышалась металлическая нота. — Мы тебе ничего плохого не сделаем! Ты же знаешь это!

— Вы и так знаете ответы на свои вопросы, — наконец подала я голос, и в нём отчётливо слышалось нарастающее раздражение, — так чего вы пристали ко мне с этими расспросами?

— Ты вот реально думаешь, что они успокоятся после одной вечеринки? — уже настойчивее, почти с вызовом спросил Томпсон, и по его интонации я поняла, что вопросы они будут задавать мне по очереди, сменяя друг друга, пока не добьются ответа.

— Они не примут меня, — тихо ответила я, чувствуя, как внутри всё сжимается, — но точно успокоятся на время. Это даст нам передышку.

— Идиотка! — в унисон прокричали сидящие спереди Зои и Доминик, и их голоса слились в один общий возглас отчаяния и непонимания.

— Не отрицаю, — с лёгкой, почти незаметной улыбкой ответила я — впервые за всё время этой поездки.

После этого наступило короткое, но многозначительное минутное молчание, а затем салон машины наполнился диким, искренним смехом от нас троих, который смел все барьеры и обиды. Это был тот самый знак, который я так ждала - знак того, что я прощена, что мы снова можем быть самими собой, без масок и обид.

Успокоиться мы смогли только через пять минут, когда смех постепенно затих и сменился тёплой, уютной тишиной. Зои уже не выглядела такой обиженной на весь мир, как до этого - её лицо смягчилось, уголки губ приподнялись в лёгкой улыбке. Доминик уже настраивал радио, переключая каналы в поисках подходящей музыки, и готовился развернуть машину, чтобы поехать обратно в город. А я, наконец, смогла спокойно, полной грудью вдохнуть этот приятный запах спокойствия и радости, который наполнил салон.

— Что будешь делать по поводу дня рождения? — подал голос Томпсон, когда мы уже ехали по направлению к моему дому, и голос его звучал уже спокойно и дружелюбно.

— Ну, для начала, — задумчиво произнесла я, — надо поговорить с родителями и объяснить им всю ситуацию. Они должны знать, что я собираюсь делать, и дать своё согласие.

— Тогда алкоголь и все украшения оставь на меня! — заявила Зои тоном, не требующим никаких возражений, и развернулась на сиденье, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

— Даже спорить не буду, — подняла я руки в примирительном жесте, понимая, что с ней в таком настроении лучше соглашаться.

— Овен, а я, оказывается, о тебе что-то не знаю? — наигранно удивился Доминик, бросив на неё быстрый взгляд.

— Ты многого обо мне не знаешь! — состроила из себя королеву Зою, вздёрнув подбородок и театрально взмахнув рукой, от чего я не удержалась и прыснула со смеха, чувствуя, что всё становится на свои места, и наша дружба снова обретает свои привычные очертания.

2 Глава

16 сентября 2003 года, 19:47 по местному времени

Любой другой человек, оказавшись в моём положении, неизбежно поддался бы естественной человеческой реакции - нервной дрожи, приступам паники или вспышкам праведного гнева. Это было бы логично и понятно, но со мной всё обстоит иначе. Моё внутреннее состояние сложно назвать волнением; его правильнее было бы охарактеризовать как всепоглощающее чувство безопасности, которое окутывает меня, словно плотный кокон. И откуда же во мне взялось это странное, почти иррациональное спокойствие? Должно быть, оно досталось мне по наследству, поселилось где-то в самых глубинах моего подсознания с того самого мгновения, как я появилась на свет. Ведь в любой нормальной, полноценной семье, как и в нашей, палитра переживаемых эмоций всегда была поразительно богата и многогранна: здесь находилось место и острой физической боли, и неистовым истерикам, и искренней всепоглощающей радости, и щемящей грусти, и вспышкам неконтролируемого гнева, и затяжным периодам депрессии, и, конечно же, трогательной заботе. Этот перечень можно было бы продолжать до бесконечности, перебирая бесчисленные оттенки чувств, однако гораздо проще и рациональнее было бы просто взять в руки полный, исчерпывающий словарь человеческих эмоций и прочесть его от корки до корки. Каждый термин, каждое определение, прописанное там, непременно найдет своё отражение в наших душах на протяжении всего того отрезка времени, что нам отведено судьбой для жизни. Как бы мы ни пытались яростно отрицать эту неумолимую истину, закрывая на неё глаза, она остаётся неизменной - так было, есть и будет всегда!

Утверждать, что человек представляет собой причудливое и противоречивое сплетение силы и слабости, что он одновременно и прозорлив, и слеп в своих заблуждениях, что в нём уживаются ничтожество и истинное величие - это вовсе не значит выносить ему окончательный приговор или осуждать его за несовершенство¹¹. Напротив, это единственно возможный способ определить его сложную, многогранную сущность, признать его природу. Все мы, без исключения, склонны судить других по тем эмоциям и чувствам, которые они нам демонстрируют, которые лежат на поверхности, доступные нашему глазу. Но мало кто из нас задумывается о том, что человек способен на поразительное мастерство в искусстве лжи: он может смотреть нам прямо в глаза и при этом откровенно врать, выдавая желаемое за действительное. Оценивать личность, полагаясь исключительно на её поступки и ту поверхностную сущность, которую она сама предпочла нам явить, - это значит совершать грубейшую ошибку, заведомо обрекая себя на неполноту восприятия. Чтобы составить по-настоящему точное и объективное мнение о человеке, разглядеть его истинное лицо, требуется колоссальное количество времени, безграничное терпение и редкая душевная выдержка. Однако мы перестали бы быть людьми, если бы позволили кому-то постороннему проникнуть в самые сокровенные тайники нашей души без нашего добровольного и осознанного согласия на это!

¹¹ Дени Дидро - французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший "Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел".

Но что же такое, в конце концов, сама эмоция? Известный врач и учёный Николай Амосов¹² дал этому феномену следующее, довольно жёсткое определение: “Эмоции - это страшный враг сердца, даже абсолютно здорового и крепкого”. И, если честно, подобная позиция выглядит совершенно очевидной и предсказуемой с его стороны! Как мог иначе высказаться человек, который посвятил свою жизнь новаторским методикам в кардиологии и торакальной хирургии, который ежедневно боролся за жизни пациентов с больными сердцами? Безусловно, эмоции наносят колоссальный урон нашему сердцу - я с этим полностью согласна, но при этом я ни в коем случае не отрицаю того, что сами по себе слова, произнесённые создателем этой теории, могут несколько исказить или упрощать глубинный смысл его же собственного утверждения. Мы не можем по своему желанию заменить свой мозг на чужой, словно старый, вышедший из строя механизм - да и какой в этом был бы практический толк? Когда же человеку, страдающему от сердечной недостаточности, пересаживают абсолютно новое, здоровое донорское сердце, его личность, его внутренний мир - разве они меняются от этого? Он просто становится физически здоровым, но его душа, его характер, его суть остаются прежними. С той душой, с какой мы появились на этот свет, нам и суждено прожить до самого последнего своего дня!

Максим Горький¹³ однажды обронил поистине прекрасную и возвышенную фразу: “Человек есть украшение мира”. Эта мысль как нельзя лучше характеризует и меня саму. Ведь я - та самая дочь, которая уже битый час назад, в момент своего абсолютно искреннего, но оттого не менее шокирующего рассказа о том, каким именно образом я планирую отметить свой день рождения, привела своих собственных родителей в состояние неистового, граничащего с безумием гнева. Я прекрасно понимаю, что любой здравомыслящий человек, оказавшийся на месте моих предков, немедленно пришёл бы в ярость от подобного заявления, и наша кухня, судя по всему, не избежала бы тотального погрома. Но мы - семья Янгов, и именно наша фирменная черта - это ледяное спокойствие и непоколебимое равноправие, даже в самых острых и взрывоопасных ситуациях.

Мои родители, вместо того чтобы обрушить свой гнев непосредственно на меня, провели последний час в ожесточенных, переходящих на крик разборках друг с другом. И я, в роли послушной и благовоспитанной дочери, просто сидела в стороне, внешне совершенно невозмутимая, делала свои домашние задания и краем уха, словно невзначай, слушала, о чём же они так долго и горячо спорят на повышенных тонах.

— Этого никогда не будет в нашем доме! — громогласно гремел папа, в ярости расхаживая по кухне из угла в угол, словно тигр в клетке. Он размахивал руками, и его голос срывался на хрип.

— Ей уже девятнадцать лет, она не может же всю свою жизнь прятаться под нашим родительским крылом! — парировала мама, и в порыве эмоций разбила тарелку, которую мыла уже не первый час, пытаясь найти хоть какое-то успокоение в рутинном труде. Осколки брызнули по полу, а мама даже не обернулась.

— Вот именно из-за того, что ты постоянно потакаешь всем её прихотям, она и ведёт себя как самая настоящая l'ignorant¹⁴!

Услышав это странное французское слово, я резко вскинула голову и вперила взгляд в отца, который всё ещё продолжал ожесточённо препираться с матерью. В моей душе проснулось жгучее любопытство: почему он назвал меня именно так? В голове тотчас же мелькнула ассоциация с бессмертной комедией Дениса Ивановича Фонвизина “Недоросль”¹⁵. Но

¹² Николай Михайлович Амосов - советский и украинский учёный-медик, торакальный хирург, кибернетик, писатель.

¹³ Максим Горький - русский советский писатель, поэт, прозаик, драматург, журналист и общественный деятель, публицист.

¹⁴ l'ignorant - Невежда (французский)

¹⁵ “Недоросль” - комедия Дениса Ивановича Фонвизина. Слово “недоросль” в XVIII веке означало молодого дворянина,

почему я подумала именно об этом произведении? Ведь, по сути, слово “невежда” встречается в десятках других литературных источников. Наверное, эта мысль пришла мне в голову лишь потому, что моя мама в последнее время буквально одержима чтением Фонвизина¹⁶ и постоянно цитирует его строки.

Я могу со стопроцентной уверенностью утверждать: раз папа решил перейти в своей разгневанной речи на иностранные языки, значит, мама непременно подхватит эту его инициативу, которую я, впрочем, про себя окрестила самой настоящей глупостью!

Отложив свои тетради в сторону и с комфортом устроившись в старом кресле-качалке, живописно расположившемся у самого окна, я приготовилась наблюдать за этим захватывающим языковым представлением, которое устроили для меня мои родители. Кресло тихо скрипнуло подо мной, и я, подперев подбородок рукой, приготовилась к спектаклю.

— Ты кого осмелился назвать l'ignorant? Наша дочь - она kohtuullinen¹⁷! А ты - tu es aveugle et à courte vue¹⁸!

Ого! Вот это поворот! Моя мама, оказывается, подтянула свой французский? Обычно в минуты гнева она предпочитает изъясняться на финском или на шведском, как и на русском, но последний использует лишь в исключительных, самых редких случаях.

— Сама ты у меня недалёковидная! — грубо огрызнулся на неё отец, тыкая в мою сторону указующим перстом. — Если бы она, — голос его дрожал от негодования, — хоть иногда думала своей собственной головой, то никогда бы в жизни не пригласила на своё торжество этот сомнительный сброд, этих непонятных личностей! Я в своё время не позволял себе подобной распушенности! Да я даже свой собственный день рождения никогда не отмечал!

— И из-за своего дурацкого, ущербного детства ты сейчас хочешь испортить elämä¹⁹ нашей единственной tyttäret²⁰!

— Non foliis, sed fructu arborem aestima²¹! — решила вставить я своё веское слово, отвечая им на латыни.

— А ну-ка, не лезь в разговор взрослых людей! — в один голос закричали на меня оба родителя, после чего с новой силой продолжили свои нескончаемые распри.

Я тяжело и обречённо вздохнула, поднялась с уютного кресла-качалки, собрала все свои разбросанные уроки и направилась к себе в комнату. Слушать ссоры своих предков мне, в принципе, доставляет определённое удовольствие - это своего рода семейный ритуал, - но только не тогда, когда эти перебранки длятся такое невероятно долгое время.

Закрыв за собой дверь и бережно положив стопку учебников на письменный стол, я подошла к своей кровати и с размаху рухнула на неё спиной. Мягкий, пружинистый матрас мгновенно прогнулся под моим весом, с поразительной точностью повторяя изгибы моего уставшего тела. Для меня, человека, который всё своё свободное время проводит в сидячем положении, это ощущение - истинный кайф, настоящее блаженство. Да и для любого другого офисного работника, который проводит за столом по десять часов в день, это было бы ничуть не менее приятно. Если я и дальше продолжу в том же духе - работать в библиотеке и бесконечно грызть гранит науки, - то я лишусь своей здоровой спины буквально по щелчку паль-

не достигшего 20-летнего возраста и не прошедшего “смотр”, экзамен.

¹⁶ Денис Иванович Фонвизин (Фон-Визин, 3 апреля 1745, Москва - 1 декабря 1792, Санкт-Петербург) - русский писатель, лингвист, один из наиболее значимых драматургов екатерининской эпохи, автор пьес “Бригадир” и “Недоросль” - первых в истории русского театра комедий нравов; прозаик, поэт, переводчик и публицист.

¹⁷ kohtuullinen - Разумная (финский)

¹⁸ tu es aveugle et à courte vue - Слепой и недалёковидный (французский)

¹⁹ elämä - Жизнь (финский)

²⁰ tyttäret - Дочери (финский)

²¹ Non foliis, sed fructu arborem aestima - Оценивай дерево по плоду, а не по листьям. (латынь)

цев, и это будет катастрофа. Мне всего девятнадцать, ну, почти девятнадцать - этот день наступит уже совсем скоро, считанные дни остались. И заработать такие серьёзные, дегенеративные заболевания позвоночника в моём возрасте было бы попросту непростительной глупостью и ошибкой.

Врачи не устают повторять, что при длительной, монотонной работе в сидячем положении нагрузка на хрупкий позвоночник возрастает на целых пятьдесят-шестьдесят процентов. Согласно многолетним наблюдениям неврологов, на шейный остеохондроз²², сколиоз²³ или спондилез²⁴ жалуется каждый второй среднестатистический офисный сотрудник в возрасте до пятидесяти лет. Изучая медицину во многом благодаря нашей строгой ботаничке, я могу с уверенностью предположить, что к своим тридцати годам я гарантированно обзаведусь кучей проблем с шеей. Поэтому мне срочно нужно переговорить с Зо и Доми о том, чтобы мы взяли за правило ежедневно совершать двухчасовые пешие прогулки.

Доминику в этом плане не грозит абсолютно ничего: его подвижный образ жизни преследует его с самого раннего детства. Футболом он начал заниматься в возрасте пяти лет, если, конечно, верить его красочным рассказам. Поначалу у него всё складывалось довольно неплохо, но уже к девяти годам он охладел к этому виду спорта и переметнулся в хоккей. Однако не прошло и года, как он забросил и хоккейную клюшку. После этого, вплоть до тринадцати лет, Доми пробовал себя в бесчисленном множестве секций, но каждый раз, с завидным постоянством, бросал их на полпути. Однажды он изрёк: «Футбол - это целая жизнь. Его можно и нужно любить гораздо сильнее, чем театр, чем музыку и даже чем политику». С этой мудрой фразы он и вернулся к своей первой и единственной любви навсегда. Скажу честно: я физически не представляю Томпсона занимающимся чем-то иным, кроме футбола. Он выкладывается на поле без остатка, вкладывая всю свою душу в каждый свой шаг, в каждый удар по мячу, в каждый забитый гол. Футбол - это его собственный мир, его истинное, безоговорочное счастье! Я лишь надеюсь на то, что он никогда не бросит это дело ради своей будущей семьи. Ведь отказаться от любимого занятия, от того, что приносит тебе искреннюю радость и наполняет жизнь смыслом, я считаю страшным, непростительным грехом перед самим собой.

С Зои же ситуация совершенно противоположная. Она непременно отлежит себе все бока и заработает варикозное расширение вен²⁵, если немедленно не перестанет сутками напролёт смотреть свои бесконечные фильмы и сериалы на Netflix²⁶. С её патологической, почти маниакальной любовью к любым движущимся картинкам на экране, можно застрелиться от тоски! Ну невозможно же, в самом деле, сутки напролёт лежать пластом и тупо смотреть дурацкие, примитивные сериалы! Про фильмы я бы ещё промолчала, но, слава всем богам, мы с Доми сумели-таки отучить её хотя бы от них. Теперь перед нами стоит новая, не менее амбициозная задача: придумать, как бы сделать так, чтобы она реже погружалась в свои сериальные миры и чуть больше времени уделяла учёбе, ведь на носу уже выпускной год. Я вовсе не отрицаю, что мне тоже иногда нравится посматривать фильмы от Netflix, но я включаю их

²² Остеохондроз (новолат. osteochondrosis: от греч. osteon - кость + chondros - хрящ + лат. -osis) - дистрофический процесс в костной и хрящевой ткани, преимущественно в межпозвоночных дисках, который проявляется болями и ограничением подвижности в поражённых отделах.

²³ Сколиоз (от греч. skoliosis - искривление) - это стойкое боковое искривление позвоночного столба, которое часто сочетается с его торсией (скручиванием позвонков вокруг своей оси). В отличие от физиологических изгибов (лордоза и кифоза), сколиоз всегда носит патологический характер.

²⁴ Спондилёз - хроническое дегенеративно-дистрофическое заболевание позвоночника, при котором по краям тел позвонков формируются костные разрастания (остеофиты), а также происходят фиброзные изменения передней продольной связки.

²⁵ Варикозное расширение вен - хроническое заболевание, при котором происходит патологическое расширение, удлинение и деформация поверхностных вен. В результате на отдельных участках формируются мешковидные выпячивания (варикозные узлы), а стенки сосудов истончаются.

²⁶ Netflix - это онлайн-кинотеатр, который включает в себя огромный медиахолдинг по производству телешоу, сериалов, фильмов, а также приложения для Smart-TV, компьютеров, мобильных устройств.

исключительно в качестве фонового шума, когда занимаюсь уборкой или готовкой. Если же вспомнить слова самой Зои: “Сериалы и фильмы - это то, без чего современный человек просто не может существовать! Как бы мы ни спорили и ни пытались казаться лучше, всё равно каждый из нас хоть что-то да смотрит. Нравится нам это осознать или нет!”

В ответ на эту дерзкую тираду Зои тогда получила подушкой по голове, а Доми целый час спорил с ней на тему духовного развития и интеллектуального самосовершенствования, а не пустого просмотра очередного сериала. Точнее, не сериала, а фильма! Тогда, помнится, мы смотрели “Очень страшное кино”. И по иронии судьбы, до конца досмотрела ту картину только я, потому что Доминик и Зои были настолько заняты своим ожесточенным выяснением отношений и выяснением того, “кто есть кто” в этом мире, что полностью потеряли нить сюжета.

Погружённая в эти тёплые, ностальгические воспоминания, я пребывала в состоянии абсолютного счастья, как, впрочем, и в любом другом моменте, связанном с ними. Я просто не представляю, как я могла существовать до встречи с этими двумя отчаянными оборванцами. Как бы кардинально повернулась вся моя жизнь, если бы я тогда, в ту самую рождественскую ночь, просто прошла мимо и проигнорировала Зою? Наверное, всё было бы точно так же, как и до знакомства с ней. Ну и что с того? Я была абсолютно одинока, ни от кого не зависела, и если на меня кто-то наезжал, я могла спокойно, без колебаний, дать отпор и постоять за себя. А что теперь? Теперь я вынуждена тщательно обдумывать каждый свой шаг, каждое своё решение, ведь мои поступки неизбежно отразятся не только на мне самой, но и на Доми с Зою. Им, возможно, со стороны кажется, что в нашей жизни ничего не поменялось, хотя на самом деле всё ровно наоборот. Некоторые общие друзья, с которыми они общались и раньше, остались в нашем кругу, но это вовсе не означает, что они не втыкают нам молчаливые ножи в спину из-за моего присутствия. В школе все ребята, чей семейный доход был таким же, как у меня, или даже меньше, приложили все усилия, чтобы просто выжить нас из этого общества. Многие, конечно же, предпочли уйти, потому что терпеть эту высокомерную спесь и чванство было просто невыносимо, а бороться с этой системой - абсолютно нереально. Ну, остались и такие, как я, которые просто предпочитают плыть по течению, изредка пытаюсь приструнить зарвавшихся “сливок общества”, хотя получается у нас это, прямо скажем, не очень хорошо. Игнорировать их - задача не из лёгких, хотя и крайне необходимая. Противостоять им мы тоже не можем, потому что наверняка их богатенькие родители просто откупятся от любых проблем. Если же мы будем молчать, то станет только хуже. Но люди были бы не людьми, если бы не искали всевозможные, даже самые отчаянные пути решения проблем. А мне надо немедленно прекратить увлекаться чтением Эрика Берна²⁷, иначе мои родители окончательно решат, что моё призвание - это психология, и отправят меня учиться на психолога.

Можно разглагольствовать и размышлять на эти темы бесконечно долго. Создаётся такое ощущение, что я повторяю одни и те же мысли уже в сотый раз, но это, в сущности, уже не важно. Мыслить я могу очень долго, однако уроки за меня никто не сделает. Поэтому мне пришлось с усилием подняться с мягкой кровати и пересесть за свой письменный стол.

Усевшись на стул, который, вопреки всем законам физики, каким-то чудом ещё держится, я рассеянно обвела взглядом комнату, и мой взгляд упёрся в стену, а точнее - в фотографии, которые там висели. На них были запечатлены разные места, запечатлены разные события, самые разные лица. И ничего, казалось бы, особенного, если вглядываться в них по отдельности. Эти фотографии развесила мне Зо, когда мы только перешли в старшую школу. Тогда мы как раз собрались вместе, чтобы посмотреть какой-то новинка, которая меня заинтриговала.

²⁷ Эрик Лэннард Берн (англ. Eric Lennard Berne, наст. имя: Леонард Бернстайн, 10 мая 1910, Монреаль, Канада - 15 июля 1970, Монтерей, Калифорния, США) - американский психолог и психиатр. Известен прежде всего как разработчик транзакционного анализа и сценарного анализа. Развивая идеи психоанализа, общей теории и метода лечения нервных и психических заболеваний, Берн сосредоточил внимание на “транзакциях” (от англ. trans- - приставки, обозначающей движение от чего-то к чему-либо, и англ. action - “действие”), лежащих в основе межличностных отношений.

Но эта упрямая дура, спустя всего десять минут после начала фильма, решила, что в моей комнате слишком тоскливо и мрачно, и что это в срочном порядке нужно исправить. Я пыталась её остановить, но это, поверьте мне, совершенно бесполезное занятие. Если уж эта упёртая Овен поставила перед собой цель, она добьётся её любой ценой!

В итоге в тот знаменательный день я обзавелась гирляндой над кроватью, которую она с риском для жизни вытащила с пыльного чердака; в моей комнате появился пушистый мягкий ковёр, который она приказала срочно привезти своему личному водителю из её собственного дома; ну и, конечно же, фотографии, которые были развешаны в строгом хронологическом порядке слева направо. Я, конечно, могла бы снять их в любую минуту, но я слишком ценю чужой труд, а она потратила на эту импровизированную выставку не меньше трёх часов, если не больше.

Я заставила себя оторвать взгляд от фотографий и принялась разбирать стопку учебников и тетрадей, которые успела положить на стол, когда вошла в комнату. Убрав в ящик все предметы, задания по которым я уже благополучно завершила, я оставила на столе только физику и французский язык. Я решила начать с французского, так как он всегда давался мне легче и быстрее, но в этот момент краем глаза заметила, что мой телефон, лежащий на столе, начал тревожно мигать. Взглянув на старинные часы, висящие над дверью, я с удивлением осознала, что сейчас почти час ночи, и мне стало жутко интересно, кому же могло понадобиться звонить мне в столь поздний час.

Сняв телефон с зарядки и открыв крышку, я в ту же секунду поняла, в чём же было дело.

Поколебавшись с минуту, стоит ли мне вообще отвечать на этот звонок или лучше проигнорировать его, я всё же решила принять вызов:

— Какими судьбами, в столь поздний час, вы удостоили меня своим звонком? — сарказм и ирония в моём голосе были настолько явными, что буквально сочлились недовольством и одновременно искренним весельем.

— *Я с ней больше не справляюсь! Сама ей звони и заставляй делать уроки!*

По раздражённому ворчанию Доми на том конце провода и по тому, о ком именно он говорит, я мгновенно сделала вывод, что Зои опять погрузилась в свой бесконечный просмотр сериалов.

Я тяжело, почти обречённо вздохнула и устало потёрла переносицу, бросив ещё один взгляд на время:

— Ты и правда думаешь, что она послушает меня? — усмехнулась я, искренне удивлённая его наивной уверенностью во мне. — Да брось ты, не заливай! Она меня моментально пошлёт куда подальше!

— *А меня она уже битый час посылает!* — проорал Доми прямо в трубку, и мне пришлось на мгновение отвести телефон от уха, чтобы не оглохнуть. — *Я с ней просто не справляюсь! Ты её подруга или как?*

— А ты её парень или как? — парировала я, возвращая ему его же упрёк.

Мне абсолютно не хотелось в этот час разбираться ещё и с неугомонной Зои, потому что проблема, которую я сама себе создала сегодня вечером, всё ещё продолжала бурлить и пениться внизу. Пытаться вразумить эту упёртую Овен будет гораздо сложнее, чем разнять моих разбушевавшихся родителей. Если она уже поставила себе цель, судя по тону отчаявшегося Томсона, то там и танковая бригада не поможет, а уж мои нравоучения и подавно.

— *Я не могу так больше!* — простонал Доми в трубку, и я невольно рассмеялась. — *Это не смешно, Анн! Она же просто жуть, а не человек!*

— Так вы расстаетесь? — продолжила я язвить, получая неподдельное удовольствие от его страданий.

— *Не дождёшься, Анн!* — огрызнулся Доминик в отместку.

От услышанного сокращения моего полного имени я взбесилась настолько, что даже не заметила, как в порыве гнева смахнула со стола всё, что на нём лежало. По его довольному смеху с трубки я с лёгкостью поняла, что Томпсон более чем удовлетворён достигнутым результатом.

— Тебе весело? — процедила я сквозь зубы, мысленно прикидывая, что его сокращение моего имени однажды непременно окажется у него в заднице, даже несмотря на разделяющее нас расстояние.

— *Очень, Аннабелла!* — продолжал заливисто смеяться Доми, и я, сама того не замечая, тоже поддалась этому заразительному смеху.

Так мы и смеялись в голос несколько минут, и я была по-настоящему счастлива от того, что его настроение наконец-то поднялось, даже несмотря на то, что вопрос с Зои оставался нерешённым.

— Всё, ладно, прекрати. А то я так никогда и не усну, — умоляюще вымолвила я, вытирая согнутым пальцем выступившие на уголках глаз слёзы.

— *Прости,* — наконец успокоился Доми, — *но всё же, что мы будем делать с нашей Зо?* От повторного вопроса я снова тяжело вздохнула:

— Ты же сам прекрасно знаешь, что ни ты, ни я не сможем её переубедить, если она что-то решила. Так что завтра, точнее уже сегодня, мы врежем ей как следует при встрече и будем методично промывать ей мозги весь день. А ещё лучше - запишем её, без её ведома, на олимпиаду по ботанике. Тогда она точно возьмётся за ум, потому что Миссис Эвери будет мучить её до тех пор, пока не выест каждый кусочек её серого вещества.

— *Точно! Идём!* — бодрым и воодушевлённым голосом воскликнул Томпсон. — *О, и ещё нужно будет связать её по рукам и ногам и запугивать пауками! У меня как раз с прошлого Хэллоуина завалилась куча резиновых, но я могу ещё у одного знакомого попросить настоящего, он как раз профессионально разводит пауков-птицеедов.*

От того, с каким энтузиазмом Доми подхватил мою идею, я снова рассмеялась, но то, что в нём вдруг проснулся самый настоящий садист, заставило меня поёжиться. Арахнофобия²⁸ — это частный случай зоофобии, боязнь паукообразных, и относится к числу самых распространённых и сильных фобий в мире. Зои с самого раннего детства панически боится пауков. Малейшее, даже мимолётное, появление паука перед ней или даже тень, отдалённо напоминающая это членистоногое, способна мгновенно вывести её на истеричный крик, а затем и на глубокий обморок. То, что Томпсон собирается использовать её самый главный страх против неё самой, означает лишь одно: либо он окончательно сошёл с ума, либо эта неуёмная Зои довела его своим Netflix до белого каления. Я делаю ставку на второе. Но если его дьявольская затея увенчается успехом, это будет только нам на руку. Так что я - обеими руками за!

— *Кстати, а что твои родители в итоге ответили на твою гениальную задумку по поводу дня рождения?*

Этот вопрос Доми застал меня врасплох и поверг в лёгкий ступор. Что они могли решить за это время? Да, в сущности, ничего! Моя гениальная, но, как выяснилось, провальная идея стоит чрезвычайно дорого. Ладно, если бы дело было только в деньгах и финансах, так проблема ещё и в том, что мы изначально планировали уехать к моей тёте, а я со своей глупой идеей и этой Райли с её свитой просто на просто забыла об этом. Если я случайно узнаю или хоть что-то услышу о том, что она ищет какую-нибудь потенциальную стерву для своих экспериментов, я на все сто, даже на двести процентов, без малейшего сомнения, дам ей её контактные данные. Планета, конечно, не станет чище от таких, как Райли, но вот дышать в этом городе станет заметно легче.

²⁸ Арахнофобия (от др.-греч. *ράχνη* – “паук”, др.-греч. *φόβος* – “страх”) - частный случай зоофобии, боязнь паукообразных, относится к числу самых распространённых фобий.

Услышав настойчивый кашель в трубке, я поняла, что моё затянувшееся молчание начало его беспокоить. Я снова глубоко вздохнула:

— Они до сих пор спорят на кухне, бьют посуду и выясняют отношения по поводу этого моего заявления.

— *Так долго?*— неподдельное изумление и удивление в его голосе ощущалось даже на расстоянии.

— Ага. Сама в полнейшем шоке. Никогда ещё не видела, чтобы они так долго и ожесточённо спорили из-за какой-то ерунды.

— *Аннабелла*,— от его внезапно посерьёзневшего голоса, произнесшего моё полное имя, я вся внутренне напряглась, — *не пойми меня неправильно, но я считаю, что тебе лучше отменить эту авантюру, пока не поздно. Поверь мне, ничего хорошего из этой затеи не выйдет!*

— Я и сама это отлично понимаю, — тихо, с горечью вымолвила я, машинально теребя край своей старой футболки. — Но уже слишком поздно что-то отменять. Если я уже заявила, то я буду делать это во что бы то ни стало! Ты же прекрасно знаешь эту Райли, она просто так это не оставит. Скорее всего, уже завтра вся школа будет увешана яркими постерами, извещающими о том, что я устраиваю день рождения, и самое страшное, если эта новость попадёт в местные газеты. Так что - была не была! Пусть будет то, что будет.

В ответ на мои слова послышался только тяжёлый, измученный выдох, а затем воцарилась долгая, гнетущая тишина. Я на мгновение подумала, что он уже сбросил вызов, раздосадованный моим упрямством, но, взглянув на экран, поняла, что счётчик времени всё ещё идёт, и я вновь прижала телефон к уху.

— *Ну, раз слова назад забрать уже нельзя,* — наконец произнёс он с новой, почти зловещей решимостью в голосе, — *тогда мы устроим такую вечеринку, которую они запомнят до самого конца своей никчёмной жизни!*

Энтузиазм и уверенность Доми, буквально сочившиеся из каждой его фразы, произвольно вызвали на моём лице широкую улыбку. Я была рада, даже слишком рада, что такой человек, как Томсон, является моим другом и союзником.

— Так точно, капитан! — бодро отрапортовала я в ответ на его воинственный настрой, и мы оба тут же расхохотались.

После этого мы проговорили ещё около двадцати минут, обсуждая детали, а затем я, наконец, с чистой совестью приступила к выполнению своего домашнего задания, которое уже не казалось мне таким нудным.

На выполнение домашнего задания по французскому и физике у меня ушло порядка полутора часов, от силы два - я так увлеклась, что даже не заметила, как пролетело время. Глаза отчаянно слипались от усталости, веки тяжелели с каждой минутой, а стрелки настенных часов уже показывали начало четвёртого - три часа десять минут ночи. С трудом поднявшись со стула и сладко потянувшись, разминая затёкшие плечи и шею, я направилась в ванную комнату. Там я умылась прохладной водой, тщательно почистила зубы, а затем, подняв взгляд на зеркало, машинально принялась расплетать свою тугую косу, освобождая волосы от резинки.

Вглядываясь в своё собственное отражение, меня не покидает странное, почти мистическое ощущение, что на меня смотрит вовсе не я, а совершенно посторонний человек. Этот некто явно выглядит счастливым - настолько, что от этого зрелища меня пробирает мелкая дрожь, от которой все волоски на моём теле встают дыбом. Рассказать об этом кому-либо я не могу - сразу же решат, что я просто переутомилась за учебой и мне всё лишь мерещится от недосыпа. Только вот я чувствую, что моё отражение в зеркале уже давно перестало принадлежать мне, оно живёт своей собственной жизнью.

Чтобы отогнать тревожные, навязчивые мысли, я включила кран с холодной водой и плеснула несколько пригоршней ледяной жидкости себе в лицо. Освежившись, я выпрямилась, глубоко вздохнула и снова посмотрела на себя в зеркало - как будто ровно ничего не произошло, как будто те жуткие ощущения мне просто привиделись.

Вытерев лицо пушистым полотенцем, я направилась обратно в свою комнату, на ходу выключив свет в ванной. Но едва я успела отойти от двери на пару шагов, как из-за спины раздался оглушительный звон бьющегося стекла.

Я стремительно развернулась и вбежала обратно в ванную, судорожно нащарив рукой выключатель. Свет вспыхнул, и перед моими глазами предстала пугающая картина: то самое зеркало, что висело над раковиной, в которое я только что смотрела всего минуту назад, было полностью разбито, а его острые осколки хаотично разбросаны по полу и на раковине. Само по себе зеркало не может разбиться без видимой причины, я это отлично понимала. Но факт оставался фактом - оно было разрушено. Хуже того, если бы оно просто упало со стены, это было бы хоть как-то объяснимо, но его каркас по-прежнему прочно висел на своём месте. Выходит, что оно могло разбиться, только если бы в него кто-то или что-то метнуло тяжёлый предмет. Но то, что оно треснуло и рассыпалось без какого-либо внешнего воздействия, приводило меня в самый настоящий ужас.

Я так и продолжала стоять в дверном проёме, оцепенев и не в силах отвести взгляд от этой жуткой картины, пока не услышала за спиной встревоженные голоса родителей.

— Что здесь произошло? — обеспокоенно спросил папа, бесцеремонно отодвинув меня в сторону, чтобы собственными глазами увидеть то же самое зрелище, что и я.

— Как это вообще могло случиться? — с искренним изумлением и нотками страха в голосе спросила мама, подходя ближе и становясь рядом с папой.

Осмотрев разгром, мама тут же перевела взгляд на меня и, схватив за плечи, принялась внимательно осматривать мои руки, лицо и шею.

— Ты цела? Нигде не порезалась, не поранилась осколками? — её голос был спокойным, но в нём явственно сквозила тревога, и этот контраст немного вывел меня из ступора, но далеко не полностью.

— Я... я в полном порядке, мам, но зеркало... — я запнулась на полуслове, не зная, что ещё добавить, и в следующую секунду замолчала так резко, как никогда раньше не делала.

В коридоре повисла давящая, почти осязаемая тишина. И в этой неестественной, звенящей пустоте мне отчётливо, словно наяву, послышался чей-то голос. Кто-то - или что-то - сказала мне несколько слов. Но вот что именно было сказано - я не могла разобрать, слова смешались в неразборчивый шёпот, оставив лишь ледяное послевкусие страха.

Тишина затягивалась. Я была не в силах ответить родителям или выдать из себя хотя бы слово - оно застряло где-то в горле, словно огромный, твёрдый ком. Если я расскажу им правду - мне всё равно не поверят, припишут усталости и переутомлению. Если совру и придумаю что-то правдоподобное - навлеку на себя ещё большие подозрения. Но вся эта мистическая, необъяснимая сцена пугала меня до глубины души. Просто так это не случилось - я точно это чувствовала всем своим существом.

Как оно могло разбиться? Где-то глубоко в подсознании я уже знала ответ на этот вопрос. Только я не могу, а вернее, я отчаянно не хочу произносить его вслух. Даже думать об этом мне невыносимо! Просто скажите мне, что это всего лишь сон, что ничего на самом деле не происходило - просто очередной ночной кошмар, который сейчас закончится.

Судя по тому, что я слишком долго не отвечала на их вопросы, уставившись в одну пустую точку, родители начали всерьёз пугаться, не понимая, что со мной происходит. Но я точно знала, что и их самих гложет тот же самый мучительный вопрос: что же произошло с этим зеркалом и как оно могло разбиться без малейшего на то воздействия.

17 сентября 2003 года, 06:00 по местному времени

Утро наступило внезапно, так же неожиданно, как и то странное происшествие, что случилось прошлой ночью в ванной комнате. Подробности того, что произошло, уже начали стираться из памяти, оставляя лишь смутные, тревожные очертания. Но одно я запомнила чётко - утреннее солнце - самое беспощадное, особенно когда забываешь на ночь задёрнуть шторы, и оно с первых же секунд бьёт прямо в глаза, заставляя щуриться и прятаться.

Я натянула одеяло выше, укрывшись с головой, чтобы хоть как-то защититься от этих режущих лучей, которые словно иглы впивались в веки. Ну, может, я преувеличиваю насчёт их палящей силы, но всё же сентябрьское солнце - последнее по-настоящему тёплое солнце перед долгой и холодной зимой, и его тепло бесценно. Без него наступил бы не просто ледниковый период, а полное вымирание всего живого. В детстве я мечтала всю жизнь провести в жарких странах, например в Индии, представляя себя среди пальм и океанских волн.

Индия по своим очертаниям напоминает огромный драгоценный алмаз, который простирается более чем на три тысячи футов от величественных Гималаев на севере до самой южной точки - Каниякумари, или мыса Кумари, омываемого Индийским океаном. Как говорят знающие люди, Индия - это не место для трусов. Она представляет собой постоянное испытание как для ума, так и для тела, способное основательно встряхнуть и перевернуть весь твой организм. Она одновременно волнует, истощает и приводит в ярость. Вместо того мистицизма древних религий, о котором так много говорят и часто неправильно понимают, Индия на самом деле может подарить совсем другое чудо - богатство и разнообразие её народов и невероятных ландшафтов. Но если оценивать по показателям тепла, то пальму первенства уверенно держит Мекка.

Мекка, священный для мусульман город, по праву считается самым жарким городом на планете. Это самое тёплое место на Земле, со среднегодовой температурой около восьмидесяти шести градусов по Фаренгейту. Летом столбики термометров там способны достигать отметки в девяносто три градуса. Расположен город в горах Сират, на высоте двухсот девяноста футов и одиннадцати дюймов над уровнем моря. Оказавшись там, я бы первым делом посетила священный источник Зам-Зам²⁹, воды которого, по преданиям, обладают удивительной силой.

Но вообще, если честно, я всегда хотела объехать каждый уголок нашей планеты, чтобы просто увидеть своими глазами те края, которые выходят за пределы возможного и доступного.

Скинув с себя одеяло и снова поморщившись от яркого солнечного света, я быстро вскочила на ноги и, подбежав к окну, решительно задёрнула одну из занавесок, чтобы окончательно не ослепнуть и не испортить себе настроение с самого утра. Только после этого я смогла наконец спокойно и глубоко вздохнуть.

Протерев глаза ладонью, чтобы окончательно прогнать остатки сна, я подошла к шкафу и принялась перебирать вещи, выбирая сегодняшний наряд. Настроение с утра было средним, ни хорошим, ни плохим, так что я решила остановиться на уютном вязаном сарафане в паре с джинсовкой - простой и удобный вариант, как раз то, что нужно для такого неопределённого дня.

Направившись в ванную, я совершенно забыла о том, какой сюрприз меня там ожидает.

Зайдя в ванную комнату и включив свет, я увидела привычную, до боли знакомую картину. Та самая старая чугунная ванна, которая досталась нам ещё от предыдущих хозяев дома. Занавеска в мелкий цветочек, которую мама, увидев в магазине, купила, даже не посоветовавшись со мной и папой. Отец потом шутил, что этот ужасный рисунок снился ему первый месяц в кошмарах. Я с ним полностью согласна - эти цветастые бутоны действительно выгля-

²⁹ Замзам (Зёмзем; араб. زم زم) - колодец в Мекке под площадью мечети аль-Харам, на расстоянии 20 м к востоку от Каабы.

дели жутковато. Если в доме когда-нибудь наступит день глобальной уборки и избавления от ненужных вещей, папа выкинет эту занавеску первой, я даже не сомневаюсь в этом.

Полотенца висели на старых крючках, сделанных в виде забавных зайчиков. В некоторых местах на старой раковине зияли трещины - две из них я оставила в далёком детстве, а остальные нам достались по наследству от прежних владельцев. Но, как сказал папа, хоть что-то лучше, чем ничего, и я была с ним абсолютно согласна. Однако теперь в этой комнате не хватало одной вещи, и это было зеркало.

Когда я поняла, чего именно не хватает, меня словно ошпарило кипятком - я прижалась к стене, и все ночные воспоминания хлынули в голову, затопляя сознание. То жуткое ощущение, что отражение в зеркале больше не принадлежит мне. Звон разбивающегося стекла. Осколки, хаотично разбросанные по кафельному полу и внутри раковины. Растерянные лица родителей, пытающихся понять, что только что случилось. Мама, которая уводила меня в спальню, успокаивая и уговаривая лечь спать. И этот издевательский, насмехающийся голос, прозвучавший из ниоткуда!

От нахлынувшего ужаса я перестала дышать. Глаза бегали из стороны в сторону, выхватывая детали, но не в силах сосредоточиться, а сердце бешено колотилось где-то в горле, пытаясь вырваться из груди. Леденящий страх, заполнивший всё помещение, сковал моё тело. Я не могла сделать даже шага, просто оцепенев, уставилась на то место, где раньше висело зеркало, а теперь зияла пустая, голая стена.

Всё вокруг начало кружиться. Весь мир завертелся в бешеном водовороте. А тот голоса, что звучал в моей голове, становился всё громче, всё настойчивее, пытаюсь овладеть моим сознанием и затмить разум.

— Аннабелла, с тобой всё в порядке? — раздался стук в дверь и взволнованный голос папы, который вырвал меня из этого странного, липкого состояния.

Я попыталась восстановить дыхание, прижала ладонь к груди, чувствуя, как сердце постепенно успокаивается, медленно считая от десяти до нуля. Если бы пап не пришёл, я даже не представляю, что бы со мной случилось в следующую минуту.

— Я в полном порядке. Просто задумалась на секунду. Скоро спущусь вниз, — ответила я после очередного стука и попытки дёрнуть за ручку двери.

— Точно? По голосу совсем не скажешь, что ты в порядке.

Я тепло улыбнулась, тронутая его заботой:

— Точно! — постаралась вложить в голос как можно больше бодрых и жизнерадостных ноток, чтобы не вызывать лишних подозрений. — Я спущусь через пару минут.

— Хорошо. Мы с мамой ждём тебя на кухне за завтраком. Только не опаздывай.

Вскоре послышались удаляющиеся шаги по коридору, и я, наконец, смогла с облегчением выдохнуть - меня не раскрыли.

Хлопнув себя ладонями по щекам, прогоняя остатки страха и навязчивых мыслей, я быстро начала приводить себя в порядок.

Приняв быстрый душ и освежив лицо прохладной водой, я стремительно проскочила обратно в свою комнату, чтобы не попасться родителям на глаза в таком растерянном виде. Одевшись в подготовленную одежду, одновременно собирая рюкзак и заплетая ещё влажные волосы в тугую косу, я умудрилась впервые в жизни побить собственный рекорд по времени сборов. Всего пять минут - и я полностью готова! Для меня это было что-то совершенно невероятное.

Спускаясь вниз по лестнице, я перепрыгивала через ступеньки, чтобы сэкономить каждую лишнюю секунду. Зайдя на кухню, я застыла в дверях от необычной картины. Обычно за столом уже сидит папа с газетой, а мама суетится у плиты, готовя завтрак. Сегодня же всё было

совершенно по-другому: еда уже стояла на столе, разложенная по тарелкам, а в воздухе висела напряжённая, давящая атмосфера, которой никогда раньше не было в этом доме.

Подойдя к своему привычному месту и тихо сев, я тут же получила внимательный, режущий взгляд от обоих родителей, устремлённый на меня.

— Что-то случилось? — спросила я, стараясь придать голосу жизнерадостность, но в этой гнетущей обстановке это удавалось с огромным трудом.

Наступила тягучая, неловкая тишина, от которой мне стало ещё более неуютно и тревожно.

Спустя целых пять минут, показавшихся мне вечностью, я услышала тяжёлый вздох отца и звон вилки, которую он отложил на стол. Не поднимая на них глаз, я продолжала рассматривать узор на своей тарелке, лихорадочно перебирая в голове возможные варианты наказания.

— Аннабелла, — позвала меня мама своим мягким голосом, и, как бы страшно мне ни было, пришлось поднять голову и встретиться с её... мягким, тёплым взглядом?

Я ничего не поняла. Это что, шутка какая-то? Мама смотрела на меня не с осуждением и не с гневом, а с мягкостью и нежностью? Я перевела взгляд на отца - он тоже смотрел на меня с улыбкой! Сегодня, что, день всеобщих розыгрышей? Вроде бы не первое апреля... Так что тут вообще происходит?

— Аннабелла? — позвал меня папа, и я встрепенулась, выныривая из раздумий:

— Да, я Аннабелла, я знаю.

Что за глупость я несу! Страх и вчерашнее происшествие выбивают меня из колеи. Кто-нибудь, объясните мне, что тут творится!

— Аннабелла... ты можешь отметить свой день рождения так, как и задумала, — произнёс папа, и то, что он сказал, оказалось для меня ещё большим шоком.

Я пристально посмотрела на него, пытаюсь понять, шутит он или говорит серьёзно, но в его глазах не было ни тени насмешки - только спокойная уверенность. Мой мозг всё ещё пытался переварить эту новость, осознать её было невероятно трудно.

Видимо, моё молчание затянулось слишком надолго, потому что мама успела встать и подойти ко мне, обняв за плечи.

— Мы всё понимаем, *tyttäreni*! — прошептала она, поглаживая меня по голове. — Так что не стоит себя накручивать и терзать сомнениями. Просто делай так, как велит твоё сердце. А мы с папой всегда тебя поддержим, что бы ты ни решила.

Её ласковый голос и нежное произношение на финском чуть не заставили меня расплакаться, как маленького ребёнка.

Я соскочила со своего места и набросилась на маму, крепко прижимаясь к ней и утыкаясь лицом в её плечо.

— Спасибо, — прошептала я едва слышно, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. — Огромное вам спасибо за всё.

— Ну, что ты, глупенькая! — мягко ответила мама, поглаживая меня по спине. — Это нам спасибо, что ты у нас есть.

— Угу, — только и смогла выдавить я, продолжая обнимать маму, цепляясь за неё, как будто это был последний раз.

После завтрака всю посуду убрали в раковину, и так как сегодня была моя очередь мыть посуду, я уже стояла на своём боевом посту у плиты. Если ванная была оккупирована ужасным вкусом мамы в плане дизайна, то до посуды добрался папа. Я ничего не имею против узоров на тарелках, но только не тогда, когда на них нарисованы средневековые замки. Возникает стойкое ощущение, что я живу не в простой семье, а в настоящей Королевской семье - именно так, с большой буквы. Если у мамы надо конфисковать все журналы по домоводству, то у папы - исторические книги, а лучше и те, и другие сжечь в синем пламени. Руки, конечно, так и

чешутся это сделать, но если я воплощу свою мечту в реальность, то все мои книги окажутся в том же самом огне. Так что лучше сидеть тихо, молчать и улыбаться, как ни в чём не бывало.

Нет, мою инициативу знают только Зои и Доми, и они сами каждый раз оставляют едкие комментарии по поводу всего, что находится в нашем доме. Как сказать... не дом, а доисторический музей архитектуры - причём откровенно уродливой архитектуры.

Вымыв всю посуду, вытерев её насухо и аккуратно убрав в ящик, я подняла глаза на настенные часы с кукушкой. И да, вы не ослышались - именно с кукушкой! Эти часы достались нам от дедушки. Ну, если быть точнее, однажды дедушка с папой съездили на блошинный рынок, и в результате мы имеем кучу разного старого хлама, одним из экспонатов которого и являются эти часы. Лучше бы они новую голову там нашли, чем тащить домой всякий ненужный антиквариат! Но если судить строго, то папа приносит домой странных вещей меньше, чем мама. Она, как и дедушка в своё время, увидит какую-нибудь безделушку - и всё, надо обязательно купить! Если так продолжится, я сделаю над входом табличку: "Барахолка разной хрени!" Думаю, будет выглядеть иронично и забавно. Так, ладно, время уже почти семь, а это значит, что ребята уже подъехали за мной.

Быстро обувшись в прихожей и бросив последний взгляд в маленькое зеркало на вешалке, чтобы убедиться, что я выгляжу идеально, я выскочила из дома, на ходу схватив ключи с тумбочки. Выйдя на крыльцо и подняв взгляд к небу, я поняла, что солнце скоро скроется за тяжёлыми свинцовыми тучами. Сезон дождей в этом году придёт раньше обычного, и я даже не знаю, радоваться этому или нет.

Спускаясь по садовой дорожке, я заметила, что Доми уже подъезжает к нашему дому. Не став тянуть, я побежала к Peugeot 607, перепрыгивая через лужи.

Когда он остановился, я тут же распахнула заднюю дверь и с лёту плюхнулась на сиденье, громко захлопнув за собой дверцу.

— Аккуратнее можно? — с раздражением в голосе проворчал Доми, здороваясь со мной без особого энтузиазма.

— И тебе привет! — лучезарно улыбнулась я ему в зеркало заднего вида, помахав рукой.

Пристегнув ремень и устроившись поудобнее, я обратила внимание на странную тишину в салоне. Выпрямившись и подавшись вперёд, я дотронулась до пассажирского сиденья и взглянула на Зою:

— Что с тобой?

По её бледному лицу и тому, как она обнимала себя руками, словно пытаясь защититься, я сразу поняла - Томпсон уже успел воплотить свою зловещую шутку.

Я протянула руку, чтобы дотронуться до её плеча, но тут же получила резкий, довольно ощутимый шлепок по руке.

Зашипев от неожиданности, я отдернула руку и начала потирать место удара, одновременно бросив красноречивый взгляд в зеркало, где отчётливо маячила довольная ухмылка Доми.

— Тебе не кажется, что ты немного переборщил, Томпсон? — с укоризной посмотрела я на него.

— Самое то, чтобы она забыла о своём Netflix как минимум на неделю!

Я только закатила глаза от его самоуверенности:

— Смотри мне, чтобы она отошла! Иначе...

— Я окажусь в пасти аллигатора, — с усмешкой закончил за меня Доми. — Помню, помню, я ещё не выжил из ума.

— Ты просто урод! — неожиданно подала голос напуганная Зоя, в голосе которой прорезались привычные нотки возмущения.

Я расхохоталась на её вердикт, в то время как Доми возмущённо воскликнул, изображая обиду. Постепенно наш упрямый Овен начал приходить в себя.

Я взяла свой рюкзак, достала бутылку с водой и протянула её Зои.

— Спасибо, — выдохнула она и принялась жадно пить, словно целую вечность брела по раскалённой пустыне без капли воды.

Опустошив бутылку до дна, она облегчённо выдохнула и, завинтив крышку, вернула её мне.

— Спасибо за этот глоток воздуха, — с лёгкой улыбкой сказала она.

— Всегда пожалуйста, — с сарказмом ответила я, глядя на пустую бутылку и пряча её обратно в рюкзак. — Кстати, мои родители разрешили мне провести день рождения так, как я хочу.

— Правда? — в унисон воскликнули сидящие спереди, и, получив мой утвердительный кивок, оба широко улыбнулись.

Я пересказала им весь утренний разговор с родителями, и мы начали втроём обдумывать детальный план предстоящей пятницы, оживлённо перебивая друг друга и дополняя идеи.

3 Глава

26 сентября 2003 года, 13:58 по местному времени

Время летело незаметно. Всё, что проходило, оставалось позади. Ничего не возвратно! Остаётся только продолжать идти вперёд, несмотря на препятствия, которые судьба выстраивает на нашем пути. Бог дал нам шанс жить, но как мы её проживём, зависит от нас самих. Препятствий не избежать, какими бы они ни были: дорожки из разбитого стекла; лозы из кустов роз, покрытые большими и острыми шипами; кирпичные стены, которым нет ни конца, ни края; обрывы, которым нет продолжения.

Перечисление, перечисление и одно только перечисление. Оно бесконечное, никогда не кончаемое. Кого ни спроси, он или она опишет свою дорогу по-своему. Я не спорю, могут быть совпадения, ведь людей много, но и препятствий тоже. Люди часто забывают, что всё не даётся просто, а если даётся, ты или это заслужил, или поработал, чтобы заслужить. Всё нужно заслужить, ведь сыр бесплатный бывает только в мышеловке.

События, которые мы переживаем или к которым мы идём, не обязательно подарят нам новый день. Для половины они могут означать конец всему старому, а для оставшейся половины - начало чего-то нового. Мы никак не можем на это повлиять! Предугадать исход того или иного нашего решения невозможно.

Есть три исхода выбранной той или иной ситуации. Несоизмеримая радость от полученных результатов и возможность двигаться дальше. Начальная радость и изменения, а в конце боль и страдания. И самый худший вариант - потеря всего. Здесь мы можем получить только печаль, агрессию, муку, ужас, а в худшем случае - смерть!

Если так послушать, то смерть - это явление, которое не зависит от нас. От нас зависит только её приближение или отдаление. Умереть сейчас или умереть потом. Мы все делимся на два типа: те, кто боятся смерти, и те, кому безразлично оно. Считать данное явление ужасным невозможно. Мы не творцы и не создатели, чтобы выпускать агрессию на то, что не зависит от нас. Люди, считающие себя судьями или вершителями жизни и смерти, не более чем умалишённые. Все те, кто убивают, не достойны жизни? Они все считают себя вершителями человеческой судьбы? Нет. Скорее всего, именно люди, окружение, власть привело их к тому, кем они стали.

Если бы вас убили, вы бы стали мстить? Стали бы желать смерти всем тем, кто был на стороне убийцы, тем, кто издевался над вами? Думаю, да, так как я бы стала! Мне было бы безразлично, что их близкие будут печалиться, плакать, скорбеть. Моим ведь тоже было больно.

Так считают все, хотя все мы способны испытывать чувство скорби за близкого нам человека. Я точно знаю, что боль будет несоизмеримо тяжёлой. Потерять дорогого тебе человека больно.

Все мы рано или поздно испытываем боль от потери близкого человека. Возможность умершему отомстить - равна нулю. Невозможно, чтобы мёртвый ходил по живой земле. Но если бы был хоть маленький шанс, то я считаю, что мёртвый должен отомстить тому, кто его убил!

Но это просто мои глупые размышления о жизни и смерти. Они никому не нужны и никому не доставят радости, так как это сказки о добре и зле. Хотя дети любят такие сказки, где принцессу спасает храбрый принц на белом коне и отвозит в свой чудесный замок, где они живут “долго и счастливо”. Но кто-нибудь хоть задумывался, почему нам не показывают дальнейшую судьбу этого “долго и счастливо”? Почему этого нам не повествуют? Или так они пытаются скрыть горькую правду о совместной жизни. О взрослой жизни! Почему нельзя с самого малого приучать детей видеть добро и зло именно во взрослой жизни? Ну, или ситуации, в которые нам не стоит влезать?

Взрослые думают, что жизнь не движается, и, внушив нам свою точку зрения, считают, что нам как-то это поможет? Ой, не факт! Жизнь движется. Всё меняется. Ничего из прошлого не возвращается ни в настоящее, ни в будущее. Так что мой совет: учите детей так, чтобы они сразу знали все трудности взрослой жизни!

Вот и я, которая сидит на уроке математики и думает о всякой хуйне. Нет, ну а что тут такого? Учитель опять восхваляет о том, какой он классный, о своей жизни и бывшей жене. Мы это слушаем на протяжении всех его пар, кроме тех, которые заменяет Миссис Эвери. Была бы возможность его заткнуть, я бы сделала это тут же.

На первой парте в четвёртом ряду, ближе к окну, обретался Доми - и он спал настолько крепко, что его даже нельзя было назвать просто сонным; он провалился в беспробудное забытье уже где-то третий урок кряду, и, судя по всему, будить его не имело никакого смысла, потому что тело его окончательно отключилось от реальности. Я успела сделать вывод, что во всём этом виноват Мистер Алвар, их футбольный тренер, который, видимо, задался целью вымотать Доми до состояния овоща: уже третий день подряд он гоняет его на тренировках до седьмого пота, и причина такого рвения кроется в том, что недавно одно крайне важное мероприятие, которое в шутку называют “чудом света”, было сорвано, и вина за этот срыв лежит на совершенно конкретном человеке. И, чтобы сразу развеять все недомолвки, уточню: этим виноватым являюсь вовсе не я, а моя подруга Зои - именно она, будучи не в силах удерживать свои порывы, устроила с Доми несколько ночей уединения под предлогом того, что её родители внезапно укатили на какое-то невероятно значимое собрание, которое, в скобках, оказалось настолько важным, что они оставили дочь одну на целую неделю. И вот теперь, расплачиваясь за эту беспечность, бедный мальчик вынужден выкладываться на тренировках на полную катушку, потому что он не сумел вовремя обуздать свою девушку и заставить её думать о последствиях перед ответственными соревнованиями. Однако, поскольку именно он является нашим с Зои личным водителем и ежедневно развозит нас по делам, мне совершенно не улыбается перспектива того, что он вырубится от усталости прямо за рулём, поэтому я сижу тише воды, ниже травы, не издаю ни звука и стараюсь не нарушать его покой, а заодно настрого запретила Овен подходить к нему и пытаться его разбудить, чтобы он хоть немного пришёл в себя.

Я могла бы продолжать размышлять в этом же духе ещё бесконечно долго, перебирая в голове всевозможные варианты и прокручивая ситуацию с разных сторон, но в тот самый миг, когда я собиралась углубиться в свои мысли, моё внимание было грубо прервано - чья-то ручка, острая и настойчивая, упёрлась прямо в мою спину и начала с каждым мгновением давить всё сильнее, словно вознамерилась проткнуть меня насквозь, и хотя чисто анатомически это

было абсолютно невозможно, я прекрасно знала характер своей подруги и понимала, что от неё можно ожидать чего угодно.

— Зои, чего тебе? — обернулась я к ней лицом, опёрлась локтем о край её парты, придав своей позе максимально демонстративный вид, и скорчила самое раздражённое выражение лица, какое только могла изобразить в данный момент.

— Прекрати немедленно пялиться на моего парня! — прошипела она в ответ голосом, полным ревности и возмущения, причём её шёпот был настолько напряжённым, что казалось, будто она вот-вот перейдёт на крик.

— Я просто размышляла, тупо смотрела в пространство и думала о своём, — ответила я, равнодушно пожав плечами, — он мне совершенно не нужен и даже не интересен как объект для рассматривания.

— Тогда найди себе другую точку для наблюдения, только не его! — отрезала она с явной угрозой в голосе.

— Хорошо, — улыбнулась я с едва заметной хитринкой, — раз ты так настаиваешь, я буду смотреть исключительно на тебя, и никто другой не попадёт в поле моего зрения.

— Умоляю, избавь меня от такого подарка судьбы, — простонала Зои, прикрывая лицо обеими ладонями и заметно сникая под моим взглядом, а я в ответ лишь шире расплылась в улыбке, наблюдая за её растерянностью и получая от этого явное удовольствие.

Как же я счастлива, что они у меня есть. Она у меня есть! Без Зои, и её вечного детского поведения, я бы позабыла, что значит улыбаться каждым мелочам в жизни. Удивительно, конечно, что такой человек может жить в этом прогнившем мире. Нет, может, у неё есть суперсилы или барьер от воздействия всего грязного, мерзкого, но иногда он так раздражает, что хочется стянуть его с неё раз и навсегда. Но желание и тёплое чувство в сердце не позволяет мне этого сделать. И я рада, что в мире есть такой светлый человек, как она. С детской, чувственной натурой, на которую не действуют внешние силы.

Ребёнок - это тот, кто видит мир сквозь розовые очки. Он не понимает, где находится и как поступать в той или иной ситуации. Дитё зависит целиком и полностью от взрослых, пока сам не станет таковым. А кто такой взрослый? Тот, кому исполнилось восемнадцать? Может быть, кто рано повзрослел в связи сложившихся событий? Или тот, на ком лежит забота о тех, кто не может сам о себе позаботиться? Вариантов много, как и мнений. Но все они, так или иначе, перекликаются между собой. Не может одно размышление быть взято с потолка! Они выплывают сами собой, медленно, с течением времени, с одного или нескольких понятий и накладываются друг на друга или на другое с ним не связанным.

О перерождении говорят и по сей день - эта тема не теряет своей актуальности, обрстая новыми смыслами и оставаясь в центре внимания человечества на протяжении многих веков. О ней рассуждают философы и обыватели, её исследуют в документальных и художественных фильмах, ей посвящают книги, поэтические строки и даже мемуары, а некоторые люди с особой настойчивостью пытаются доказать, что они уже жили в прошлых эпохах и теперь, спустя время, вновь обрели плоть и сознание в этом мире. Теорий, связанных с перерождением, существует великое множество - каждая культура трактует этот процесс по-своему, добавляя в него религиозные, мистические или даже научные оттенки, - но суть всех этих концепций остаётся неизменной и, пожалуй, самой главной их проблемой: она абсолютно не поддаётся никакому доказательству, оставаясь лишь предметом веры и бесконечных споров.

— Прекрати уплывать в мысли о невозможном! — раздался у самого моего уха тихий шёпот, от которого я вздрогнула всем телом, потому что совершенно не ожидала его в эту секунду - моё сознание было слишком далеко от реальности, чтобы предугадать чей-то голос за спиной. Хотя, если рассуждать здраво, сидеть на скучнейшем уроке математики и позволять своим мыслям парить в облаках - занятие, мягко говоря, не самое продуктивное и даже рис-

кованное для школьной дисциплины. Но кто вообще посмеет меня осудить за такие маленькие слабости?

— Я и не летаю вовсе, — махнула я рукой, отмахиваясь от её догадки, хотя на самом деле это было чистой воды враньё, поскольку мои мысли действительно витали где-то далеко за пределами школьного класса. — Просто пытаюсь как-то скоротать время до конца урока, чтобы оно не тянулось так бесконечно долго.

— Верю тебе всей душой, безоговорочно и полностью, — ответила Зои с такой едкой иронией в голосе, что даже не пришлось сомневаться в её сарказме.

— Не тебе злиться и обижаться на меня, — произнесла я с тяжёлым, почти усталым выдохом, чувствуя, как накапливается раздражение, — ты сама ничуть не лучше меня со своим бурным воображением. Я прекрасно знаю тебя, и могу с уверенностью заявить, что всё это время ты сидела и тщательно продумывала, как бы получше и поязвительнее подколоть меня, чтобы в этом словесном поединке одержать надо мной победу.

По тому, как мгновенно раскраснелось лицо Овен, я поняла, что попала в самую точку - моя догадка оказалась настолько точной, что она даже не попыталась скрыть своего замешательства. Она вообще настолько открытая и искренняя, что её можно сравнить с маленьким ребёнком, который не умеет лгать или притворяться, поэтому мои предположения о ней всегда оказываются верными и попадают прямо в цель без единого промаха. О ней много размышлять даже не нужно - она сама расскажет о себе всё за считанные секунды, даже не осознавая, что выболтала лишнего. Мне становится искренне любопытно, как же её до сих пор не использовали в своих коварных целях какие-нибудь злонамеренные личности с нечистыми помыслами?! Ответов в моей голове не нашлось ни единого - возможно, всё дело в том, что рядом с ней всегда находились мы с Доми, которые не давали её в обиду. Хотя, скорее всего, это не так, ведь до нашей встречи она как-то умудрялась выживать самостоятельно, справляясь со всеми трудностями без чужой помощи. А может, секрет заключается в её чрезмерной зависимости от фильмов и сериалов, которая настолько затуманила её восприятие реального мира, что она попросту не замечает окружающих опасностей и остаётся в своём собственном, иллюзорном пространстве.

— Ладно, посмеялись и хватит, — сказала я, переводя разговор в более серьёзное русло. — Чего ты меня звала?

Её лицо в этот момент приобрело ещё более растерянное и смущённое выражение, чем было до этого, что вызвало у меня невольный смешок, за который я тут же получила лёгкий, но ощутимый удар тетрадью по голове.

— С тобой вечно обо всём забываешь на свете! — проворчала Зои с недовольством в голосе и принялась энергично копаться в своём портфеле, пытаясь отыскать там какой-то конкретный предмет, который никак не попадался ей под руку.

Спустя примерно пять минут её беспорядочных поисков, сопровождаемых тихим бормотанием и проклятиями в адрес собственной неорганизованности, она наконец извлекла оттуда лист бумаги, аккуратно сложенный в четыре раза, и, развернув его и бегло проверив содержание, с серьёзным видом протянула его мне.

— Прочитай, — коротко бросила она, и в её тоне послышалась какая-то скрытая значимость.

Я скептически, с долей недоверия и опаски посмотрела на Зои, затем на протянутый ею лист, но в итоге любопытство взяло верх, и я всё же решила взять его в руки - мне страшно хотелось узнать, что она могла такого написать, чтобы потребовать моего мнения, или же, что более вероятно, не содержится ли там чего-то нелестного обо мне самой.

Медленно, стараясь не показывать своего волнения, я перевела взгляд на исписанный жёлтый лист бумаги, одновременно ощущая на себе пристальный, выжидающий взгляд всё той же Овен, которая явно ждала моей реакции.

В последний раз она вручала мне подобный лист на Рождество, и тогда, при первом прочтении, я совершенно не поняла, к чему она мне это дала и какой смысл вкладывала в написанное. Однако, когда Зои пояснила, что это всего лишь цитаты из фильмов, которые, по её мнению, наилучшим образом характеризуют наши личности, я без малейших сожалений сожгла ту бумагу, не желая мириться с таким сомнительным комплиментом. Но сейчас, глядя на новый лист, я испытываю непреодолимое желание сжечь уже не бумагу, а саму Зои вместе с её новым подходом к бесконечным подколам и тонким насмешкам над окружающими.

У каждого человека есть желания, которые он не сообщает другим, и желания, в которых он не признается даже себе самому.

Для каждого из нас мир исчезает с его собственной смертью.

Ничего не бывает случайного, все имеет первопричину.

В тот момент, когда человек начинает задумываться о смысле и ценности жизни, можно начинать считать его больным.

Терпимое отношение к жизни остается первейшим долгом всех живых существ.

Я сосредоточенно вчитывалась в каждое слово, в каждую букву на этом пожелтевшем листе, пытаюсь уловить скрытый смысл и понять, с какой же целью она всё-таки решила написать именно это и именно сейчас.

— Зигмунд Фрейд, — произнесла я вслух, будто ставя точку в своих размышлениях, и в этом имени прозвучала уверенность в своей правоте.

— Да... — протянула Зои с лёгкой задумчивостью, и этот её долгий, тягучий ответ стал для меня подтверждением того, что я не ошиблась в своей догадке.

— Тебя снова отправили родители к психологу? — спросила я прямо, не желая ходить вокруг да около, и в моём голосе послышалась смесь любопытства и лёгкой насмешки.

— Чёрт! — воскликнула Овен и с силой ударила ладонью по парте, и этот резкий жест означал лишь одно: я попала в десятку. — Как тебе вообще удаётся делать такие точные и безошибочные выводы с первого раза? — спросила она с искренним изумлением, в котором смешивались восхищение и досада оттого, что её так легко раскрыли.

— Магически, — ответила я с загадочной улыбкой и изобразила руками пару театральных пассов, будто на самом деле владею какими-то сверхъестественными силами и способна читать мысли. — Так за что тебя в этот раз отослали к ней? Рассказывай уже.

Единственная и главная проблема всей семьи Овен заключается в том, что если их драгоценное чадо хотя бы малейшим образом отклоняется от тех жёстких стандартов и идеалов, которые они сами для себя выдумали, если оно проявляет самостоятельность или мыслит иначе, то этого ребёнка мгновенно начинают считать “испорченным” - бракованным, негодным, недостойным их высокого звания. Под этим понятием я имею в виду вовсе не что-то криминальное или аморальное, а просто человека, который отказывается соответствовать навязанным извне шаблонам и не вписывается в ту идеальную картину мира, которую семья выстроила для себя. Иными словами, такое поведение можно охарактеризовать иначе: они воспринимают свою дочь как неисправный механизм, который сломался и больше не функционирует так, как им хотелось бы, а потому требует срочной починки - в данном случае, в виде сеансов у психолога, чтобы вернуть её в нужное русло их ожиданий.

Воспитание, точнее сказать исправление, происходит в двух этапах. Первый: ребёнка отсылают к их семейному психологу Дебре Уилкинсон, которая занимается промывкой мозгов. Как они считают, что промывание мозга снижает способность их ребёнка к критическому или независимому мышлению, позволяет внедрять в их сознание новые мысли и представления, а также изменять их отношение, ценности и убеждения. Если же не получается первый способ, то в ход у неё идёт насилие. Слава богу, что пока этот способ не дошёл до нашей Зо. Зная

Доминика, он бы тут же её об стенку размазал. Но, богословии господь у Овен хватает ума подыгрывать этой грёбаной Уилкинсон. Могу сказать точно, что диплом у неё куплен, точнее это по секрету поведала нам Зои. Третий метод в её ненормальной семье - это изгнание. Лучше бы сразу это и делали, по моему мнению, ведь мучить ребёнка походами к неквалифицированному психологу, который не помогает, а вредит, - худшая пытка. Хотя для Зои это, скорее всего, развлечение, нежели промывка мозга. Она сама кому хочешь такое впудрит, что разбираться будет очень долго. Вспоминается случай, как ко мне пришёл жаловаться Томпсон по поводу Овен.

07 апреля 2002 года, 09:43 по местному времени

— Господи помилуй! — буквально ворвался в мою комнату Доми с этого возгласа, даже не удосужившись постучать или предупредить о своём появлении, и сразу же выпалил: — Она ненормальная! Абсолютно безумная, это просто за гранью моего понимания!

— И тебе доброе утро, — ответила я, медленно отрывая взгляд от книги, которую читала до этого, и бросила беглый взгляд на настенные часы, чтобы отметить время: — девять часов утра, сорок три минуты, двадцать девять секунд... хотя, нет, уже тридцать секунд.

— Я тут приехал к тебе с серьёзным, насущным разговором, а ты мне про какую-то ерунду и секунды говоришь! — проворчал Томпсон с явным недовольством в голосе, после чего сбросил свой тяжёлый рюкзак с плеч, водрузив его на стоящий рядом стул, и без приглашения уселся прямо на мою кровать, словно это было само собой разумеющееся.

— Вроде бы сегодня в моих планах на день не значился такой пункт, как спать с тобой в одной постели, — заметила я, спокойно откладывая книгу в сторону и давая ему понять, что сейчас я целиком и полностью сосредоточена на нём, хотя и с долей иронии.

— Прекрати ворчать и язвить, я приехал к тебе по действительно серьёзному делу, которое требует немедленного обсуждения! — настаивал он, и его тон звучал на удивление настойчиво и обеспокоенно, что заставило меня отнестись к его визиту чуть более серьёзно.

Я многозначительно посмотрела на него, приподняв одну бровь с выражением, которое можно было прочесть как “да неужели, и что же такого серьёзного могло случиться в такую рань?”, затем издала тяжёлый, усталый вздох, словно вся эта ситуация отнимала у меня последние силы, и, закрыв глаза, положила пальцы на переносицу, медленно и устало растирая её, чтобы немного снять напряжение и собраться с мыслями перед тем, как выслушать его новости.

Моё утро было таким прекрасным и замечательным: встала, умылась, позавтракала, доделала домашнее задание и продолжила читать “Ритуалы плаванья³⁰”. Я и так в последнее время откладывала чтение на второй план, а сегодня наконец-то мне выдался момент почитать, если бы один чёрт не явился. Вот зачем мои родители его пустили? Могли бы для начала спросить меня, принимаю я сегодня гостей или нет. А теперь сиди и слушай, как это чудо света ноем мне о Зои. Вот на кой чёрт она связала себя с ним?! Могла бы и получше найти парня, нежели того, кто даже вынести тебя и пяти минут не может. Я не психиатр для него и уж тем более не личный платочек, в который можно жаловаться и лить слёзы. Вот чувствовало моё сердце, когда Зои объявила мне, точнее сказать поставила перед фактом, что они теперь официальная пара.

— Ну и что же это за серьёзный разговор, — произнесла я, изобразив пальцами кавычки в воздухе, чтобы подчеркнуть ироничное отношение к его словам, — привёл тебя ко мне в такую рань? Опять маленького Доми обидела его драгоценная Зои, и ты прибежал жаловаться

³⁰ “Ритуалы плаванья” - восьмой роман британского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Уильяма Голдинга, впервые опубликованный издательством Faber&Faber в 1980 году.

на свою девушку, или в этот раз случилось что-то более серьёзное, и она, судя по твоему взволнованному лицу, попала в самую точку и задела тебя по-настоящему?

Лицо Томпсона буквально пылало от гнева и негодования, когда он смотрел на меня, потому что я не проявляла к нему того сочувствия и участия, которые он так явно ожидал получить в ответ на своё эмоциональное состояние. Ну и что с того, в конце концов? Мне совершенно безразлично, что он там обо мне думает и какие выводы делает, ведь людей на свете огромное множество, и от одного-единственного его мнения погода в мире не испортится, а солнце не перестанет светить.

— Теперь мне окончательно ясно, от кого Зои научилась своей язвительности и умению колко отвечать, — пробурчал он себе под нос с явной обидой, а затем с силой ударил себя ладонью по лбу, словно пытаясь привести мысли в порядок, на что я, несколько не смутившись, в ответ на его слова демонстративно показала ему средний палец, давая понять, что его обвинения меня несколько не задевают. — Может быть, ты уже, наконец, соизволишь меня нормально выслушать, без этих твоих вечных подколов?

— Говори, я вся во внимании и молчу как рыба, — ответила я, изобразив рукой жест, будто закрываю рот на замок, а затем делаю вид, что выбрасываю невидимый ключик куда-то в сторону, показывая, что готова внимать его рассказам без лишних комментариев.

— Так вот, дело в том, что Зои снова была у этой своей психологини, как же её там зовут... — начал он, нервно щёлкая пальцами, пытаясь вспомнить имя, и его лицо выражало напряжённую работу мысли, которая явно давалась ему с трудом.

— Дебра Уилкинсон, — подсказала я ему спокойным тоном, потому что его мучительные попытки вспомнить имя чувствовались за несколько футов, и я решила прекратить его страдания.

— Точно! — воскликнул он с облегчением и с силой ударил кулаком по своей ладони, довольный тем, что наконец-то услышал правильное имя. — Продолжим. Эта Дебер... Дубр... Дибпа...

— Дебра! — перебила я его, терпеливо поправляя, потому что его фонетические эксперименты начинали уже утомлять.

— Да пофиг, как её там зовут, — махнул он рукой, показывая, что для него это не имеет никакого значения. — Родители отправили Зои снова к этой психологине из-за того, что она напрочь завалила контрольные работы сразу по нескольким предметам - по ботанике, химии, математике и даже по французскому языку, и это при том, что они оплачивают ей дорогущих репетиторов.

— Знаешь, меня больше удивляет тот факт, что её до сих пор не выгнали из школы с таким-то блестящим успехом в учёбе, — озвучила я свои мысли вслух, не удержавшись от саркастического комментария, за что немедленно получила от Доминика болезненный удар по ноге. — Ай, больно же! — вскрикнула я и принялась растирать ушибленное место рукой, чувствуя, как неприятно пульсирует кожа.

— Если бы ты не говорила всякую ерунду и чушь, то и не получала бы, — справедливо заметил Доми, на что я продемонстрировала ему средний палец уже во второй раз, давая понять, что его педагогические методы меня абсолютно не впечатляют. — Раз ты не хочешь нормально слушать и постоянно перебиваешь своими глупостями, то скажу тебе главное: Овен окончательно и бесповоротно промыли мозги, она теперь не в себе!

— В Бога поверила, что ли? — предположила я, и в этот раз вместо удара ногой я получила от Доми болезненный щипок в живот, отчего я прошипела сквозь зубы: — Сука, ну за что ты меня постоянно щипаешь и бьёшь?!

— Ладно бы в Бога, это было бы ещё полбеды, — ответил он с тяжёлым вздохом, — а она поверила в то, что у неё есть способности к учёбе, что она может учиться успешно и сдавать все экзамены без проблем, хотя объективно это совершенно не соответствует действительности.

Я могла посмотреть на Томпсона только с неким отвращением. Зои и учёба - это совершенно разные вещи и понятия. Как я не разбираюсь в её Netflix, так и она не разбирается в учёбе. Больше всего удивляет, что до меня она каким-то магическим боком держалась на плаву, ведь её знания ни насколько не выросли за время нашей дружбы. Хотя, если не считать тот факт, что она додумалась списывать у нас с Домиником домашку и конспекты уроков. Да, да, всё правильно, конспекты. Эта мелкая падаль ни хрена не записывает, ничего на уроке! Все её тетради пустые, а нет, вру, в них записаны цитаты с фильмов и сериалов, а также что посмотреть следующее. Такими темпами ей и вера в Бога не поможет.

Но с какого угла ни посмотри, моя печаль потерять подругу из-за психолога равна нулю. А вот если с помощью своих выходов она избавит меня от Томпсона, то я ей лично до конца учёбы буду делать всю домашку. Но как говорится: “любовь сильна, полюбишь и козла”. Точнее падаль, которую и мухи не едят и которая сидит в моей комнате, мучая меня своим нытьём.

— Доми, слушай меня внимательно, — я сделала паузу, чтобы он осознал серьёзность моих намерений, — вали-ка ты домой! Прямо сейчас, без лишних разговоров и пререканий.

— Чёрта с два я куда-то пойду! — вскипел он мгновенно, словно я нажала на какую-то невидимую кнопку, и вскочил с моей кровати так резко, будто его ошпарили кипятком, его глаза сверкнули гневом, а лицо побагровело от возмущения. — Сначала ты поможешь мне разобраться с этой ситуацией с Зои, а уже после этого, и только после этого, я уйду и оставлю тебя в покое.

— Ты хотел сказать “уюду”, — поправила я его, слегка усмехнувшись его формулировке, и подняла одну бровь в насмешливом жесте, показывая, что я прекрасно улавливаю все его оговорки.

— Не смей меня поправлять! — заорал он во весь голос, и его крик, казалось, заполнил всю комнату, и стены содрогнулись от его эмоций.

— Господи, да не мужик ты, а какая-то тряпка, — возмутилась я, но произнесла это скорее себе под нос, чем ему в лицо, хотя он явно услышал мои слова по тому, как его челюсть сжалась. — Ну и что же я, скажи на милость, могу сделать, чтобы помочь тебе в этой ситуации? Поплясать перед тобой с бубном или, быть может, вызвать для тебя сатану, чтобы он решил все твои проблемы магическим способом?

— От тебя требуется лишь одно, единственное и простое действие! — сказал он очень медленно, почти по слогам, словно вколачивая каждое слово в моё сознание, и его голос стал низким и угрожающим. — Скажи мне, как вернуть ту самую прежнюю Зои Овен, которая была до всей этой катастрофы, ту, которую я знал и любил!

— Никак, — ответила я сухо и без колебаний, глядя ему прямо в глаза и не отводя взгляда.

— Что? — взревел он так громко, что мне показалось, будто у меня сейчас лопнут барабанные перепонки, и я на мгновение пожалела, что не заткнула уши заранее.

Нет, ну серьёзно, что он вообще хотел от меня услышать? Зои просто прикалывается, играет, дурачится, как делала это всегда, а он воспринимает все её выходы всерьёз, раздувает из мухи слона и устраивает истерику на ровном месте. Если бы я так же реагировала на каждую её шалость, каждую её колкую шутку или странное поведение, то я давно уже ходила бы с седыми волосами и абсолютно расшатанной нервной системой без единой надежды на восстановление. А сейчас у меня как раз-таки сохраняется внутренний душевный баланс, то самое состояние спокойствия и умиротворения, которое я выстраивала долгие месяцы, но этот псих, который сейчас орёт в моей комнате, своими воплями и истериками рискует вырвать все мои труды с корнем, оставив после себя лишь пустоту и раздражение. Успокаивать его у меня нет абсолютно никакого желания, потому что это бесполезно - он всё равно не услышит ни одного разумного слова, но и терпеть его агрессивное поведение становится с каждой секундой всё невыносимее.

— Не смей на меня срываться! — произнесла я спокойно, но с такой стальной серьёзностью в голосе, что он на мгновение замер, удивлённый моим тоном. Я медленно и уверенно встала с кровати, аккуратно поправив футболку, которая задралась и сбилась от долгого лежания на мягком покрывале, и подошла к Доми вплотную, оказавшись с ним почти лицом к лицу, чтобы он не мог проигнорировать мои слова. — Я тебе не психолог и тем более не советчик по любовным и сердечным вопросам, понял? Ты её парень, вы связаны отношениями, а я всего лишь её подруга и твой друг. Вставать между вами, тем более вставлять палки в колёса вашим отношениям или пытаться что-то решать за вас - я не собираюсь, и не проси меня об этом.

— Аннабелла, ты... — начал было Доми, пытаясь что-то возразить или перебить меня, но я не дала ему закончить.

— Молчать! — резко и громко крикнула я на Доминика, перекрывая его голос и заставляя его замолчать на месте. — Если ты сейчас же не прекратишь настраивать меня против себя своими криками и требованиями, то уже сегодня же вечером ты вернёшься обратно к своей старой должности, забыв о том, что ты человек, которого я хотя бы немного уважаю, и станешь для меня не более чем грёбанной королевской свитой, которую я буду игнорировать и не замечать, пока ты не придёшь в себя и не научишься вести себя как взрослый, адекватный человек.

Я понимала, что говорю жестокие вещи, но по-другому уже нельзя. Ну, вот честно, кем он меня считает? Заявился ко мне с утра пораньше, требует того, что и сам может сделать, так ещё и пытается сделать меня козлом отпущения. Может, он всё ещё считает это нормой из-за своей бывшей компании, в которой прибывал с детства, но раз ты в другой среде, нормальном обществе, то и будь добр отключи свой, чёртов, эгоизм! Вернись до человечности, и ты сможешь увидеть мир другими глазами, которыми раньше видел только говно.

Если поставить рядом их двоих, я имею в виду Зою и Доминика, то разница будет колоссальной! И это не по поводу полового признака, не думайте, я про их жизнь. Доминик Томпсон воспитывается в семье медиков, причём известных медиков и эгоистов, будь здоров. Они лечат только тех, кто может положить в их огромный карман кругленькую сумму денег. Он прям уплывал в деньгах в Средиземное море, если не в Тихий океан.

Зои Овен, как и парень, тоже росла в богатой семье. Чуть неправильно сказала, не только росла, но и сейчас растёт. Отличия в их семьях только в том, что у девушки семья судей и юристов, а у парня до этого хер кто. Только вот у Доми не так всё строго, как у Зо. Лучше быть в богатой, но спокойной семье, а не в сумасшедшей, помешанной только на репутации.

Последующий рассказ про две эти семьи будет только с матом, так как от этих двоих я наслушалась кучу всего. Но если сказать в целом, то: «Не мы выбираем, где родиться. Не нам решать, как сложится наша судьба. Мы можем только построить для себя лучшую дорогу до самой смерти».

— Ладно, — произнесла я после недолгой внутренней борьбы, тяжело вздохнув и понимая, что спорить с ним бесполезно, и направилась в сторону шкафа, чтобы хоть как-то обозначить своё согласие и готовность к действиям, — так и быть, я помогу тебе в этот раз, но при одном условии, и ты должен запомнить это раз и навсегда...

— Я тебе так невероятно благодарен, Аннабелла, — перебил меня Доми, не дав договорить, и, не в силах сдержать порыв эмоций, накинулся на меня с объятиями, сжав так крепко, будто я была его спасательным кругом в бушующем море. — Ты даже не представляешь, насколько мне важна твоя помощь и как много это для меня значит.

Я с усилием оттолкнула его от себя, освобождаясь от его хватки, и бросила на него довольный, почти сердитый взгляд, когда он, наконец, осознал всю неловкость своей внезапной эмоциональной вспышки и смущённо потупил взгляд, явно осмысливая происходящую ситуацию и свою чрезмерную реакцию.

— Прости, — пробормотал он, слегка покраснев, и его голос звучал виновато и пристыжённо.

— Прощаю, — ответила я, смягчившись, но тут же добавила строгим тоном, чтобы он не расслаблялся: — Но запомни: это в последний раз, когда я соглашаюсь помогать тебе с Зои и влезать в ваши отношения. Больше таких разовых акций не будет, и я не буду решать ваши проблемы, понял?

— Понял, — отрапортовал он, поднеся руку к голове в шутливом жесте, будто отдавал честь военному, и его лицо озарилось лёгкой улыбкой.

— Куда не к покрытой голове, — съязвила я и шутливо ударила его по руке, от чего он звонко рассмеялся, а я не сдержала улыбки, чувствуя, как напряжение между нами постепенно растворяется.

26 сентября 2003 года, 14:23 по местному времени

Возвращаясь к настоящему моменту времени, я поняла одну вещь, точнее я её осознала давно, а убеждалась всё больше день ото дня. Я говорю о том, что Зои Овен и Доминик Томпсон - пара, созданная на небесах, короче, по лестнице вниз, а там через несколько кругов, котлов и чертей. В итоге мы прибываем к главному пункту распределения по этажам, он направляет дальше, ну и в итоге попадаем к распределителю неподходящих друг другу пар. Была бы моя воля, точнее возможность попасть к тому, кто так всё решает и под определяет, - убила!

И теперь меня настигла ситуация, в которой меня достаёт не козёл, а козлика. Господи, дайте им мозги! Жалко, я не веду дневник по этому случаю, тогда точно знала бы, когда была последняя промывка моих мозгов. Хотя если бы не урок, я её послала уже давно куда подальше и надолго, наверное - навсегда. Но раз уже начала отвечать и реагировать, то и дослушать стоит. А нет, свезло.

Почему я так сказала? Ответ довольно прост. Меня спас звонок с урока, и как хорошо, что он был последний на сегодня. Теперь настало время спешить домой и начинать подготовку к приходу гостей. Только гостями их посчитать нельзя, так, поскудные паршивцы, которые и знают только то, как опускаться ниже плинтуса, унижая при этом тех, кто не может дать им отпор. Этот тип людей я даже считаю ниже отбросов, что и могут представлять собой вершину Бурдж-Халифа³¹.

— Эй, я вообще с кем разговариваю? — донёсся до моего слуха голос Зои, в котором уже слышались нотки нетерпения и лёгкой обиды.

Ой, точно! Пока я витала в своих мыслях и перебирала в голове всю эту бесконечную кашу из событий и проблем, я совершенно позабыла о том, что мы с Зои стояли посреди разговора, и она ждала от меня какой-то реакции или ответа. Хотя, если честно, она сама была виновата в моей рассеянности - ведь именно она начала загружать меня всеми этими подробностями о своей психиатричке, рассказывала о бесконечных сеансах и проблемах, которые её мучают, так что я имела полное право немного отключиться от этой тягомотины.

Когда я, наконец, подняла глаза и посмотрела на Овен, меня встретило её обиженное и оскорблённое выражение лица, точнее, оно до смешного напоминало мне мордочку обиженного мопса, с надутыми губами и немного прищуренными глазами, и это зрелище вызвало во мне неконтролируемый приступ веселья. Я едва сдержалась, усмехнувшись, и вовремя прикрыла рот ладонью, чтобы смех не вырвался наружу раньше времени, потому что прекрасно знала: если я засмеюсь ей в лицо в такой момент, то мне точно прилетит от подруги по полной программе, и она обидится уже по-настоящему.

³¹ Бурдж-Халифа - самое высокое здание в мире на сегодняшний день. Высота - 828 метров, 160 этажей. Башня названа в честь Халифы бен Заида Аль Нахайяна, президента Объединённых Арабских Эмиратов и правителя Абу-Даби, который профинансировал завершение ее строительства.

— Прости меня, Зо, — выдавила я из себя, стараясь говорить как можно более печальным и расстроенным тоном, и состроила самое жалобное и сокрушённое выражение лица, на которое была только способна, чтобы хоть немного смягчить её гнев. — Но выслушать тебя сегодня мне, видимо, не судьба, я слишком загружена собственной головой, чтобы воспринимать ещё и твои проблемы.

— Ничего страшного, это совсем не к спеху, и мы можем поговорить об этом в любой другой день, — легко отмахнулась она, и на её лице расцвела такая милая и добрая улыбка, что моя душа мгновенно оттаяла, и я, не в силах сдержать порыв нежности, крепко обняла её. Но, несмотря на это тёплое объятие, я всё ещё не могла забыть то смешное выражение её лица, которое запечатлелось у меня в памяти, и мне приходилось мысленно уговаривать себя: “Аннабелла, держись, не смей смеяться, или она убьёт тебя на месте!”

— Ты самое лучшее, что есть в моей жизни, — прошептала я ей тихо в волосы, вдыхая знакомый запах её шампуня, и чувствуя, как внутри разливается искреннее тепло.

— У меня ты то же самое, и это взаимно, — ответила она тихо и обняла меня в ответ, прижимая к себе с такой же нежностью, и я подумала: боже, как же это чертовски мило и по-дружески трогательно.

Но наш идиллический момент был грубо нарушен, когда позади меня послышался надменный, язвительный голос, от которого у меня мгновенно испортилось настроение:

— Ну надо же, смотрю, две пиявки отлипнуть друг от друга не могут, вечно виснут друг на друге и мешают нормальным людям проходить.

Вот только её нам и не хватало для полного счастья в этом нашем маленьком шаре любви, нежности и дружбы. Надо же было ей вспомнить о нас именно сейчас, когда мы наконец-то наслаждались спокойным моментом, хотя, скорее всего, она и не забывала о нашем существовании ни на секунду - она просто терпеливо ждала подходящего момента, чтобы появиться и испортить всё своим ядовитым языком. Может быть, она специально искала момент, чтобы оказаться в помойке, куда мы её мысленно уже давно отправили? Точно, я ведь как раз думала, что сегодня в школе подозрительно тихо и спокойно, и вот оно - объяснение, она просто копила силы для своего эффектного появления.

Высвободившись из тёплых объятий Зои, я развернулась и подарила ей короткий, но красноречивый взгляд, хотя была уверена, что Райли наверняка истолковала этот жест по-своему, в своей привычной манере переворачивать всё на свете.

— Мерзко! — выплюнула она своё последнее слово, и в тот же миг вся её верная стая подхватила этот ядовитый смех, словно послушные марионетки, готовые вторить каждому движению своей королевы.

— Слушай, Райли, но говорить такие вещи про своего собственного парня, да ещё и в присутствии посторонних - это уже перебор, не находишь? — с милой, почти невинной улыбкой спросила я, и лёгкий смешок Зои и Доминика, который они не смогли сдержать, мгновенно вывел её из равновесия - я видела, как её глаза сверкнули злобой, и она буквально кипела от ярости.

Только попробуй, Райли, подумай ещё раз, что ты собираешься делать - я не дам тебе этой ведущей роли, которую ты так отчаянно пытаешься урвать. Пойми уже, наконец, что ты не одна умеешь язвить и стебаться над людьми, и твои колкости больше не проходят бесследно. Ты можешь смеяться сколько твоей душе угодно, но и получать ответки ты тоже должна с достоинством, и твоё лицо, которое уже начало багроветь от злости, выдаёт тебя с головой. Однако это красное выражение твоего лица наталкивает меня на мысли о ещё более смелых действиях, но я твёрдо решила держать себя в руках, если хочу прожить сегодняшний день без лишних происшествий и не попасть в кабинет директора.

— Ха, вы только взгляните на неё! — сдерживая себя из последних сил, начала Райли, обернувшись к своей верной свите, хотя её сжатые в кулаки пальцы выдавали истинное состо-

яние, и ей ничего не стоило сорваться в любой момент. — Строит из себя тут королеву, вообразила, что она главная! — она подошла ко мне практически вплотную и резко схватила меня за воротник, притягивая к себе с вызовом. — Запомни раз и навсегда, Янг, что главная героиня в этой школе - я, а ты всего лишь жалкий мусор под моими ногами! — с этими словами она оттолкнула меня, но сила её толчка была настолько смехотворной, что её можно было сравнить разве что с силой маленькой блохи.

— Хорошо, я обязательно запомню, — спокойно ответила я, аккуратно поправляя сбившуюся одежду и не сводя с неё холодного, уверенного взгляда. — Но и ты запомни, — я подняла на неё глаза, и в моём голосе зазвенела сталь, — что даже мусор способен стать главным героем, если ему представится такая возможность.

— Да ты сама больше на злодейку похожа, чем на героиню! — дерзко выкрикнула Кора, стоящая рядом с Райли и явно почувствовавшая поддержку своей королевы.

Ну надо же, какие чудеса! У её свиты, наконец, прорезался голос, чтобы отвечать самостоятельно, а не прятаться за спинами своей ненаглядной предводительницы. Bravo, просто bravo! Если бы за такое давали награды или хотя бы медали, то Кора, несомненно, заняла бы первое место в номинации “Самое смелое выступление года”.

— Сама ты хуёвая злодейка, Кора! — неожиданно для меня выкрикнул Доминик, вступаясь за меня, и я почувствовала, как по моей спине пробежала благодарность, но я быстро остановила его жестом руки, не позволяя ему продолжать эту перепалку - я не собиралась тратить время на ответ на этот мимолётный импульс Бичем, потому что это было ниже моего достоинства.

Из-за того, что Доми полез в этот конфликт, мне пришлось ускориться с завершением разборок с Райли, пока ситуация не выйдет из-под контроля и нас всех не вызвали к директору для разбирательства.

— Райли, — я перевела взгляд с Доми на неё, пытаюсь успокоить обстановку, — давайте сегодня закончим эту ребяческую войну. Мне нужно ехать домой и готовиться к вашему визиту, а вам, в свою очередь, стоит прихорашиваться и прийти с хорошим настроением, чтобы вечер прошёл без эксцессов.

— Аннабелла! — Зои попыталась было что-то возразить и начала спорить, но я лишь отрицательно помотала головой, отсекая её на полуслове, давая понять, что сейчас не время для дискуссий.

— Как мы и договаривались, — продолжила я диалог с Райли, возвращая разговор в нужное русло, — я жду вас сегодня ровно в десять вечера. И если вам всё понравится на моём мероприятии, то ты оставляешь нас в покое раз и навсегда. Это касается и всей твоей компании.

— Ха, ты что, стриптизёров туда пригласила, чтобы развлечь публику? — съязвила Райли, пытаюсь выпендриться перед своей свитой, и её слова вызвали смешки среди её подружек, которые разжигали пламя конфликта ещё сильнее.

— А ты что, сомневаешься в своём собственном парне? — усмехнулся Доми, и его голос прозвучал как нельзя более кстати, хотя в этот момент его комментарий был явно лишним. — Я всегда считал тебя более разумным существом, но, видимо, твой интеллект оценивался всего лишь на ноль целых одну десятитысячную процента. И, к моему прискорбию, он упал до минус ноль целых одна десятитысячная, что даже ниже допустимого минимума.

Честно говоря, я совсем не ожидала от Доминика Томпсона такой изощрённой и умной колкости в адрес Райли, и по выражению лица Зои я поняла, что она тоже была шокирована этим внезапным проявлением остроумия со стороны своего парня. В следующий раз я, пожалуй, целиком и полностью передам ему роль главного переговорщика - так у меня сохранится больше нервов, а ему, как футболисту, не привыкать терять их на поле и в жизни, особенно учитывая его тренера, мистера Алвара, который, судя по всему, уже выбил весь дух из нашей школьной команды, а может быть, даже и больше, но об этом мы никогда не узнаем.

— Ты, видно, совсем ахренел, Доминик! — взревел разъярённый и глубоко оскорблённый Элфорд, его лицо исказилось от гнева. Я даже не успела заметить, как он стремительно приблизился к моему другу и с силой прижал его к стене, и в тот же момент его девушка заблокировала мне и Зои проход, преграждая путь к выходу.

— Я всегда знал, что ты предатель и подлец, — скрипя зубами и с ненавистью глядя на Доминика, произнёс Ферди, буквально прожигая его взглядом.

— А ты, как был отбросом, так им и останешься, — хладнокровно ответил Доминик, без видимых усилий оттолкнув его от себя и выпрямляясь во весь рост. — И не надо мне тут рассказывать про команду и про лидерство, тренер сам прекрасно знает, кто из нас двоих лучший капитан, и это точно не ты с твоими претензиями и амбициями.

Стычка двух лучших игроков футбольной команды явно привлекла внимание главных лиц из радиорубки, которые решили посетить наш скромный класс, и я задумалась: может быть, это даже к лучшему, и их присутствие остановит назревающую драку. Но мысль о том, что главный радиовещатель - это не кто иная, как крыса Райли, насторожила меня до крайности - всё-таки они появились после уроков без предупреждения, и в составе аж трёх человек, а то, что Райли весь день была тише воды, ниже травы, не было простым совпадением, и теперь до меня наконец дошёл её коварный замысел. Сука крашеная!

— А я-то думала, что ты сегодня была тише воды, ниже травы, и что ты решила наконец заткнуться, — язвительно начала я, переводя разговор на неё. — Решилась наконец-то добраться до радиорубки и получить новые мозги? Какие именно? Свиные или говяжьи? Или решила просто устроить шоу для всей школы?

— А ты, видно, свои уже давно растеряла где-то по пути! — громко засмеялась она, и её смех эхом разнёсся по классу. — Ну что, понравилось тебе моё представление?

— Конечно, — съязвила я в ответ, растягивая губы в улыбке. — Спасибо за такой чудесный подарок и за то, что устроила этот спектакль специально для меня. А теперь пошла нахуй, и не смей больше ко мне приближаться.

Демонстративно показав ей средний палец, я взяла под руку онемевшую Зою и потащила её к выходу, потому что оставаться в этом злачном месте я не собиралась ни на минуту дольше, чем было необходимо. Чем больше яда я впитаю в себя сегодня, тем хуже будет Райли потом, и из реанимации она точно не вышла бы так быстро, если бы я решила ответить ей по-настоящему.

— Беги, беги, Янг, всё равно далеко не убежишь и от меня не спрячешься! — донеслась до меня удаляющаяся истерика Райли Вуд, её громкий смех, казалось, был слышен по всей школе, но я даже не собиралась реагировать на её пустые угрозы, потому что они не стоили ни моего времени, ни моего внимания.

Дальше для меня всё было как в дурмане. Я не помню, как мы сели в машину Доминика, о чём вели разговор впереди сидящие друзья, да даже о том, как добрались до моего дома. Но самое странное, что я не помню, чем моя голова была забита всё это время. Обычно я разговариваю с друзьями, а потом начинаю размышлять о всяких нудных, но интересных для меня темах. Хотя я и не помню, чем были заняты мои мысли, но ощущение меня точно не подводит. Я смотрела. Вот только куда? Кажется, в пустоту. Но зрение моё было установлено в одну точку, и это факт. Только на что?

Так забудем об этом. Вернёмся к настоящему.

По прибытии ко мне мы решили сначала перекусить, а после заняться украшением первого этажа. Почему только первого, ну как мне объяснили Доми и Зои, то второй этаж обычно используют для потрахушек или вообще запрещают вход, так как там хозяйские спальни и лучше их не громить. В моём случае ребята не хотят допустить и того и другого. Но это даже

и к лучшему, меньше пространства для подготовки, да и следить за всеми будет удобнее, особенно это касается Райли и её свиты: Мэги, Виты и Коры.

Пока мы с Зои украшали гостиную гирляндами, а также раздвигали мебель для танц-площадки, Доми принимал курьеров с доставкой. В ходе подготовки я узнала много нового о подруге. Во-первых, её любовь к вину. За последний час она мне рассказала обо всех бутылках вина, которые были заказаны ею же: кто изготовитель, год изготовления, их вкус, а также предысторию создания данного напитка. Теперь понятно, как она переносит с таким спокойствием их семейного психолога. Во-вторых, что почти каждые выходные, которые не проводит со мной или Доми, она веселится со своей старшей сестрой Нэнси, ездя по салонам красоты. Слова Доминика о том, что Зои ведьма, подтверждаются, но я ему об этом не скажу, пусть и дальше так считает. В-третьих, что она начала встречаться с Томпсоном за два месяца до того, как сказала мне об этом. Не, ну я как её лучшая подруга поддержала её, врезав несколько раз подушкой, а потом поняла, что больно мягко для неё, и взяла книгу. Нет, я не обижена на неё, просто провела воспитательные учения, которые не одобрил парень, прибежавший на визг Зои и пытавшийся остановить меня, за что тоже получил.

Время прошло достаточно быстро за весельем и разговорами. Все комнаты на первом этаже были готовы, хотя всего-то их там три: кухня, гостиная и гостевая спальня. Напитками и музыкой занимался Доми, и, как он нам заверил, всё готово на высшем уровне, а сейчас он ждал горячее, пока мы с Зои прихорашивались в моей комнате, точнее она пыталась нарядить меня. Подруга нарядилась в платье в цветочек, точнее бабушкино, но как она его восхваляла, на что я промолчала от своего комментария по поводу её наряда. Меня же она тоже хотела нарядить в платье, только уже классически чёрное, но я настояла на своём, поэтому буду в джинсах и белой рубашке, но макияж доверила ей.

Я внимательно вглядывалась в своё отражение в большом настенном зеркале, изучая каждый штрих макияжа, и с горькой иронией отметила про себя, что у Зои, похоже, напрочь отсутствует чувство вкуса, когда дело касается чужих лиц, однако на этот раз она умудрилась нанести мне макияж довольно прилично и аккуратно, даже лучше, чем я сделала бы это для себя, и это было неожиданно приятным сюрпризом.

Довольное, почти сияющее выражение лица подруги, когда она наблюдала за моей реакцией, невольно вызывало у меня тёплую улыбку, потому что она в такие моменты, искренне радуясь, становилась похожа на маленького счастливого ребёнка, который получил самый желанный подарок в мире.

— Ну что, дорогие девушки, вы уже готовы к выходу? — раздался голос Доми из-за двери, и он вежливо постучал, прежде чем приоткрыть её и заглянуть внутрь. Задержавшись в дверном проёме и лениво прислонившись плечом к деревянному косяку, он окинул нас внимательным взглядом с ног до головы, после чего одобрительно присвистнул и выдал: — Вас просто не узнать, выглядите обе замечательно и просто великолепно!

— Надеюсь, это был сарказм, — ответила я, состроив нарочито отвращённую гримасу, делая вид, что его слова меня несколько не впечатлили, но при этом в голосе звучала лишь лёгкая насмешка, а не настоящая обида. Зои же, словно маленький ураган, тут же налетела на него с объятиями, и я лишь покачала головой, бормоча себе под нос: - Любовь - она и есть зло.

— Сама ты злая и ехидная, Аннабелла, — парировал парень, показывая мне средний палец, но при этом продолжая крепко обнимать свою девушку одной рукой. — Ладно, идёмте скорее вниз, сейчас гости начнут понемногу съезжаться, и мы должны встретить их как положено.

— Идём, идём, не торопите меня так, — с лёгкой улыбкой ответила я и, с лёгкой грацией проскользнув мимо этой счастливой парочки, начала спускаться по деревянным ступенькам вниз, как вдруг услышала, как друзья громко окликнули меня прямо за спиной. Я резко обер-

нулась и увидела две сияющие физиономии, которые улыбались мне во весь рот, а их руки уже были распахнуты для объятий.

— С днём рождения, Аннабелла! — выкрикнули они в едином, радостном порыве, и от этого искреннего унисона у меня на душе стало так тепло, что я не смогла сдержать широкой улыбки, которая озарила всё моё лицо. Не раздумывая ни секунды, я быстро взбежала обратно по лестнице, чтобы прямо сейчас упасть в их объятия.

— Огромное вам спасибо! Я вас так сильно и бесконечно люблю! — выдохнула я, буквально растворяясь в их тёплых объятиях, чувствуя себя самым счастливым человеком на свете.

— Мы тебя тоже очень сильно любим! — почти что всхлипнула Зои, и было заметно, что она вот-вот готова расплакаться от переполняющих её эмоций, в то время как Доми лишь тихо усмехнулся и, как старший брат, ласково потрепал меня по голове, молчаливо выражая свою поддержку и заботу.

Следующие два часа мы принимали гостей. Никогда бы не подумала, что Райли додумается притащить столько народа, точнее пригласить без моего ведома. Я, конечно, вспыхнула, но Томпсон меня осёк со словами “Справимся” и занялся развлечением большей части гостей, пока мы с Зои продолжали встречать приезжающих. Ещё один казус случился, когда одновременно на пороге моего дома показался состав всей нашей школьной футбольной команды. Нет, не всей. Отсутствовал Ферди, но он, скорее всего, появится вместе со своей королевой. Лучшее, что в данный момент могло случиться, - это появление Доминика.

— Да ну, и вы тут?! — искренне удивился парень, расплываясь в широкой улыбке, и, направившись к своим товарищам по футбольной команде, начал обмениваться с ними приветствиями: с кем-то крепко пожимал руки, с кем-то по-дружески ударялся кулаками, а самым близким друзьям давал традиционное “дай пять”, и всё это выглядело так естественно и по-мужски тепло.

— Мы и сами немало удивились, когда нам позвонил Элфорд и сказал, что ты здесь собираешь гостей, — подал голос парень, стоящий впереди всей группы, и я сразу узнала его.

Это был Арман Бродерик - тот самый заместитель Доминика в футбольной команде, ещё один признанный красавчик нашей школы, который когда-то занимал третью строчку в рейтинге самых привлекательных парней, а теперь поднялся на вторую, сразу после моего друга. Ростом он был выше Томпсона, да и сложением крупнее - мощные плечи и широкая грудная клетка выдавали в нём настоящего спортсмена. Тёмные, почти чёрные волосы и глубокие карие глаза создавали впечатление горького шоколада - тёплого, но с едва уловимой горечью, а его тёмный, строгий наряд лишь подчёркивал эту опасную привлекательность. Теперь мне стало понятно, почему все девчонки в школе сохли по нему и мечтали о его внимании. Жаль только, что за этой красивой обёрткой скрывался заядлый бабник, и, кроме эффектной внешности и спортивных достижений, в нём, по сути, не было ничего стоящего, что могло бы удержать внимание надолго.

— Хватит уже на пороге стоять, проходите внутрь и чувствуйте себя как дома, — распорядился Доми, дружески хлопнув Армана по плечу, и вся их шумная компания, громко смеясь и оживлённо обсуждая детали предстоящего матча, постепенно скрылась в глубине гостиной, оставляя за собой лишь шум голосов и запах мужского одеколона.

— Ничего святого в этом человеке нет, — неожиданно подала голос до этого молчавшая Зои, стоявшая рядом со мной, и в её голосе прозвучала неподдельная неприязнь. — Гниль, да и только, пустое место, которое притворяется человеком.

— Ты его хорошо знаешь? — удивилась я, поворачиваясь к подруге.

— Только по начальным классам и по тем рассказам, которые мне доверительно сообщал Томпсон, — ответила она, слегка пожав плечами.

— И настолько сильно он выделялся среди остальных, что запомнился тебе на всю жизнь? — не унималась я, чувствуя, как любопытство разгорается внутри.

— Да даже больше, чем Райли сейчас, — с мрачной уверенностью произнесла Зои, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Вот тут я действительно удивилась до глубины души, потому что не могла поверить, что вообще существует хоть кто-то, кто мог бы побить рекорды этой гадюки по изощрённому издевательству над людьми. Нет, это же полный бред, такое даже в самых страшных сказках не описывают и не пишут. Точно - полнейший абсурд и бессмыслица!

— Он более-менее успокоился только в пятнадцать лет, когда начал менять партнёров как перчатки и спать со всем, что движется, — продолжила Зои, и её голос стал ещё тише. — А из-за того, что его отец занимает должность заместителя главы полиции в нашем городе, у него была полная свобода действий, и он спокойно добывал через него наркотики, даже не опасаясь последствий. Да и сейчас, говорят, он иногда проворачивает свои тёмные делишки, связанные с наркоторговлей, потому что связи и деньги позволяют ему оставаться безнаказанным.

— С каждым твоим новым словом ты меня пугаешь всё больше и сильнее, — сказала я, приложив руки к сердцу в шутовском жесте, изображая испуг, после чего мы обе не выдержали и рассмеялись, разряжая напряжённую атмосферу, и продолжили заниматься своими делами, встречая гостей. — Слушай, а ты вообще про всех людей в школе так хорошо осведомлена?

— В той или иной степени, — уклончиво ответила Зои, покрутив кистью руки. — Отлично я знаю только о детях больших шишек, потому что мои родители постоянно работают с их семьями и обсуждают дела за ужином. А про всех остальных - где-то на сорок или тридцать процентов точно что-то да знаю, но не более того.

— Надеюсь, что про меня ты не пыталась специально раскапывать информацию? — с лёгкой опаской поинтересовалась я.

— Да что ты! Я знаю только то, что ты у нас книжный червь, который не расстаётся с книгами, обожаешь тишину и покой, хотя, странное дело, от шумных вечеринок никогда не отказываешься, а даже наоборот, принимаешь в них самое активное участие. О, и ещё я прекрасно знаю, что ты великолепно танцуешь, и это твой маленький секрет, который ты редко кому показываешь, — перечислила она мои увлечения, и каждое её слово попадало точно в цель.

— Я смотрю, две любимые подружки никак не могут отлипнуть друг от друга, — раздался знакомый язвительный голос, и я внутренне застонала - это уже точно не могло быть простым совпадением. Каким же чудом она умудряется появляться в самый неподходящий момент, когда ты меньше всего этого ожидаешь? У неё, что, специальные часы заведены на такие случаи? Или она, может быть, профессиональный призёр по обламыванию интимных и дружеских моментов, получивший золотую медаль в этой нелёгкой дисциплине?

И я, как обычно, с тяжёлой неохотой в душе, медленно повернула голову и посмотрела на эту королеву гнили и вранья, которая словно выросла из-под земли в самый неподходящий момент. Но снова эта проклятая, самодовольная ухмылка на её лице, которая так и норовит приблизиться и поцеловаться с моим кулаком.

“Боже, дай мне сил и терпения не убить её сегодня на месте собственными руками!” - мысленно взмолилась я, сжав кулаки под столом.

— И я тоже невероятно рада видеть тебя сегодня, Райли, уже во второй раз за этот долгий день, — выдавила я из себя натянутую, почти неестественную улыбку, после чего перевела взгляд на её спутника и на всю свиту, которая, как всегда, стояла позади неё, словно верные телохранители. — Парни из футбольной команды уже давно приехали. Если хочешь их найти, то они сейчас на кухне, обсуждают свою стратегию, — обратилась я к Ферди, указывая направление, где находятся его товарищи, но вместо того, чтобы поблагодарить меня, он с наигранной

нежностью поцеловал в щёку свою гадюку, и я заметила, как Зои демонстративно показала, что её тошнит от этого зрелища.

— Я скоро вернусь, — коротко бросил он и довольно быстро скрылся в коридоре, и я облегчённо выдохнула - минус одна проблема, осталось ещё четыре, точнее одна с третьей, но и это уже было маленькой победой.

— И это ты называешь домом? — с явным пренебрежением начала она, оглядываясь вокруг с таким видом, будто попала в помойку, и наконец решила начать выплёскивать свой яд. — И ты ещё посмела позвать нас в эту конуру? — хорошо, что стакан вина, который заставила меня выпить Зои для храбрости, немного успокоил мои нервы, иначе я бы уже взорвалась.

— Знаешь, в представлении любого человека дом может выглядеть по-разному, — ответила я максимально спокойно, стараясь не поддаваться на провокацию. — Ты же не говоришь своим подружкам в лицо, в каком говне они живут и насколько убого выглядят их жилища. Так что я дам тебе добрый совет: не стоит судить книгу по её обложке, лучше попытайся узнать, что скрывается внутри, — закончила я, и на мгновение воцарилась напряжённая тишина.

Хотя тишиной это назвать было трудно - в доме всё ещё играла громкая музыка, и из разных комнат доносились голоса пришедших гостей, смех и звон бокалов. Однако тот факт, что Райли и вся её свита молчали и даже не пытались меня оскорбить в ответ, вызывал у меня лёгкое беспокойство - это было настолько нехарактерно для них, что я даже занервничала.

Наше затянувшееся молчание длилось до тех пор, пока на пороге не показались новые гости, и Райли, по-прежнему не сказав ни слова, лишь стрельнула в меня испепеляющим взглядом и, в сопровождении своей свиты, молча прошла внутрь, направляясь вглубь дома.

— Сегодня определённо пойдёт снег, — задумчиво произнесла Зои, не отрывая взгляда от того места, куда только что скрылись четверо девушек, и в её голосе звучала смесь удивления и любопытства.

— Я даже спорить с тобой не буду, потому что ты абсолютно права - это слишком странно для неё, — ответила я, качая головой и чувствуя, как напряжение постепенно отпускает мои плечи.

Когда мы, наконец, закончили встречать всех гостей, то решили осмотреться во всех помещениях на первом этаже. Заглянув в гостиную, где всюду шумела громкая музыка, картина для меня была следующей. Большая часть уже успела напиться и танцевала до такой степени, что после начинали плевать. Хотя импровизированный стол для стриптиза, который кто-то успел соорудить, был центром здешнего развлечения. Спросив Зои про это, она отмахнулась, сказав, что это ещё цветочки, скоро будет хуже.

Мы решили побыть тут и посмотреть на шоу, точнее не мы решили, а Овен, которая всё ещё пыталась убедить меня, что хоть раз, но я должна повеселиться от души, особенно в свой день рождения. Так, в итоге, я натанцевалась, успела с некоторыми познакомиться поближе и поговорить о всяком разном. Ещё умудрилась несколько раз выловить Зои, которая стремилась врезать Мэги за оскорбление её платья. Увидела, как та же Мэги, но уже с Корой устраивали стриптиз на столе. Парни им свистели, а также кричали о том, чтоб те полностью оголились, хотя они и так разделись до нижнего белья. Мне больше было интересно, что с тремя крысами отсутствовала одна Райли, да и в помещении я найти её не могла. Хотя пофиг, есть ещё спальня и кухня, может, там где-то торчит.

В следующее место, куда мы заглянули после почти часу пребывания в стриптиз-комнате, была кухня. Тут основой всеобщей картины были футболисты. Ладно бы они просто стояли и разговаривали, так они уже успели напиться, не все, конечно, но большая часть. Те, кто напился, уже сосались с девками, а некоторые и раздевали их. Овен, конечно же, эта картина не нравилась, ведь там был Доминик, к которому в открытую подкатывали девки.

— Иди уже, — мягко, но настойчиво толкнула я подругу в спину, подбадривая её, и при этом выразительно кивнула головой в сторону Доми.

— Ты точно уверена, что мне стоит пойти? — с ноткой сомнения и неуверенности в голосе спросила меня Зои, хотя этот вопрос, честно говоря, лучше было бы задать мне ей, потому что именно она сейчас выглядела колеблющейся и нерешительной, а не я.

— Шуруй-давай, не заставляй меня ждать и не дёргайся, — подбодрила я её с лёгкой усмешкой, — от одиночества я точно не умру, поверь мне, я довольно выносливая и привыкла к своей компании.

Зои перевела взгляд с Доми на меня и обратно ещё несколько раз, её глаза бегали, выдавая внутреннюю борьбу, но затем, видимо, окончательно решившись, она коротко махнула мне рукой на прощание и наконец направилась к своему парню, оставляя меня одну.

Я прислонилась к стене, слегка скрестив руки на груди, и принялась с лёгкой улыбкой наблюдать за тем, как подруга начала активно жестикулировать и, судя по её оживлённой мимике, выносить мозги своему парню, вываливая на него поток эмоций. Жаль только, что музыка в доме гремела слишком громко, и я не могла слышать ни слова из их разговора, хотя, если честно, мне было безумно любопытно, о чём именно они так горячо спорят. Хотя, если после этого разговора они неожиданно расстанутся, это определённо станет лучшим днём в моей жизни, и я буду только рада - меньше драм и разборок в нашем кругу.

По пришествии тридцати минут тут успело смениться много народа, как и представлений в комнате. Смущение вызывало одно: нигде не было видно Райли. Но, скорее всего, я просто её не заметила, и она со своим парнем тусуется на кухне. А мне уже весь этот шум и гам начал надоедать. Всё же я не привыкла к таким шумным вечеринкам, да и когда бы я на них побывала, если меня не приглашали, а Зои и Доми их не устраивали. Один привык ходить на них к своим друзьям, а вторая просто любит проводить время в компании Netflix. Ничего удивительного. Поэтому я решила передохнуть от всего в своей комнате, да и телефон уже давно должен был зарядиться.

Выйдя с гостиной и пройдя мимо кухни, попутно заглянув в неё, чтобы убедиться, что друзья всё ещё там, пройдя чуть-чуть вперёд, стала подниматься вверх по лестнице на второй этаж.

Поднявшись и завернув направо, я подошла к двери своей комнаты, но не открыла. Моё внимание привлекло то, что заметила боковым зрением. Дверь в спальню моих родителей была приоткрыта, хотя точно помню, что закрывала её перед приходом гостей. Зои и Доми находятся внизу, так что они не могли тут находиться, да и смысла им нету заходить в комнату моих родителей.

Я бесшумно, на цыпочках, приблизилась к приоткрытой двери, стараясь ступать как можно медленнее и тише, чтобы ничем не выдать своего присутствия. Моя рука уже почти коснулась холодной металлической ручки, но я замерла и не стала её открывать, вместо этого решив сначала прислушаться к тому, что происходит внутри. Гул голосов и музыка снизу доносились сюда, хоть и слегка приглушённо, но всё равно они создавали достаточный шумовой фон, из-за которого разобрать, кто говорил внутри, было крайне сложно, поэтому я сделала ещё шаг вперёд, практически прижавшись ухом к щели между дверью и косяком.

— Господи, да! — внезапно донёсся до меня сдавленный, полный страсти мужской голос, и я вздрогнула от неожиданности.

Теперь я чётко услышала его, и этот голос показался мне до боли знакомым, словно я слышала его сотни раз раньше, но никак не могла сразу вспомнить, кому он принадлежит.

— Ах... Быстрее, пожалуйста, быстрее... — раздался следом второй голос, уже женский, и он мгновенно развеял все мои сомнения - этот голос я ни за что не спутала бы ни с чьим другим, он вёлся в мою память своими язвительными нотками и приторной слащавостью.

Я резко, без колебаний, распахнула дверь с такой силой, что она с глухим грохотом ударилась о стену, и ворвалась в комнату, готовая к любому зрелищу. То, что предстало перед моими глазами, было не просто шокирующим, а практически гротескным: картина оказалась не шиком, а самым настоящим блеском в моём понимании - всю свою жизнь я мечтала увидеть трахающихся Райли и её парня Ферди, и вот моя мечта сбылась, причём в самом неподходящем для этого месте, а именно - на кровати моих родителей, в их собственной спальне!

Я мгновенно схватила декоративную подушку с ближайшего кресла и, не целясь особо, со всей силы швырнула её в этих двоих, которые усердно занимались своим непристойным делом. Подушка со свистом рассекла воздух и попала точно в цель, приземлившись прямо на голову Райли Вуд.

Девушка тут же прекратила свои ритмичные движения, замерла на месте и резко, с явным раздражением, повернула голову в мою сторону, сверкнув глазами.

— Вон из этой комнаты! — приказала я твёрдым, почти не дрогнувшим голосом, едва сдерживая зубы от скрежета, и прожигала их обоих испепеляющим взглядом, надеясь, что они наконец уберутся. Но вместо того, чтобы послушаться меня и прекратить это безобразие, Райли лишь мерзко ухмыльнулась и, демонстративно проигнорировав мои слова, продолжила свои скачки, ничуть не смущаясь моего присутствия.

— Никогда бы не подумала, что Аннабелле Янг так нравится наблюдать за сексом других людей, — бросила она с саркастической усмешкой, нарочно растягивая слова.

— Вон отсюда, я сказала! — повторила я свои слова, стараясь говорить как можно более угрожающе. — Я считаю до трёх! Раз!

— Аннабелла, прекрати этот цирк и просто свались отсюда, так будет лучше для тебя же самой, — наконец-то подал голос Элфорд, который даже не думал прерывать своё занятие и явно не собирался слушать мои требования.

— Два! — продолжала я свой отсчёт, мне было абсолютно всё равно на их слова, я не сводила с них пристального взгляда и не собиралась отступать.

— Тебе правда лучше уйти, — процедила Райли, видимо, не собираясь останавливаться, — ты же сама так хотела, чтобы мы отстали от тебя и твоих драгоценных друзей. Так вот, это твой единственный шанс, не упускай его!

Но мне уже было плевать на её угрозы и шантаж, я была настроена решительно.

— Три! — выкрикнула я, и как только последнее слово слетело с моих губ, я стремительно подлетела к кровати, вцепилась в волосы Райли и с силой дёрнула её в сторону, оттакая от Ферди и швыряя на пол. Весь этот процесс сопровождался её пронзительным визгом, отборным матом и проклятиями в мой адрес.

Когда она оказалась на полу, я разжала пальцы, отпуская её волосы, и с гневом швырнула в неё её же одежду, которую подобрала с пола.

— Одевайся и выметайся отсюда, это касается и тебя тоже, — начала я, но не успела закончить фразу, как отшатнулась назад от резкой, острой боли, которая пронзила моё лицо - Ферди, который успел вскочить с кровати, с размаху ударил меня кулаком в скулу.

— Уёбок! — выплюнула я, яростно растирая ушибленное место и чувствуя, как во рту появился металлический привкус крови.

Ответ не заставил себя долго ждать: я размахнулась и с ноги врезала ему. Удар пришёлся точно в цель, и он с грохотом рухнул на задницу, а его любимая, увидев это, пришла в ярость и попыталась ударить меня, но я легко увернулась, и она тоже полетела на пол следом за своим парнем.

— Вот же сука, я тебя убью! — взревел Элфорд, вскакивая на ноги и яростно набрасываясь на меня с кулаками, явно намереваясь отомстить за унижение.

Пока я сосредоточенно расправлялась с Элфордом, я совершенно позабыла о существовании Райли, которую до этого отбросила несколькими ударами к дальней стене. Да и вспо-

минать о ней не было особой необходимостью - эта изнеженная куколка, привыкшая только к походам по спа-салонам, косметологам и бесконечным магазинам одежды, вряд ли могла представлять для меня реальную угрозу. Она не смогла бы ударить меня по-настоящему, даже если бы очень захотела, разве что в том случае, если бы она внезапно решила заняться спортом и накачать мышцы.

Но это оказалось самой страшной ошибкой в моей жизни!

В разгар схватки, когда я уклонялась от очередного удара и успешно контратаковала, я услышала позади себя звон разбитого стекла, но не придавала этому значения - мало ли что могло упасть и разбиться на первом этаже во время шумной вечеринки. Я продолжила своё дело, полностью сосредоточившись на противнике.

Беги!

Я увернулась от кулака Ферди, нанесла ему ещё несколько точных ударов и наконец, обессиленного, повалила его на пол. Отошла на шаг назад, чтобы восстановить сбившееся дыхание, чувствуя, как гулко бьётся сердце в груди.

— Вот и всё, — выдохнула я, глядя на поверженного врага. — Теперь берите свои шмотки и немедленно сваливайте отсюда.

Конец!

Мне не стоило забывать о Райли!

Я уже собиралась развернуться и выйти из спальни родителей, как вдруг резкое движение сбоку заставило меня повернуться - я увидела, как Райли с искажённым злобой лицом стремительно приближается ко мне с чем-то блестящим в руке.

— Сдохни, Аннабелла! — закричала она, и в тот же миг меня пронзила невыносимая, адская боль в шее - это произошло так быстро и неожиданно, что я просто не успела среагировать или защититься.

Её слова повисли в воздухе, но они сразу же заглушились пронзительным криком - моим собственным криком! Или, может быть, это кричала не я? Я не могла понять, в ушах стоял невыносимый звон, всё вокруг начало кружиться и плыть перед глазами. Моя рука сама собой потянулась к месту боли, и, дотронувшись до шеи, я почувствовала что-то липкое и тёплое - кровь, много крови. Всё вокруг начало расплываться, словно в густом тумане, и меня резко повело в сторону, ноги подкосились, но кто-то успел подхватить меня, не давая упасть на пол.

Сквозь пелену, застилающую глаза, я с трудом разглядела очертания человека, который аккуратно усаживал меня к стене, поддерживая за плечи. Это была Зои - она была здесь, она появилась в самый критический момент, и я наконец поняла, кто издал тот душераздирающий крик: это кричала она, в ужасе от того, что увидела. Но только почему она так отчаянно кричала? Что именно заставило её издать этот пронзительный вопль?

— Аннабелла, держись, слышишь меня! Не смей закрывать глаза, я тебя умоляю! — снова раздался чей-то крик, совсем рядом со мной, и он звучал как сквозь толщу воды.

Я чувствовала, как кто-то сжимает мою руку, но я не могла разглядеть лица, всё тонуло в черноте и темноте. Мне хотелось поднять руку, пошевелиться, но тело стало чужим, тяжёлым и ватным, оно совершенно не слушалось меня, и каждое движение давалось с невероятным трудом.

— Не смей засыпать, слышишь! Я сейчас приведу помощь, ты только держись и не закрывай глаза, обязательно не закрывай! — продолжал звучать голос, но он удалялся, становился всё тише и глуше.

Почему же нельзя закрывать глаза? Мне так этого хочется, просто закрыть их и провалиться в спасительную темноту, перестать чувствовать эту боль, перестать слышать этот шум... Мне так хочется... Охота...

И перед глазами окончательно наступила беспросветная, тягучая темнота, которая поглотила всё вокруг.

4 Глава

Зои Овен

26 сентября 2003 года, 23:49 по местному времени

С того момента, как я покинула Аннабеллу ради этой твари, прошёл почти час. Столько времени стоять и слушать разговоры парня было ошибкой. Главная проблема была в том, что я потеряла Аннабеллу.

“Вот и зачем только поступила так? - я резко развернулась на пятках, едва не сбив с ног какого-то парня с пластиковым стаканом. - Не стоило бросать подругу ради грёбаного Томпсона. Могла бы веселиться, а не слушать оправдания парня и его слова о том, что мне мерещится, что надо прекращать ревновать и тому подобное”.

Я бурчала про себя, расхаживая туда-сюда по первому этажу. Мои шаги были резкими, злыми. Я заглядывала в каждый угол, в каждого гостя, но её нигде не было.

“Куда ты делась, Анн?”

Не понимая, куда она могла запропасться в таком малом количестве помещений. Комнаты были не настолько большими, чтобы в них мог затеряться один человек. Хотя, зная Аннабеллу - если ей наскучит, она может сделать из себя невидимку. Поэтому лучшим вариантом, где подруга может сейчас находиться, была её комната.

Растолкав толпу, которая решила двинуться с кухни в гостиную, я прошла к лестнице, ведущей на верхний этаж. Из-за громкой музыки не было слышно ни единого скрипа половиц, когда в обычное время они издают неприятные звуки почти на каждом шагу. Но если знать нужные ступеньки, то можно пройти вверх или вниз, не издав ни единого звука. Секрет, который рассказала нам Аннабелла, был лучшим. Но сейчас он был не нужен, хотя привычка подниматься, не наступая на скрипучие доски, сохранилась.

Быстро поднявшись, я направилась в комнату к подруге. Открыв дверь в её спальню - там Анн не оказалось. Всё выглядело так, как мы покинули её перед приходом гостей. Хозяйка явно не возвращалась в свою комнату.

Выйдя из неё, попутно закрыв дверь, я заметила открытую дверь в спальню родителей Аннабеллы.

“Что она там позабыла?” - пронеслось в моей голове из-за непонятной ситуации. Но хочется или нет, мне нужно найти Аннабеллу и извиниться за то, что оставила её ради одного мудозвона. А затем я планирую вместе с подругой повеселиться внизу, потом, как всё закончится, помочь убраться и в оставшееся время провести вместе с ней за просмотром Netflix. Как раз начал выходить новый сериал, а по моим предположениям он зайдёт книжному червю.

Подойдя к комнате и заглянув внутрь, моё тело прошиб холод.

Никогда в жизни я настолько резко не замирала. Но то, что произошло на моих глазах, было страшнее, чем найти труп в лесу. Не осознавая, я молилась, чтоб это мне просто привиделось.

В момент, когда я оказалась на пороге, мне чётко увиделся замах руки Райли, в которой была разбитая бутылка. Только проблема была в другом: эти действия она совершила в сторону моей подруги, которая стояла как вкопанная - или нет?

— Сдохни, Аннабелла!

Слова, произнесённые Райли, чётко врезались мне в голову. А дальше послышался крик Аннабеллы, который оборвался так резко, как и начался. Мне чётко увиделась кровь, которая полилась с шеи подруги, и виновницу данного действия, которую отшатнуло назад.

— Аннабелла! — громко закричала я и, отмерев, быстро сократила расстояние между нами двумя. И, слава богу, что вовремя. В этот самый момент Аннабелла начала заваливаться назад.

Подхватив её за плечи, я пришла в ужас. Всё моё тело начало трясти. Мне становилось с каждой минутой всё страшнее и страшнее. Моя лучшая подруга истекала кровью!

— Анн, нет, нет, нет, — шептала я, чувствуя, как её вес тянет меня вниз.

Подтащив её к стене и опустив вниз, при этом сажая к стене, ведь она просто-напросто не могла стоять. Взяв руками лицо Аннабеллы, я начала вглядываться в её глаза, пытаюсь понять, видит она меня или нет, а лучше было бы, чтоб она ещё и слышала меня.

— Аннабелла, держись, слышишь меня! Не смей закрывать глаза, я тебя умоляю!

Не понимая, как до меня что-то доходило, но я точно знала, что мне нужно остановить кровь.

Разорвав низ своего платья, я приложила кусок ткани к шее подруги, прижимая настолько сильно, насколько могла. Мои пальцы впивались в ткань, я чувствовала, как тёплая кровь пропитывает материал, просачивается между пальцами. Но кровь продолжала течь. Моим глазам было чётко видно, что Анн отключалась, но мне нельзя было этого допускать.

— Я... я не специально! Это случайность! — в тишине раздался крик Райли.

Я резко повернула голову в её сторону, не отпуская рук от шеи подруги.

— Заткнись, Райли! — закричала неистово я, чувствуя, как голос срывается на визг. — Прекрати врать!

Но мои действия не приносили эффекта. Кровь продолжала сочиться сквозь пальцы.

Скорая! Надо позвонить, но мой телефон, как назло, остался в сумке. Полиция? Точно ещё и полиция, ведь эта сука только что нанесла Аннабелле увечье.

Мне нужно срочно и как можно быстрее спуститься вниз и найти Доминика. Но и оставлять её одну с этими двумя голыми созданиями я не хотела. Делать нечего. Чем дольше я мешкаю, тем больше вероятности того, что потеряю подругу.

Взяв её руку - ледяную, хотя, скорее всего, мне просто кажется, - я заменила свою руку на её, положив на пропитанную кровью ткань.

— Дави, слышишь? Дави изо всех сил, — я сжала её пальцы своими, пытаюсь показать, как нужно. — Не смей засыпать, слышишь! Я сейчас приведу помощь, ты только держись и не закрывай глаза, обязательно не закрывай!

Резко встав, я уловила, как убийца начала сваливать с комнаты вместе со своим хахалем. Но мне удалось успеть загородить им дорогу. Я встала в дверном проёме, расставив руки.

— Не смей! — гнев в моём голосе так и слышался, но да поебать. — Даже и не надейтесь покинуть эту комнату!

Райли отшатнулась, вжавшись в Ферди. Её глаза расширились. Хорошо. Пусть боится.

Я захлопнула за собой дверь и помчалась вниз.

Перепрыгнув почти все ступеньки, завернула в кухню, ведь точно знаю, что Доми там.

Сука! Они поменяли место обитания.

Развернувшись, умчалась в гостиную, где уже и нашла его среди своих сокомандников. Растолкав всех, я прорвалась к парню.

— Прошу, быстрее, звони в скорую! — кричала я, с дрожью в голосе, да и не только - всё моё тело трясло. Я схватила его за руку, пытаюсь вложить в неё свой телефон, хотя его у меня не было.

— Что такое, Зои? — Доминик посмотрел на меня непонимающе, положив руки мне на плечи. Его ладони были тёплыми, спокойными. Слишком спокойными.

— Молчи и звони! — я начала трясти его, вцепившись в его футболку. — Некогда объяснять!

— Зои, объясни спокойно, что стряслось? — спокойно начал интересоваться Томпсон, даже не стараясь меня послушать. Он стоял чуть поодаль, с бокалом в руке, и смотрел на меня как на истеричку.

— Звони! — выкрикнула я, что, скорее всего, перекрычала музыку. Я развернулась к Томпсону, чувствуя, как ярость поднимается в груди. — Прошу, звони! — начала слезно умолять парня. — Аннабелла... Аннабелла... Райли перерезала шею Аннабелле! — я всё же смогла сказать ему, но мне было пофиг, ведь времени прошло, как мне показалось, много.

— Что? — голос Доминика надломился, это было отчётливо слышно, но видно не мне. Слезы и мои всхлипы мешали мне услышать, о чём он говорил, пока не поднял мою голову вверх. Его пальцы коснулись моего подбородка, заставляя посмотреть на него. — Где Аннабелла?

— Наверху, — выдохнула я, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Дальше меня потащили настолько быстро, что я запиналась в своих же ногах. Но добраться наверх, хоть и с помощью Доминика, я смогла. Но как только оказалась наверху, рванула к подруге, вырвав руку из хватки парня.

Забежав в спальню, всё вдруг рухнуло внутри меня. Аннабелла больше не держала рану, глаза закрыты, а кровь - непонятно, текла или нет.

— Нет, — прошептала я, чувствуя, как колени подкашиваются.

Рухнув рядом с ней, я прижалась к её груди, неистово зарывав. Мне было всё равно, как сильно я буду в крови. По барабану было на то, что происходило вокруг. Я только и могла, что рыдать и шептать в грудь подруги, чтоб та очнулась, что это всего лишь шутка. Просто розыгрыш, и она сейчас откроет глаза и посмеётся, а я ударю её и буду смеяться вместе с ней. Но ничего не происходило.

— Анн, пожалуйста, — всхлипывала я, прижимаясь щекой к её груди. — Пожалуйста, очнись.

Это не смешно. Совсем не смешно.

Что было дальше, для меня осталось неизвестно. Я только украдкой слышала: как матерился Доми, как вызывал скорую, как кричал на Райли и Ферди. Также он пытался оттащить меня от Аннабеллы, но я вырывалась и снова обнимала подругу, не отпуская её из своей хватки.

— Зои, отойди! — рявкнул Доминик, хватая меня за плечи.

— Нет! — я рванулась, выворачиваясь из его рук. — Не трогай меня!

Ещё точно было, что Томпсон спускался вниз, а потом каким-то боком притаскивал обратно убийцу и её соучастника в комнату.

Не знаю, примерно сколько прошло времени до прибытия скорой помощи, но то, что всё моё платье пропиталось кровью, - факт. Тут я уже стала приходить в себя, так как меня оттаскивали от Аннабеллы.

— Доми, отпусти! — кричала я, пытаюсь выбраться из объятий парня, и одновременно смотря, как люди в белом трогали подругу. — Мне нужно быть с ней!

Мужчина лет так за сорок присел, осмотрев рану на шее, а после, помотав головой, сказал своей помощнице, молодой девушке:

— Она мертва.

И тут я сорвалась:

— Что значит мертва?! — заорала я, вырываясь из рук Доми. — Она жива!

Я подбежала к врачам, но меня снова оттащили, но только в этот раз люди в формах. Когда они пришли? С этими врачами-шарлатанами или раньше? Да похуй. Они точно заодно с Райли, ведь Аннабелла не мертва, у неё есть пульс. Точно, пульс. Её сердце ещё работает, а значит — она жива.

— Парень, успокой свою...

— У неё есть пульс! — я кричала врачам, которые собирались уходить, пытаюсь вырваться из рук полицейского. — Её сердце ещё бьётся!

— Девушка.../Зои... — одновременно произнёс мужчина в белом и Доми, но мне было всё равно на их слова. Я должна убедить их, что она жива, пока не приехала за подругой труповозка.

— Прошу, поверьте, она ещё жива, — начала умолять врачей, чувствуя, как голос срыгается на шёпот. — Вы просто прощупайте, но он есть, пульс есть. Я слышала, что её сердце всё ещё бьётся!

— Зои, прекрати! — прорычал рядом со мной Доминик, схватив меня за локоть. — Она мертва!

Я резко развернулась к нему, вырывая руку.

— Заткнись!

Он мне не верит. Ха. Мой собственный парень и наш друг с Аннабеллой мне не верит! Когда это началось, что он перестал верить мне, верить в нашу подругу? Да она даже не хочет, надеется на то, что она жива. Ему легче схоронить её? Ублюдок!

Пока я обратила внимание на Томпсона, то не заметила, что всё же нашёлся человек, который решил мне поверить. Это оказалась молоденькая медсестра, которая стояла всё время тише воды, ниже травы и только и делала, что выполняла приказы этого мерзкого дядьки. Может, она решила, что всё же стоит прислушаться к моим словам, или просто разрушить всё то, во что я верила.

Медсестра подошла к той, которую они считали мёртвой, и начала прощупывать пульс, но его не было. Точнее, он есть, вот только удара три, от силы пять, не знаю, в какое время. Её выражение лица я видела отчётливо и поняла, что она его не чувствует. Не ощущает жизнь живого человека, которого они хотят похоронить заживо.

Я только и могла, что шептать как ненормальная одно и то же, смотря в мёртвое лицо подруги:

— Он есть, он правда...

— Есть! — эти слова. Она их сказала. Спасибо. Боже, спасибо. — Мистер Блейн, пульс есть. Она ещё жива.

Мужчина, не веря этому, подошёл, оттолкнув свою помощницу в сторону, и тоже начал прощупывать пульс, но, как и в её случае, не смог нащупать.

— Прекрати давать ложные надежды! — рявкнул он, но вдруг осёкся. По его выражению лица я поняла, что он его почувствовал, почувствовал жизнь. — Быстрее притащи мне набор для интубации!

И тут я выдохнула с облегчением.

Врачи скорой начали заниматься Аннабеллой и готовить её к срочной перевозке в больницу. Раз они поняли, что она жива, то точно не дадут ей умереть. Больше они её не похоронят.

— Девушка, вы должны будете проехать с нами в отдел для выяснения всех обстоятельств, — полицейский, который тогда меня поймал, взял за руки и повёл с комнаты.

Что значит проехать с ними? Я должна быть вместе с Аннабеллой! Мне нельзя её покидать!

— Отпустите! — завопила я, пытаюсь вырвать руки.

— Дамочка, прекратите сопротивляться полиции, иначе мне придётся принять соответствующие меры! — серьёзно сказал человек в форме, толкая меня вперёд из комнаты.

— Мне нужно быть с ней!

— Только после того, как вы ответите на все вопросы в участке.

— А я сказала...

— Мы ответим, — положив руку мне на плечо, за место меня вставил своё Доминик. — Успокойся, Зои, я буду рядом, — тихо произнёс Доми, чтобы услышала только я. — Быстро ответим на их вопросы и поедем к Аннабелле.

Припираться дальше, видно, смысла нет. Всё равно за меня тут никто не вступится. Кто мог за меня вступиться, сейчас уносят на носилках, а я лишь провожаю взглядом, в которых чувствуются слёзы.

После всего того, что произошло, меня ждал прокат в неудобной машине. Всю дорогу Доминик пытался меня поддержать и что-то донести, но я его не слушала, да и не собиралась больше. Предателю места в моём мире нет!

По прибытии на место меня увели в отдельную комнату. Полностью голые стены, только стол и два стула - красота. В заде меня кто-то вроде что-то сказал, но я отключила весь свой слух. Крик Аннабеллы всё ещё слышался в ушах, как и её окровавленный образ перед глазами.

Подойдя к одному из стульев, я провела по нему несколько раз рукой, а после, отодвинув, села. Из-за давящей тишины в мою голову лезли всякие мысли о сегодняшнем дне. О том, как я встала через силу после просмотра всю ночь Netflix. Затем приезд за мной Доми и поездка до дома Аннабеллы. Там мы её забрали, конечно, не обошлось без выяснения отношений. Дальше были уроки, неприятный разговор с Райли, подготовка дома подружки к празднику. Потом мы встретили гостей, тусили и разделились. Нет, не так. Я оставила Аннабеллу одну! Если бы я не повелась на действия со стороны Доминика Томпсона, то была бы с ней и не допустила того, что произошло. Мы бы сейчас сидели и веселились, не думая о горестях и печалях. А теперь что? Я сижу в комнате для допросов, а она в больнице.

Что мне охота, так это быть с ней. Контролировать всё, что происходит, а не гадать, питая надежды на лучшее.

В комнату зашёл мужчина с папкой в руках. Он прошёл и сел на свободный стул напротив меня. Разложив вещи на столе и устроившись поудобней, поднял взгляд на меня.

— Представьтесь.

— Зои Овен, семнадцать лет, проживаю...

— Вы несовершеннолетняя и...

— Если вы имеете в виду, что нужен взрослый представитель, то давайте без него, — я посмотрела на него прямо, подавшись вперёд. — Я хочу побыстрее всё закончить. Мои родители судьи, а родственники адвокаты, так что свои права и обязанности я знаю.

Он помолчал, постукивая ручкой по столу. Потом кивнул.

— Хорошо, тогда расскажите всё то, что произошло в доме Янгов.

И тут начался мой рассказ с самого начала. О том, как происходила вечеринка. Почему она проводилась. И самое главное - о том, что я видела в комнате. Мой голос дрожал, но я заставляла себя говорить. Иногда приходилось останавливаться, чтобы сглотнуть ком в горле.

Полицейский всё это время слушал и записывал в свою папку мои показания, только изредка, что его интересовало, задавал вопросы по тому или другому поводу. Больше всего вопросов было задано о моменте нападения Райли на Аннабеллу. Я ничего не скрывая рассказывала всё то, что видела. Хотя во время рассказа умудрялась несколько раз разрыдаться, и это оттягивало время моего допроса. Я вытирала слёзы тыльной стороной ладони, чувствуя, как на коже остаются разводы от засохшей крови.

По окончании моего следственного задержания и окончания допроса меня вывели в приёмную. Посадив на скамейку, сказали ждать родителей, на что я вспылила.

— Вот какого хуя они вызвали их?! — я вскочила со скамейки, но чья-то рука усадила меня обратно. — Мне нужно спешить к Аннабелле в больницу! И так тут провела... — подняв взгляд на настенные часы, я ахуела: часы показывали двадцать пять минут восьмого. — Сука, я тут провела всю ночь, а значит, Анн...

— А вот и ты! — раздался как гром среди ясного неба недовольный голос моей матери.
— Живо вставай, мы уходим отсюда.

Она схватила меня за кисть руки, сжав с такой силой, что я уверена, следы её ногтей останутся на коже. Я дёрнулась, но она держала крепко, позволила ей вывести меня из полицейского участка. Я знала, куда направляюсь сразу же.

Свет утреннего солнца слегка слепил глаза, но это и не важно. Вырвав руку, сразу же сорвалась бежать в направлении больницы. Если мне не изменял тогда слух, то я знаю, в какую отвезли подругу.

— Зои Овен, а ну живо остановись и вернись обратно! — крикнула моя недовольная мать. Ну конечно, что ей быть довольной. Её непослушный выродок оказался в полицейском участке, а ей пришлось за место своих дел забирать её.

— И не надейся, карга старая! — развернувшись в беге, я показала ей два средних пальца и направилась дальше в больницу. Хотя в мой след и были посланы все проклятья мира, но с этим я буду разбираться после.

Дорога до больницы заняла минут тридцать. Люди, которые встречались на моём пути, недоумевали от моего вида. Ну конечно, с происшествия я так и не сменила наряд, даже не было времени смыть кровь. Платье было порванным, липким. Волосы растрёпаны. Я ловила на себе взгляды, но мне было плевать.

Когда я добралась до больницы, все мои ноги уже были стёрты в клочья. Видели бы меня ребята бегущей такое расстояние - ахренели. А если рассказать, то не факт, что поверят.

Зайдя в здание, меня встретил точно такой же взгляд, как и у людей, встречающихся мне по пути. Работники данного медучреждения даже не знали: вызывать полицию или мне надо оказать медицинскую помощь.

Подойдя к стойке регистрации, я заставила медсестру, болтающую по телефону, обратить на меня внимание. Я хлопнула ладонью по стойке, и звук получился громким, резким.

— Где Аннабелла Янг?

— Простите? — непонимающе посмотрела на меня девушка, сидящая за стойкой.

— Я спрашиваю, где сейчас Аннабелла Янг? — ещё раз переспросила я, но уже настойчивей. — Её должны были привезти к вам ночью с порезом на шее.

— Минутку, — с этими словами медсестра полезла в папку, ища в списке мою подругу. — Да, такую привозили. А вы ей, собственно, кто?

— Я её лучшая подруга, которая видела, как это с ней произошло. Мне нужно к ней, где она?

— Простите, но мы не можем разглашать постороннему человеку информацию.

— Я не посторонний! — вскипела я, подавшись вперёд. Если она мне сейчас не скажет, где Аннабелла, то я её убью прямо тут!

— Зои? — услышав, как меня окликнули, я оторвала взгляд от медсестры, которая не хочет говорить, где моя подруга, на того, кто меня позвал.

— Миссис Грейс, Мистер Картер? — удивление так и сочилось. Хотя какое тут должно быть удивление, ведь они родители моей подруги. — Аннабелла... — я даже и слова не успела сказать, как на меня накинута Миссис Грейс, крепко обнимая.

— Господи, Зои, ты в порядке? — начала рассматривать меня мама подруги, взяв мое лицо в ладони. Её пальцы дрожали. Даже моя собственная мать не заинтересовалась моим состоянием, а та, чей ребёнок сейчас здесь, в неизвестно каком состоянии, она интересуется моим. Но так нельзя!

— Со мной всё в порядке, — я мягко отстранила её руки. — Аннабелла, она...

— Вы Мистер и Миссис Янг? — не успев даже начать, как раздался басистый голос неподалёку от нас.

Повернув голову в его сторону, я увидела мужчину ближе к пожилому возрасту. Крупный на вид, но это, скорее всего, эффект из-за его огромного живота. Волосы седые, а на глазах надеты очки. Больше похож на мясника, нежели врача.

— Да, — подтвердил отец подруги, подходя к врачу. — Я Картер Янг, — мама Аннабеллы перестала меня обнимать и подошла к своему мужу, — а это моя супруга Грейс Янг.

— Меня зовут Хендерсон Милтон, я лечащий врач вашей дочери.

— Что с ней? Где она? — начала задавать вопросы Миссис Грейс, шагнув к нему.

— Пройдёмте со мной, — Мистер Хендерсон махнул рукой, говоря идти за ним, а я решила увязаться следом. — Детям нельзя.

— Она с нами, — вступился за меня отец Аннабеллы, положив руку мне на плечо. Мужчина, видно, был недоволен этим раскладом, но не стал возражать.

Сначала он завёл нас в комнатку, где нам выдали халаты, бахилы и шапочки. Нарядившись в выданную нам одежду, он повёл нас дальше. Следующим пунктом был лифт. Когда он приехал, мы зашли внутрь, и врач нажал на пятый этаж. Медленно и со скрипом захлопнулась дверь, а дальше с резким скачком лифт поехал вверх. Через минуту мы оказались на нужном этаже.

Так, пройдя от лифта девяносто восемь футов, мы оказались у двери с клапанным механизмом. Хотя тут все двери устроены так, что не удивительно.

Когда Мистер Хендерсон открыл дверь, он пропустил вперёд нас первыми.

Зайдя внутрь, в нос сразу же ударил специфический запах. Чувствовался не только запах медикаментов, но и ещё что-то. Палата выглядела так, как будто вела на тот свет, прям предлагала туда идти. А ещё... и тут в помещении раздался писк, на что я с родителями Аннабеллы повернулись в сторону звука.

На громоздкой кровати лежала моя подруга, подключённая к множеству приборов. Лицо её было бледным, как у трупа, ниже шеи в области груди торчало множество проводов, ведущих к медицинскому насосу, аппарату искусственной вентиляции лёгких, монитору. Точно, писк. Смотря на прямые линии на экране монитора, я пришла в ужас, да и не только я, родители Аннабеллы тоже были в шоке. Миссис Грейс вскрикнула, прижав ладонь ко рту.

“Хотите сказать, она только что при нас умерла? - я повернула лицо в сторону врача, который стоял совершенно спокойно, как будто его это не интересовало. - Почему вы ничего не делаете?”

Когда я подумала об этом, писк прекратился, и прибор снова заработал, показывая измерения насыщения крови кислородом, артериальное давление, электрокардиограмму, частоту дыхания, температуру, концентрацию выдыхаемого углекислого газа на выдохе. Но что было до этого?

— Итак, — подал голос молчавший всё это время Мистер Хендерсон, — начну по порядку. Ваша дочь поступила в двенадцать часов сорок восемь минут с глубоким порезом на шее. Мы тут же направились в операционную. После пятичасовой операции она была направлена в реанимационный отдел, где мы сейчас и находимся.

— Она будет жить? — подал голос Мистер Картер.

— Это для нас остаётся неизвестным.

— Что значит ваши слова? — не понимая, всхлипывала мать Аннабеллы, подходя к врачу. — Наша дочь умрёт?

— С прибытием в больницу и показаниями скорой помощи мы не понимаем, жива она или мертва. Как вы видите на мониторе, её показатели очень низкие, при таких обычно не живут. Для нас остаётся загадкой ещё одна вещь.

— Что за вещь? — тут уже не выдержала я, так как докторишка слишком долго тянет резину. Я шагнула к нему, сжав кулаки.

Он посмотрел на меня, цыкнув. Ему явно не нравится, что ребёнок лезет не в своё дело. Хотя пошёл он нахуй.

— Дело не только в показателях, так и в порезе, — продолжил он. — Рана на шее была нанесена так, что должна была привести к летальному исходу.

— И из-за какого-то пореза вы считаете, что она мертва? — всё, я начинаю закипать.

— Почти каждые пять минут её сердце прекращает биться, — говорил Мистер Хендерсон, хотя сам в это с трудом верил. — А после снова запускается. Такого случая не было нигде в мире, так что мы не знаем, как с этим бороться.

В комнате повисло молчание. Ни я, ни родители Аннабеллы не могли подобрать слов. Перед нами лежит то ли труп, то ли живой человек. Ха, это, видно, очень смешная шутка. Только интересно, кто так решил пошутить? Руки бы ему оторвала!

— И что теперь будет? — после пятиминутного молчания спросил Мистер Картер врача. Его голос был хриплым.

— Мы даём месяц, — врач сложил руки на груди. — Если за это время она не проснётся, то мы фиксируем смерть.

— Как смерть? — почти что, не падая в обморок, произнесла Миссис Грейс. Мистер Картер подхватил её под локоть.

— Из-за неясности случая и показаний прибора мы можем вынести явное заключение. Но так как случай новый и не исследованный, то шанс того, что пациентка очнётся, хоть и мал, но всё же есть.

И снова наступила тишина. Хотя тишиной в данном помещении и не пахло, ведь всюду слышался звук работающих приборов. Но то, что ни один из нас не проронил ни слова, давило сильнее некуда.

Шло время, как я с родителями Аннабеллы прибывала в комнате. Когда вышел врач, мы не заметили, да и для нас это было неважно. Главное - находиться тут, рядом с ней. Для нас самое важное - видеть её. Родители подруги сидели рядом с ней, глядя и разговаривая, только о чём я не вникала. Миссис Грейс держала дочь за руку, поглаживая большим пальцем её ладонь.

Стоя у окна, наблюдая за проезжающими мимо машинами и проходящими людьми, я впервые задумалась, как важна жизнь. Особенно жизнь дорогих сердцу людей. Ведь только эти люди понимают тебя и любят, каким бы ты ни был. А она стала для меня миром, в котором я смогла укрыться от своей семейки. Потеря её означала возвращение во тьму, где нет ничего человеческого. Правду говорят, деньги портят людей и не в самую лучшую сторону. Вся моя семья - наилучший пример. Да и весь наш город тоже такой. Прогнивший!

Мы пробыли тут ещё минут десять, когда к нам заглянула медсестра и сказала, что время пребывания окончено и нам нужно как можно быстрее покинуть помещение.

Миссис Грейс и Мистер Картер по очереди попрощались с Аннабеллой, поцеловав в лоб и пообещав зайти к ней завтра. Они медленно, не спеша, направились к выходу из реанимации, но не я. Мне не хотелось уходить. Хотелось побыть ещё немножко рядом с ней. И я так и поступила.

Когда родители подруги скрылись за дверью, настала моя очередь подойти к кровати.

Подойдя к ней, я впервые опустила взгляд на Аннабеллу. Вблизи она казалась ещё более серой и неживой, нежели смотреть издалека. Крови на её теле больше не виднелось, как и порез, который скрывал бинт.

Протянув руку к её лицу, я провела по волосам, касаясь всего лишь кончиками пальцев. Почему-то возникало ощущение, что я трогаю не подругу, а манекен, хотя, скорее всего, на мне сказывалась усталость. Весь вчерашний сумбурный день, нападение Райли на Аннабеллу, показания в полиции - так и не хватило сил прийти сюда. Мой организм уже вымотался.

Решив больше не тянуть время, так как если медсестра заметит, что я ещё не ушла, боюсь, что меня могут больше сюда не пустить. Меня пропустили из-за родителей подруги и их доброты, я не собиралась злоупотреблять.

Наклонившись к лицу Аннабеллы, я дотронулась своими губами до её лба. Лучше уж так, чем вообще никак не дать знать, что я была тут, с ней. Она должна знать, что не одна.

— Я знаю, Аннабелла, что ты нас не покинула, — тихо шептала, прислонив свой лоб ко лбу подруги. — Я это чувствую и ощущаю. Хотя звучит глупо, понимаю.

Её кожа была холодной. Я закрыла глаза, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу.

— Прошу, очнись! — мой голос дрогнул. — Мы тебя ждём, подружка. И чтобы потом нас ни ждало, с какими трудностями ни пришлось бы бороться, мы переживём. Я всегда буду на твоей стороне, запомни!

Я отстранилась, посмотрела на неё. На её закрытые глаза. На её серое лицо. И где-то глубоко внутри я знала - она слышит.

5 Глава

16 октября 2003 года, 13:36 по местному времени

Тяжесть или боль. Что может чувствовать человек, который понимает, что его дорога по жизни свернула не туда? Прежде чем отвечать на свой же, глупо заданный вопрос, я бы хотела разобрать оба понятия.

Боль - это тягостное и невыносимое ощущение, несущее в себе либо физический, либо эмоциональный характер. С физической стороны ты пациент для хирургов и травматологов. Я не думаю, что ты мог бы получить боль, а после не отправиться к одному из специалистов. Хотя, как показывает практика, такой исход высоко вероятен.

Если заходить с эмоциональной стороны, то ты можешь стать подопытным кроликом у психологов или лечиться в психушке. Но эмоции тоже бывают разные. Радость, грусть, злость, печаль, разочарование, обида, тревожность. Пока мне приходит в голову только это, но список на самом деле в длину с китайскую стену.

Также боль может относиться не к тебе, но прямо связана с тобой. Это не когда твои близкие или родные ощущают данное неприятное чувство. Нет. Это совершенно другое. Тут ты испытываешь эмоциональное ощущение, в основе: тревожность, печаль, грусть, безысходность. Я имею в виду ту боль, которую ты можешь причинить другому человеку. Здесь можно разделить информацию на процентное соотношение. Процентом сорок-пятьдесят человек по своему собственному желанию хотят причинять вред другому человеку и делают это. Десять-пятнадцать - это по чистой случайности. Во время ссор или просто не заметили рядом с собой человека. Следующие двадцать-тридцать процентов - по принуждению. Хотя сюда я бы хотела внести ещё и психические отклонения. И конечно, оставшиеся пять процентов объяснить будет тяжело, ведь они могут включать в себя все вышеперечисленные аспекты, но к конкретному выводу можно будет прийти только после тщательного расследования всей ситуации.

Подходя к следующему понятию, такому как тяжесть, можно подчеркнуть, что оно очень близко связано с выше мною перечисленным. Два этих понятия тесно связаны между собой, ведь боль может быть тяжелой, так как и тяжесть может быть связана с болью.

Тяжесть - это ощущение в организме, когда функция одного или нескольких органов даёт сбой. В этот момент хочется или скулить, или кричать от боли. Но счастье ли это - терпеть неприятные ощущения? Ответ однозначно - нет! Кто вообще готов смириться с этим? Да, наверное, только психи или идиоты, которым не жалко себя.

Я не считаю слабыми тех, кто пытается бороться со своими невзгодами, переступая тяжести, которые преследуют их. Ведь от каждого упущенного момента времени всё то, что

выльется по итогу на тебя, будешь виноват ты сам. Ты можешь сказать мне: “а если нет возможности бороться с этим, то что тогда?” Мой ответ будет однозначно таким – возможность есть всегда, но за неё нужно бороться. Да, бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но даже так можно найти лазейки.

Тем, кто хоть чем-то дорожит в своей жизни, найдёт всё, что захочет, чтобы продолжать жить ради этого. Даже если придётся поступить через себя.

Сейчас мне бы этого очень хотелось.

Вернусь к тому, почему я начала вообще думать об этих двух понятиях. Во-первых, мне больно. Жутко больно в области шеи, как будто взяли и вырвали кожу с кости. Только с чего бы этому быть? Вроде не объедалась мороженым, не пила холодное, нигде не простужалась. Так почему моё горло болит? Точнее, не совсем горло – шея. Главный вопрос: почему так?

Во-вторых, я не могу пошевелиться, не то что глаза открыть. Всё тело испытывает неимоверную тяжесть. На меня как будто вылили бетонную смесь. Да даже если и так, то лицо ведь не в ней, я же дышу. Но почему я не могу открыть глаза? Или не хватило бетона, и мне решили заклеить веки или, ещё лучше, зашить. Но в таком случае я этому шутнику всю кишку вырву. А я точно знаю имя этого шутника.

Ладно, надо прекращать размышлять и начать разбираться в том, что происходит, ведь если это какая-то шутка, то она не смешная.

Попытавшись в очередной раз открыть глаза или пошевелиться, всё оказалось тщетным. Как бы я ни пыталась напрячь мышцы, тело не хотело отзываться. Говорить даже не получалось, как и крикнуть. И с этим мне всё больше и больше не нравилась сложившаяся ситуация. В ушах изредка слышался писк, как будто рядом со мной что-то работало.

— Я считаю, что ждать больше не стоит.

«Чего? Я не одна? Здесь со мною кто-то есть? Но если да, то почему мне никто не может помочь? И что ещё значит, что больше ждать нельзя? Да и кто это говорит?»

— Вы же говорили месяц! Прошло только три недели!

«Мама? Мама, это же ты, да? Ты же видишь меня, слышишь?»

Я говорила, нет, кричала. Это было отчаяннее, причём немое.

«Почему меня никто не слышит? Что со мной такое?» — эти вопросы мучили меня. Нет, они крутились вихрем в голове раз за разом. Страх сковывал моё тело всё сильнее и сильнее.

“ДА ЧТО, МАТЬ ВАШУ, СО МНОЙ ТАКОЕ?!”

— Ваша дочь мертва, и хочется вам это признавать или нет, но придётся, — раздался хриплый голос с правой стороны от меня.

«А? С чего, блять, я мертва?! Кто говорит эту чушь?! Покажись! Стоп, я же сама не вижу. Блять. Мне надо пошевелиться. Открыть глаза. Надо узнать, кто это говорит, да и вообще, что со мной такое?»

Я пыталась пошевелиться или произнести хоть одно слово, но, видно, всё, что делала, оставалось в моей голове, нежели в действительности. Громкие крики моих родителей, раздражающие звуки по типу пиканья как эхом отзывались с моими собственными мыслями и мешали сосредоточиться. Но мне надо! И срочно!

По словам, которые я разобрала в этом шуме, я смогла понять одно: тот ещё один голос, который я слышала, принадлежал врачу. Точнее, не это. Было ясно: если в ближайшие секунды не подам знак, что я жива, меня реально отправят на тот свет. Желание быть вскрытым заживо – нулевое.

Жалко, что это не съёмки фильма, но если бы он и был, то точно в жанре ужасов. Хотя... Да какой, блять, хотя! Это не медицинский сериал! Сейчас больше выглядит как пособие о том, как резать человека, который хочет прирезать того, кто говорит о смерти при живом. Была бы тут Зои, она точно заткнула бы этому ненормальному пасть, раз уж научилась затыкать

Доми. Только после я пытаюсь его оттащить от неё, ведь он тут же начинает “облизывать её как собака”. И это вообще не мило, скорее до блевотины противно.

— Ну, вы же ничего не делали! — голос матери сорвался на визг, дрожащий и полный отчаяния. — Вы с самого начала не собирались лечить нашу дочь!

— Так, всё, с меня хватит! — рявкнул врач, и его голос эхом разнёсся по палате. — Позовите охрану!

«Всё, сука, ты доигрался. Никто не смеет так говорить моим родителям, особенно в таком тоне».

Я снова начала попытки доказать тому ненормальному, что я не труп. Но, как говорится, не всё всегда выходит так, как тебе того хочется. Или нет. Всё же у меня есть ангел-хранитель.

Приложив массу усилий, я смогла заставить своё тело пошевелиться, хоть и одной рукой. Но даже это могло спасти меня от неминуемой гибели.

Скажу вам, водить рукой в полной темноте - то ещё весёлое занятие, ведь неизвестно, на что можно умудриться напороться.

Продолжая шевелить рукой по чему-то мягкому, видимо простынь, я пыталась подать знак или найти хоть что-то, что смогу уронить, но, как назло, ни того, ни другого не было. Складывалось ощущение, что я всё же нахожусь в каком-то грёбанном фильме ужасов или меня проклинали, и даже догадываюсь, кто наслал на меня порчу. Если не отвезут меня на вскрытие, то нужно изучить, как проклинать людей. Как говорится, око за око.

Так я бы и продолжала свои действия рукой и одновременно размышлять по поводу проклятий и порч, если бы мою руку не накрыли чем-то тяжёлым. Не сразу сообразив, зачем меня схватили за руку, да даже и соображать не надо, ведь появился шанс дать знак родителям и какому-то ненормальному, что я жива.

Приложив чуть больших усилий, у меня получилось схватить то, чем накрыли мою руку.

— Аннабелла! — послышался с левой стороны удивлённый и отчаянный женский голос. «Мама».

Затем я постаралась крепче сжать мамину руку, ведь наконец-то смогла подать знак того, что их дочь жива.

— Аннабелла, tytär, — на радостях моя мама, видимо, перешла на финский, и её голос задрожал, как натянутая струна. — Ты жива. Слава богу, ты жива!

— Где ходит охрана? — гневный голос этого ненормального вывел меня на улыбку, ну я надеюсь, что улыбаюсь.

— Грейс, что случилось? — обеспокоенный голос отца вселил в меня ещё больше уверенности и спокойствия, ведь он тоже тут, со мной.

— Она жива! — выкрикнула мама, и в её голосе смешались слёзы и смех. — Аннабелла нас не покидала!

— Блять, выйдете отсюда и заберите с собой жену! — прорычал врач, и его лицо перекопилось от злости.

Мразь! С каждым его словом мне всё больше и больше хочется его убить, так же как и увидеть, чтобы запомнить его лицо.

— **Так посмотри и УБЕЙ!!!**

«Что? Кто это сказал? Что за шуточки такие?!»

Видно, сегодня день, когда все хотят меня взбесить, и у них это хорошо получается. Наряду с Райли, Ферди и её свитой появилось двое новых имён, которые я пока не знаю, но скоро узнаю. Может, мне надо вести список людей, которые могут выводить других из себя. Жалко тех, кому приходится с такими общаться.

— **Посмотри. Убей.**

«Да кому не иметься? На что смотреть? Что значит убить?»

— ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ. ПОСМОТРИ. УБЕЙ.

«ХВАТИТ! — закричала я, всё также в себя. — Сейчас посмотрю», — только вопрос, как?

Не став дожидаться, когда снова буду слышать ненормальный вопль, я попыталась открыть глаза. Как назло, не понимая, в хорошем смысле или нет, у меня получилось их открыть. Больше удивлял тот факт, что тяжесть в теле полностью ушла.

Сразу сориентироваться и что-то увидеть у меня не получалось, так как взгляд слепил свет. Но чуть подождав, когда привыкну, наконец-то увидела, где я нахожусь. Белые стены, в некоторых местах были приделаны плитки, что больше напоминало ванну, нежели помещение, такой же и потолок, только уже без плиток. Повернув голову вправо, я увидела небольшое окно, в котором виднелось синее небо, видимо, дождь собирается или только прошёл, а может, просто пасмурная погода. Так же в поле зрения попадали разные медицинские приборы, от которых тянулись провода, и по их направлению можно сделать вывод, что они были соединены со мной. Дальше я перевела взгляд на маму, которая смотрела на меня со слезами на глазах, одновременно улыбаясь. Улыбнувшись ей в ответ, я увидела трубку, которая тянулась к моей шее. Тут до меня дошло, что нахожусь не в палате, а в реанимационном блоке. Только вопрос: что я в нём забыла?

— Прекратите распускать руки, иначе мне придётся вызвать полицию! — разгневанный голос на повышенных тонах заставил меня тут же повернуть голову в нужную сторону.

Пожилой мужчина в белом халате, видимо, мой лечащий врач, протирал рукой стучающую по губе кровь. Папа, который стоит и разминает руку, сложенную в кулак. Теперь ясно, кто врезал этому старичку. И поделом ему. Два плюс два складывать я умею, и благодаря отцу мне не придётся самой его бить. А может, всё же стоит?

— Картер! — ахнула мама, прижав ладонь ко рту.

— Что? — раздражённо спросил папа и, повернув голову в сторону мамы, замер. Если бы у меня был листок и карандаш, я бы с удовольствием запечатлела его удивлённый взгляд. Но за место этого помахала правой рукой, ведь мама так и не отпустила мою левую. — Аннабелла!

Папа подлетел ко мне настолько быстро, что моя рука не успела опуститься, как её тут же взяли в крепкую хватку. Честно, я никогда не видела своих родителей такими потерянными и одновременно радостными, и не желаю видеть.

«Почему вы такие грустные? Что со мной случилось? Почему я в реанимации?» — вопросы, которые мучают меня с того момента, как я начала слышать голоса, не давали мне покоя, поэтому я решила их задать. Но почему в ответ тишина.

«Мама, папа, не молчите, прошу!»

— Отошли от неё! — серьёзно сказал ненормальный, оттолкнув от меня маму и встав на её место.

— Что вы себе позволяете? — разозлился папа, кинувшись к маме.

«Сам отошёл от меня!» — грозно произнесла я, но, видимо, опять в пустоту. Ну, раз меня никто не слышит, то буду пытаться взглядом дать понять, что я не рада ему. Но и это не вызвало эффекта.

Этот поганый старик в белом халате достал из своего кармана фонарь и начал светить мне в глаза, от чего я отдёргнулась и, приняв сидячее положение, оттолкнула от себя врача. Выдернув капельницу из руки, а также провода, которые были прикреплены к моей груди, я добралась до трубки, но меня тут же уложили обратно.

— Что вы делаете? — вскипел ненормальный, буравя меня взглядом.

«А сами не догадываетесь?» — и я тоже начала сверлить его взглядом в ответ.

Так бы и продолжалось, но мама была другого мнения.

— Хватит. Прекратили оба! — мы оба оторвались друг от друга и перевели взгляд на мою маму, которая с руками по бокам и злым лицом не внушала доверия. Я и позабыла, какая она злая, когда чем-то недовольна. — Аннабелла, лежи смирно. А вы извинитесь перед нами и объясните, почему наша дочь не сказала ни слова.

«Да-да, расскажите, почему меня никто не слышит».

В помещении наступила тишина. Удивительно было то, что этот ненормальный замолк, ну для меня так точно. Прийти в себя, наслушаться, что меня хотят отвезти в морг, а после проснуться и лицезреть сцену, как мой папа избивает этого чёртова докторишку. Как он вообще смог на работу устроиться? По блату что ли? Но по внешнему виду думается, что ему давно пора на пенсию. Не сильно высокий, с длинными седыми волосами, нахуя только иметь такие в его-то возрасте. Очки, и видимо, женские, ведь на мужские не смахивают от слова совсем. По огромному пузу есть две ветви предположения: или беременный, где-то на седьмом или восьмом месяце вынашивания, или слишком обожрался, и я не в плане еды это сказала.

Прекратив осматривать его внешне, я перевела взгляд на бедж. Надо же мне узнать, как его зовут. Может, и придумать новые прозвища будет возможность, ну и упасть в глазах других не охота, ведь издеваться нужно один на один, так интересней. Хендерсон Милтон. Убрать первые две буквы и заменить на “А” - и получится имя датского писателя, автора всемирно известных сказок для детей и взрослых.

— Мне нужно проверить состояние пациента и поговорить с ней, без посторонних, — произнёс он, поправляя очки дрожащими пальцами.

«А у меня спросить разрешения не хочешь?»

— Мы останемся дочерью, и точка! — папа шагнул вперёд, и его голос зазвенел от напряжения. — Все расспросы только в нашем присутствии!

«Папа, спасибо. Так ему и надо».

— Ха... — ура, мы выиграли! — Начнём с простого, — посмотрел на меня Хендерсон, и в его глазах мелькнула досада. — Вы помните, как вас зовут?

«Нет, я просто так рада видеть посторонних мне людей. Конечно же, да!» — но после тишины я опомнилась, что меня никто не слышит, и из-за этого мне пришлось кивнуть.

— Хорошо, — вписал что-то в свою папку, которая каким-то боком уже была в его руках. С воздуха достал что ли? — Вы понимаете, где находитесь? — снова кивок. — Ясно.

Теперь тишина. Вот что ему ясно? Я тоже могу стоять с умным видом и записывать что-то в папочку.

— Пропустим остальные вопросы и спрошу главное... — он сделал паузу, и в палате повисло напряжение.

«Какие ещё вопросы или там список психотерапевта? Вроде нахожусь в реанимации».

— Помните ли вы, что с вами произошло три недели назад?

«А? Сколько?» — уставившись с выпученными глазами на ненормального, моя реакция ответила сама за себя.

Так, это уже не дело! Нужно поразмыслить!

Я проснулась, и, как выяснилось, нахожусь тут уже три недели, причём в реанимационном блоке. У меня нету голоса, но может, это просто побочный эффект после трёх недель в отключке. Но тут главное, как я здесь оказалась? А что было три недели назад? Хммм, думай, Аннабелла, думай.

Наверное, из головы у меня шёл пар от всех размышлений, ведь с меня не сводили шесть пар глаз. В голову ничего не приходит, кроме того, что скоро у меня день рождения. Стоп. Я же его отметила, или мне кажется? Помнится, что мы втроём подготавливали всё к празднику: завозили вещи, продукты, напитки. После с Зои мы наряжались у меня в комнате, а дальше...

— А дальше смерть!

Снова слышался ещё один голос, и с этим у меня разболелась голова. Если бы у меня был голос, тут стоял бы дикий крик. Перед глазами промелькивали картины прошедшего праздника. Как мы встречали гостей, как общалась с Зо, как разделились, и я поднялась наверх, где... Где были Райли и Ферди?!

— Ан... Аннабелла, посмотри на меня! — резко дёрнувшись от громкого крика в ушах, я уставилась на папу, который держал меня и с паникой в глазах изучал. — Ты как, в порядке? — кивнув в знак согласия, меня тут же заключили в крепкие объятия. — Не плачь. Всё в порядке. Теперь всё в порядке.

«В порядке? Какой нахуй в порядке?! Мне шею разрезали, пап! Меня хотели убить!»

Я хочу встать, хочу пойти и также сделать грёбанной Райли, как она сделала мне. Хочу попытать её до такой степени, пока её психика не сломается к чертям собачьим. После чего грохнуть, да и скормить её этим же собакам, только не факт, что они такое дерьмо есть будут. А Ферди лучше грохнуть быстро.

Сделать этого мне, конечно же, не суждено. Только и остаётся, что рыдать от всей безысходности. Ощущать то, что за один грёбаный день я потеряла всё, что только можно было. От этого становится тошно. Да и в голове зарождаются мысли, что мне всё же надо было согласиться с Зои и Домиником и не устраивать весь этот цирк. Посидели бы, как всегда, втроём, заказали бы еду, посмотрели Netflix после часового уламывания нас со стороны Зо. Выпили бы, потанцевали, пошли, прогулялись по ночному городку, да и легли бы под утро спать. А теперь мне всю жизнь пожинать плоды своего же безрассудства.

“Вот надо же было мне это всё затевать! Чем я тогда думала? Какой чёрт меня потянул на такую авантюру?” - конечно, найти ответы на вопросы уже не получится, да и есть ли смысл. Что случилось, уже никогда не исправить. А время мы не умеем поворачивать вспять.

Время проходило назло медленно. После того как мне вкололи успокоительное, ненормальный Хендерсон полностью рассказал мне, что теперь у меня не только шрам на шее, но и я осталась без голоса.

“Спасибо больше за такую познавательную информацию, как будто сама не догадаюсь. Вот честно, при выписке потребую жалобную книгу и распишу про всё то, что я о нём думаю и о его работе”.

Ну а так, меня с того момента, как проснулась, успели полностью осмотреть, вытащить трубку, обновить повязку на шее, позадавать уйму вопросов, на которые я хотела послать его куда подальше и надолго. Позже принесли еду, к которой я даже притрагиваться не хотела. Меня, конечно, пытались заставить есть, чтобы спросить, больно ли глотать, но я их послала нахуй. Точнее, не послала. Их спасла Зои.

— Аннабелла! — с радостным криком за считанные минуты Овен оказалась около меня, зажав в крепких объятиях, и её голос дрожал от счастья. — Я так рада, так счастлива. Боже, спасибо, спасибо!

Улыбка от моей с ней встречи длилась недолго.

“Вот какой чёрт её дёрнул бога приплетать? Всё настроение угробила, к хренам собачьим. Но всё же я рада увидеть её”.

Оттолкнув Зои от себя на расстояние вытянутых рук, я улыбнулась ей, показывая, что я тоже рада её видеть.

— Как ты? — Зои отстранилась, вглядываясь в моё лицо с тревогой. — Как твоя шея?

«Действительно, как? Молчу. Объявила миру бойкот. Отрезала свой язык и продала. Хотя когда бы я успела это сделать? Лунатиком, видимо, стала, раз не помню ни хера. Бля, Зои, серьёзно?» — у неё или вместо мозгов орех, или ей просто никто не сказал о моём состоянии. Скорее всего, и то, и другое. У неё же мозг просто-напросто состоит из одного Netflix. Была бы возможность, поменялась бы с ней местами.

Подняв голову на Зои, я показала руками, что говорить не могу, но, судя по её выражению лица, мне легче было бы общаться с макакой, и то та бы меня поняла.

Ещё попытка. Рукой провела по шее, показала на рот и после крест обеими руками. Но и сейчас она выглядит как тупая ослиха.

Махнув рукой в знак того, что мне уже похуй, я отвернула голову в сторону окна. Ну, если эта меня не поняла, то может птицы поймут, только я их что-то не наблюдаю.

— Ой, точно, — что она там ещё вспомнила? — Ты же теперь не можешь говорить, — аллилуйя, она не безнадёжна. — Сейчас, подожди, всё будет.

Зои резко соскочила с места и выбежала из палаты. По прошествии минут трёх она ворвалась обратно, но уже с рюкзаком. Она, как и в первый раз, быстро оказалась около меня и, поставив на больничную кровать рюкзак рядом со мной, начала в нём копаться. Достав почти всё содержимое, она наконец-то заликовала, вытащив оттуда тетрадь и упаковку с цветными ручками.

— Это тебе! — Овен вложила мне в руки то, что она нашла, точнее, впихнула, и её лицо светилось от гордости. — Твои родители рассказали мне, когда звонили сообщить, что ты пришла в сознание. Вот я и сорвалась сразу же в магазин, а после к тебе, — улыбнувшись, я похлопала её по руке и губами произнесла: “Спасибо”. Затем распаковала упаковку с ручками и, выбрав из предложенных цветов, достала простую синюю.

Взяв в руки тетрадь, которую до этого положила на одеяло, я только рассмотрела рисунок и надпись на ней. Надпись такова: “Не унывай, ведь кактус ещё не завял”. И, конечно же, рисунок самого кактуса присутствовал.

Повернув тетрадь в сторону Зои обложкой, я выражением лица показала: “Серьёзно?”

— А, по-моему, прикольно, — Зои пожала плечами и ухмыльнулась.

Открыв тетрадь и написав в ней: {Прикольно будет, когда ты учиться начнёшь, а не фигней маяться}, показала это Овен.

— Ты говоришь в точности как моя мать, — застонала Зои, закатив глаза.

{А другого ты и не услышишь, с таким наплевательским отношением на учёбу}

— Как ты так можешь относиться к своей лучшей подруге? — Зои приложила руку к груди, изображая оскорблённую невинность.

{Спокойно}

Мы на секунду замолчали, а после рассмеялись: она в голос, а я в тишину. Рядом с Зои я чувствую, что не всё потеряно и то, что нету голоса - не беда, справлюсь. Но мучавшие меня вопросы всё же вырвались сами с собой наружу, ведь кроме неё никто мне не расскажет всё в точности, что произошло тогда.

{Что тогда произошло?}

Прочитав, Овен замолкла и отвела взгляд в сторону. От этого мне становилось любопытнее и страшнее одновременно. Но мне нужно знать всё в подробностях, что произошло до, а особенно после.

Схватив её руку и потянув на себя, я хотела привлечь её внимание.

После того, когда она всё же соизволила посмотреть на меня, в моих глазах она прочла, что мне нужно знать.

— Это нелегко так просто рассказать, — медленно начала произносить Зои, и её голос стал тихим, почти шёпотом. — Но я попробую, — дальше начался длинный рассказ с того момента, как она заглянула в комнату к моим родителям.

Пока Овен рассказывала, время шло незаметно быстро, что за этот промежуток к нам заходила медсестра раза четыре, пытаясь прогнать мою подругу со словами, что “время посещения давно закончилось”. За место того, чтобы подчиниться правилам, мы прогоняли её каж-

дый раз, даже тот ненормальный врач попал под удар. Конечно, кто же будет тягаться с дочерью судьи, когда та им угрожает проверками.

Когда Зои закончила свой рассказ, на часах было пять вечера. Овен ждала, когда я хоть что-то скажу, а я пыталась переварить всё сказанное ею. Но несколько вещей были осознаны мной сразу же. Первое, что эта дурочка не бросила меня, а точнее спасла мою жизнь. Второе, что Доминика я прибью, как увижу. Сука, бросил мою девочку одну переживать всё это в одиночку. Третье, Райли, видно, давно желала моей смерти. Кстати, а что полиция?

{Что по поводу Райли? Какой ей дали срок?}

— Никакой, — чуть ли не скрепя зубами ответила Зои, и её руки сжались в кулаки.

{Почему? Что сказала полиция?}

— Они обвинили тебя, — от этих слов я окаменела, а Зои отвернулась, не в силах смотреть мне в глаза. — Её родители откупили её и всех присутствующих тогда, чтобы те дали показания против тебя. К моим словам не прислушались из-за того, что я твоя подруга и то, что показания одного свидетеля против почти что сорока ничтожны. Ты прикинь, — с серьёзным взглядом посмотрела на меня, и в её глазах полыхала ярость, — они не поверили мне! Дочери судьи! И всё почему? А потому что моя чёртова мать покупная шлюха!

{Какие показания давали? Что они говорили?}

— Все как едино твердили, что ты сама взяла бутылку, разбила её и порезала себе горло, — Зои передёрнуло от отвращения.

{И нахуя мне это?!}

— Они говорили, что это ты сделала для того, чтобы избавиться от Райли, ведь все в школе знают, какая между вами идёт война, — она всплеснула руками, и её голос задрожал от негодования.

От этого заявления меня пробрал гнев. Да нет, ярость.

«Какого, блять, рожна мне лишаться жизни ради того, чтобы избавиться от этой суки? Легче было бы её убить, если мне так бы этого хотелось. Но нет же, лучшего она придумать и не смогла».

— Но ты не переживай, я целиком и полностью на твоей стороне, — Зои взяла меня за руку, крепко сжимая, и её пальцы дрожали, от чего я пришла в себя. Сделав несколько вдохов и выдохов, чтобы прийти в себя, мне всё же удалось улыбнуться, давая знать, что всё в порядке. — Не переживай, мы придумаем, как её отплатить, — и не прошло и минуты, как та уже воодушевилась, и в её глазах загорелся озорной огонёк. — А сейчас тебе главное поправиться и встать на ноги. — Овен встала с кровати и начала собирать свой рюкзак, ведь вещи, которые она раскидала, так и не сложила обратно. — Я приду к тебе завтра после школы и принесу тебе твоих любимых кексов. Эх, хотелось бы прогулять, как сегодня, но завтра контрольная у Миссис Эвери.

Ударив по плечу Зои, от чего та вскрикнула и потёрла ушибленное место, я серьёзно посмотрела на неё, а после написала в тетради:

{Только посмей ещё раз прогулять уроки, и больше ты от меня ничего не получишь}

— Ну не злись, Аннабелла, — построила милую мордашку Зои, сложив руки в молитвенном жесте. — Так как тебя нету, мне приходится тяжело. Сегодня придётся готовиться всю ночь напролёт.

{Тебе пойдёт на пользу}

— Эй! — возмущённо протянула Овен.

— Всё, мне это надоело, — с такими вот словами в проходе появилась медсестра, и её голос был резким, как удар хлыста. — Выметайся отсюда, иначе вызову охрану!

— Да как ты... — Зои вскочила, готовая ринуться в бой.

Схватив Овен за рукав и отдернув её, привлекая внимание, я написала в тетрадке:

{Иди, встретимся завтра}

Видя некоторое замешательство в лице подруги, мне пришлось взять ту за руку и крепко сжать, говоря “со мной всё будет в порядке”. Промешкалась Зои всё равно несколько секунд, прежде чем кивнуть мне.

— Я завтра приду — обязательно! — её голос дрогнул, но она заставила себя улыбнуться.

— На выход, леди! — подала свой голос медсестра, которая явно была всем этим недовольна и довольно долго.

— Ухожу, ухожу, — говорила Овен, идя к двери, но остановилась в проходе, обернувшись на меня. — До завтра, Аннабелла, — затем перевела взгляд на медсестру. — И вам до завтра, медсестричка, — замолчала, всматриваясь в бейджик, — Кассандра, — улыбнувшись, Зои помахала рукой и скрылась за дверью. Я тоже перестала махать рукой и перевела взгляд на медсестру, которая ещё не ушла.

{Вы что-то хотели?}

Прочитав мой вопрос, Кассандра начала накручивать свои волосы на палец, делая вид, что тут, кроме неё, никого нету. Меня это, конечно же, раздражало, но сил с ней выяснять отношения не было. Да и без голоса у меня бы этого не вышло. Поэтому, как и сказала Зои, мне надо набраться сил и придумать, что сделать с Райли.

— Скоро вам принесут ужин, а пока что отдыхайте, — произнесла свою стандартную фразу медсестра, после чего развернулась и вышла за дверь...

— Ахахахахаха...

... смеюсь.

“Вот жешь. Я точно попрошу жалобную книгу при выписке. А лучше дам её Зои, чтобы та написала такое сочинение, от которого они задолбаются принимать проверки сверху”.

Проходили дни, приближая мою дату выписки. На следующий день после пробуждения меня с реанимации перевели в обычную палату. Врач заходил ко мне каждое утро, но ни разу не ответил мне на мои вопросы. Так же вела себя и медсестра. Разница была лишь в одном: один хоть осматривал меня, другая игнорировала, как будто палата была пустая, а она тупо заходила туда отдыхать в рабочее время. Ну, хотя бы кормили по расписанию.

Родители могли приезжать ко мне только после работы, да и не всегда вместе, ведь маму часто задерживают в доме престарелых. Зато они привезли мне мои книги, и я могла спокойно коротать время. Хотя они не сравнятся с шутками папы, точнее, его попытками пошутить, от чего маме приходилось краснеть, когда заходила медсестра. Мама сказала, что тётя ждёт нас у неё после того, как я поправлюсь и буду чувствовать себя лучше. Мне, конечно, не охота ехать к тётке, но думаю, одна поездка мне не помешает, да и тётю я давно не видела. Надо будет поставить условие, что она или выкинет все свои винтажные пластинки, или спрячет их куда подальше, ведь если я их найду, то разломаю пополам.

Так о чём это я, точно, о посещении меня в больнице, отвлеклась на тётю. Так, больница, родители, как я и сказала, посещают меня по вечерам, но во все остальные часы - Зои. Рано утром перед началом занятий она забегает принести мне вкусняшек и пораспрашивать о самочувствии. После уроков она тут как тут. Я ей за это, конечно же, дала по шеем и заставила учить уроки со мной здесь, так сказать, подтягивать её по знаниям. Раз меня нету в школе, то хотя бы отсюда буду помогать с учёбой, чем смогу.

Овен сидит со мной до прихода родителей, а после уходит, точнее её прогоняют за шкуру. Возникает ощущение, что больница стала для неё вторым домом. Мне бы её нежелание возвращаться в родное место, но я уж очень сильно хочу отсюда сбежать.

23 октября 2003 года, 10:25 по местному времени

Прележав в больнице неделю, меня всё же выписали, а Зои по моей просьбе всё же написала им в жалобную книгу красивый текст, от которого я долго не могла перестать смеяться. Родители этим были недовольны, но мастерское переубеждение моей подруги свели на нет их негодование. Поэтому дорога домой была в весёлой и приятной обстановке, мешали только шарик, которые купила Овен мне в честь выписки.

Прибыв домой, папа сказал, что отвезёт Зою, а после вернётся обратно. Я хотела, чтобы она осталась до вечера, но из-за подготовки к тестированию нам пришлось попрощаться до завтра. В школу пока вернуться я не могу из-за освобождения на месяц, но хотя бы мне разрешили сдать всё, что пропустила после моего попадания в больницу.

Зайдя в дом, мне предстала всё та же старая, но родная обстановка. Только флешбеки с той ночи проскакивали в голове. Видно, они мучить меня будут долго. Ну, или пока не случится что похуже, что перебьёт эти воспоминания.

«Так, — хлопнула себя по лицу руками, — меньше негатива, больше позитива».

— Аннабелла, — произнесла моё имя, привлекла к себе внимание моя мама. — Иди пока разложи вещи и прими ванну, а я приготовлю покушать. А раз сегодня я смогла урвать выходной, то приготовлю что-нибудь особенное.

{ Хорошо. Только, пожалуйста, не готовь свой фирменный пирог. }

— Эй, да что не так с моим пирогом? — мама упёрла руки в бока, и на её лице отразилось наигранное возмущение.

{ Мам, ты вечно туда добавляешь или тимьян, или кардамон. }

— И?

{ Что и? Мам, он несъедобный! }

— Ой, всё, — отмахнулась Грейс, и в её глазах заплескались смешинки, — что приготовлю, то и будете есть!

Поднявшись наверх и зайдя в свою спальню, кинула сумку с вещами на кровать. Не став их разбирать, я сразу же направилась в ванну, попутно взяв со шкафа домашнюю одежду и полотенце.

Выйдя из спальни и направившись в сторону ванной комнаты, мимо комнаты родителей меня охватил страх.

Быстро забежав внутрь ванны и сделав несколько дыхательных упражнений, я столкнулась со своим отражением в зеркале, когда повернула голову в сторону.

Смотря на своё же отражение, мне виделась не я сама, а другая личность. Кожа моя стала тусклее, как будто за время пребывания в больнице мною были потеряны краски, точнее сказать, выцвела палитра. Взгляд стал казаться менее живой, чем был до этого. Здесь можно ещё понять, ведь то, что мне пришлось пережить, могло сказаться на моём состоянии как моральном, так и физическом. Волосы, заплетённые в косу, больше выглядели как мочалка, пролежавшая в шкафу в самом его углу долгое время, после одного использования. Но больше всего в глаза бросалась белая марлевая повязка на шее, скрывающая причину моего недуга.

Заведя руки за шею и схватившись за края узла, держащего повязку и не позволяющего ей распутаться, меня охватила паника.

“Стоит ли вообще её распускать и смотреть на шрам, или же оставить всё как есть”.

Желание знать было сильнее меня, но подсознание говорило, что это плохая затея, поэтому я упустила руки и начала готовиться к водной процедуре, так как за этим сюда и пришла.

Пробыв в ванне час, мне хватило поразмыслить о случившихся событиях, отмыться от грязи и привести себя в надлежащий вид.

Выйдя из ванной комнаты, я направилась в свою спальню, где провела оставшееся время до того, пока мама не позвала к столу. Глянув на часы, которые показывали три часа тридцать

пять минут, заставили меня задуматься. Сверив время с телефоном, до меня дошло, что батарейки в настенных часах сели.

«Надо не забыть сказать папе. Вроде у него были запасные».

— Аннабелла, долго мы будем тебя ждать? — раздался голос папы от двери.

Из-за неожиданности, точнее появления папы в моей комнате, я подпрыгнула от испуга, схватившись за сердце. После чего сердито глянула на него.

— Прости, прости, — папа поднял руки в примирительном жесте, и на его лице появилась виноватая улыбка. — Просто мама уже какое время зовёт тебя, а ты не слышишь, — состроив недовольную гримасу, а после, развернувшись и подойдя к кровати, где лежала моя новая подруга, тетрадка, открыла её и написала ответ:

{ Я прекрасно слышала }

— Ты в порядке? — после небольшого колебания спросил папа меня, и его голос стал тише. — Тебя беспокоит твоя рана? Болит?

{ Всё хорошо, папа, только мои часы встали }

Прочитав, папа поднял голову к настенным часам:

— И правда, — подошёл к ним и снял со стены, повернув к себе задней стороной. — Видно, батарейка села. Ну ничего, после ужина вставлю новые.

{ Спасибо }

— Вы там собираетесь спускаться или мне за вами подниматься? — крик мамы с начала лестницы, наверное, было слышно не только нам, но и соседям.

— Уже идём, — крикнул Картер в ответ. — А теперь пошли, пока она сама за нами не поднялась, — сказал мне папа, положив руку на плечо. — И да, будь аккуратней, мама приготовила свой фирменный пирог, — беспокойство папы вызвало во мне смех и улыбку. И мы вместе пошли на кухню, где ждала недовольная мама. А ну и её фирменный пирог, от которого мы заново поедим в больницу.

Ужин прошёл в комфортной обстановке, и родители не давали и повода вспомнить о травме. Даже во время трапезы родители давали мне время записывать ответы в тетрадке, от чего разговор у нас выходил. За то время, которое провела в больнице, я ещё не начала учить язык жестов, но мама обещала принести книгу, по которой я смогу обучаться. Так же мне рассказали, что родители обновили свою спальню, не без помощи Зои. Они посчитали, что так мне будет легче там находиться, когда выздоровею. Ещё то, что Овен приготовила мне подарок, но его пока не отнесли в мою комнату. Мама сказала, как только сделают новшество в моей спальне, только тогда они занесут эту вещь ко мне.

Так как любопытство взяло верх, я всё же набралась сил заглянуть в родительскую спальню и глянуть на свой подарок.

Поднявшись по лестнице и свернув налево, прошла чуть-чуть вперёд и оказалась рядом с дверью, в которой всё произошло. Схватив ручку, меня пробрал мороз по коже, только я не поняла, из-за страха или из-за неизвестности.

Стоять под дверью неприлично, хотя, находясь в своём доме, о каком приличии может идти речь. Но всё же один-единственный вопрос, крутящийся в голове, не давал покоя: «Может, и не стоит смотреть на подарок? Ладно, была - не была».

Нажав на ручку и опустив её, я толкнула дверь вперёд. Перед глазами предстала совершенно новая обстановка, не такая, как была при моём последнем визите. В комнате появился большой шкаф, где расположились мамины книги, а также папины кубки и медали со времён школы и студенчества. Вместо обоев стены были окрашены в цвет молочного шоколада. Выбирал точно папа, но мама, видно, вставила своё слово, и поэтому цвет светлее. Повесили люстру, видно, достали с чердака, так как на вид ей лет тридцать, не меньше. Кровать передвинули к окну, да и прикупили новые тумбочки, а также поставили торшер, который перенесли с гости-

ной. Постелили махровый ковёр в форме круга, что сильно выделялся в комнате из-за своего ярко-жёлтого цвета. Также стояла непонятная мне вещь, выше меня ростом, закрытая тёмной простынёй. Видно, это и был мой подарок от Зои.

Пройдя в комнату к этой вещице, которая, как назло, притягивала всё больше моего внимания, а также отпугивало меня, говоря, что не стоит сдёргивать простыню с данной штуки. Но желание узнать, что же мне подарила подруга, взяло своё, и я сдёрнула ткань.

Передо мной предстало зеркало с красивой расписной рамой.

Не знаю, почему, но рука сама потянулась прикоснуться к нему. Она легла на узоры, покрытые выцветшей краской. Сто процентов Зои купила его в сувенирной лавке за высокую цену. Так как она любит разные истории, связанные с вещами, то владелец магазина рассказал ей какую-то байку, связывающую это зеркало с его владельцем. Надеюсь, что оно не проклято или с семьёй владельца не произошло несчастье по типу убийства.

Ведя рукой вниз и вверх по раме, моё внимание не привлекало само зеркало. Но видно, что-то или кто-то был против этого, так что окликнул меня:

— **Привет, Аннабелла.**

Резко обернувшись, в комнате никого не оказалось, кроме меня одной. Но я точно слышала, что кто-то произнёс моё имя. Хотя, прокрутившись вокруг своей оси в родительской спальне, кроме меня никого не оказалось.

«Всё же придётся прислушаться к маме и попробовать посетить психолога».

— **Психолог тебе не поможет.**

Оттого, что кто-то ответил на мои мысли в голове, тело окаменело. Но теперь я точно расслышала, откуда раздался голос.

Не двигаясь с места, медленно начала поворачивать голову в сторону зеркала. Вначале мне ничего не показалось, кроме рамы и края стекла, но когда показалось целиком и полностью зеркало, в нём я увидела не себя, а кого-то...

— **Рада с тобой...**

Не знаю, как, но я тут же оказалась возле него и, толкнув, опрокинула зеркало на пол. Наблюдать, как в замедленной съёмке оно падает и разбивается об пол. В ушах раздался звук разлетающихся осколков зеркала и дикий смех:

— **Ах-ха-ха, ты думаешь - это избавит тебя от меня?**

Он доносился из всего, на что падало моё отражение.

Подлетев к окну, я резко занавесила его, но смех всё продолжался и продолжался. Хотя зеркало было и разбито, но осколки отражали комнату, как и меня, точнее, кого-то в нём.

Не став медлить, я выбежала из спальни родителей, но и тут смех продолжал меня преследовать.

Побежав по коридору в свою спальню мимо удивлённых родителей и залетев туда, тут же начала прятать все отражающие поверхности, как и окно за шторами.

— Аннабелла, доченька, что с тобой? — перепуганная мама схватила меня и развернула к себе лицом, пытаясь заставить успокоиться, и её руки тряслись. Мои глаза не прекращали бегать по комнате, ища всё то, что отражает.

— Аннабелла Янг, приди в себя! — громко произнёс Картер, выхватив меня из маминых рук и заставив на него взглянуть. — Вот так, молодец, — улыбнулся мне с нежностью папа, и его голос смягчился. — А теперь расскажи, что тебя так напугало? — окончательно собравшись и кивнув отцу, я дождалась, когда тот отпустит руки. Подойдя к своему рабочему столу и достав с ящика чистую тетрадь, начала ручкой выписывать текст, который передала родителям.

{Пожалуйста, занавесьте и спрячьте все отражающие поверхности: зеркала, окна, стёкла и т.д.}

— Зачем? — удивлённым голосом спросила мама, на что я перехватила тетрадь и написала ответ:

{В подарке Зои я увидела кого-то. Нет, не так. Мне повсюду слышится смех! А так его нету, и всё кажется нормальным}

Родители переглянулись и ненадолго задумались. Конечно, дочь, которая пришла в себя после такой травмы, начала нести всякий бред про смех и какое-то отражение в зеркале. Сразу было понятно, что я больна, хотя это не так. Мне самой интересно знать, что происходит. Может, надо было сразу просить отвезти меня в психушку? Да нет, бред.

— Если тебе станет легче от этого, то хорошо, — всё же подал голос папа, когда мама смотрела на меня, не отрываясь.

— Картер, надо вызвать... — начала мама, и её голос задрожал.

— Никого не надо, Грейс! — отрезал отец, и в его голосе прозвучала сталь. — Наша дочка кое-как выжила, так что оставь её. Если ей так комфортнее, то мы так и сделаем, да, Аннабелла? — посмотрел на меня папа, мягко улыбнувшись, на что я кивнула в ответ, соглашаясь с ним. — А теперь ложись спать, мы с мамой обо всём позаботимся, — на этих словах папа увёл маму из комнаты, оставляя меня одну.

Оглянув помещение, я смогла расслабиться только после того, как поняла, что всё, что могло отражать, спрятано. Самое главное было то, что смех в моей голове затих.

Подойдя к кровати и развернувшись к ней спиной, я упала на неё. Мне было всё равно, что она не расправлена, главное - поверхность, на которой я могу лежать, и меня это устраивает. Если бы увидела мама, то дала бы мне по шее, что не расправляю кровать. И ещё добавила бы, что такими темпами мне легче переезжать на пол, раз сплю не по-человечески.

Повернувшись на бок и свернувшись клубочком, я приложила руку к своей шее. Повязка давила. Ощущение удушья, видно, сказывалось на моём состоянии. Ну, или я реально сошла с ума. Вот как мне ещё объяснить всё произошедшее со мной? Этот чёртов порез на шее, грёбаный голос, преследующий меня, а самое страшное то, что я знаю, откуда он исходит. Завтра придётся попросить Зои сходить со мной в библиотеку. Ей это точно понравится, она любит всё мистическое, особенно сериалы по Netflix.

6 Глава

24 октября 2003 года, 16:00 по местному времени

Если спросите, как прошла моя ночь, то отвечу – ужасно! Вчерашнее возвращение домой не давало мне покоя. Хотя нет, не так. Всё произошедшее! Лежа на кровати, я дала себя слово, что просто усну и подумаю обо всём утром, но видно мой мозг был со мной не согласен. Начну по порядку.

День моего рождения - двадцать шестое сентября тысяча девятисот восемьдесят четвертого года. Если точнее, время было около семи вечера. Только это моё предположение ведь объяснение мамы: “Ты родилась, когда был закат на улице” – очень размыто. Я блять что, по её мнению, сама должна была запоминать, что сказал акушер, принимая меня? Иногда мне кажется, что тётя ещё не самый отбитый человек в нашем роду. Ну не может здравомыслящий человек вести себя как ребёнок на публике. Ладно, можно ещё понять в семье, но не на людях же. И отсюда как раз выходит, что я родилась со всей семьёй в психушке или нас в детстве, роняли каждого наголову. Другого быть не может. Стоп! Что-то я отошла от темы. Продолжим.

По словам Зои и как я помню в тот день, Райли, разрежала мне шею розочкой сделанной бутылкой из-под вина. И что по итогу имеем? Я, истекающая своей же кровью. Зои, пытающейся меня спасти и держа двоих, трахающихся кроликов, чтоб те не слиняли с места преступления. Скорая, которая приехала и посчитала, что спасать уже некого. И остался Доминик, который... А был ли он там? Если память не изменяет, то он был внизу, вместе со своими друзьями по футбольной команде. В комнате на момент происшествия я его точно не видела,

да и Зои про него ни словом, ни духом не обмолвилась. Что-то тут не сходится! Зная Доми, то тот бы прибежал на зов Овен, но в её рассказе о случившемся он не фигурирует. Значит тут три варианта: он уехал домой, что маловероятно, или поехал с друзьями смотреть у кого-то из них футбол, хотя тоже с трудом верится или Зои специально мне не рассказала часть, связанную с ним. И вот к последнему событию я склоняюсь больше. Да и за время пребывания в больнице он ни разу меня не проведаль. Даже сообщения не присылал. Ну, Овен, получишь ты от меня сегодня.

Всё! Успокаиваемся, Аннабелла! Что было то прошло. Хотя Райли я до скончания веков буду припоминать, что лишила меня голоса! Эта давящая повязка только и делает что раздражает. Точнее будет сказать - душит. Из всего светлого и белого во мне осталось только этот сраный бинт на шее! Надеюсь, её поезд переедет, с её же свитой.

— Ах-ха-ха-ха-ха...

«Проклятое зеркало! — подумала я, швырнув его под подушку в гостиной. — Просила же спрятать всё от меня подальше».

Родители всё же прислушались к моим вчерашним словам и занавесили всё в доме. Даже сняли зеркало в ванной комнате, чтобы я могла там спокойно умыться или принять ванну. Сейчас хоть и два часа дня, но в нашем доме стоит крошечная тьма. Ну не совсем, слишком сильно сказано, от люстр есть же свет. Так что сижу и загараю не под последними лучами осеннего солнца, а от лампы накаливания.

Так от чего я не выпалась. Первое уже выяснили это от пореза на шее, второе от этого “САДНЯЩЕГО ГРЁБАНОГО СМЕХА!” Хотя в доме всё и скрыто, но этот голос крутится в моей голове, как заевшаяся пластинка. Я посчитала, что это всё проходящее и мне показалось. Ага, показалось, что подарок Зои разбила, к чертям собачьим. Но утром всё повторилось.

Проснувшись, я кое-как заставила себя вылезти с кровати, ведь поспала от силы часа два, не больше. Встала, подошла к шкафу чтобы выбрать домашнюю одежду, так как своей не нашла на стуле. Потом вспомнила, что не переодевалась и в ней же и легла спать, хотя сна так толком и не увидела. Подошла к окну, чтобы открыть занавески ведь посчитала, что всё случившееся со мной просто бред, и я просто перележала в больничке. Но стоило мне отдернуть занавеску в сторону, как тут же раздался противный смех. И что конечно мне пришлось сделать? Правильно, занавесить окно обратно.

После чего, мне пришлось оббежать весь дом и проверить теорию о том, что я слышу этот, чертов, смех везде и когда во всём убедилась пошла умываться. Затем, я приготовила себя завтрак, позавтракала естественно, поднялась обратно в спальню, переоделась, взяла деньги, чтобы выйти и купить что-нибудь к чаю, потому что придет Зои. Но обувшись и открыв входную дверь, опять услышала смех.

В итоге, я захлопнула дверь, разулась, написала Овен, чтобы там купила на свой выбор что-то, потом пошла в зал, взяла книгу почитать и вот лежу и пялюсь в неё как дурак. Ни одной строчки, за время моего пребывания здесь, мне не хватило сил осилить. А нет, всё же я что-то сделала - голову себе сломала!

По завершению фразы у себя в голове, в доме раздался раздражающий звон входной двери.

«Прям как по расписанию», - взглянув на часы, подумала я.

Встав с места и подтянувшись, так как кровь от долгого пребывания в одном положении плохо циркулировала от чего руки и ноги слегка онемели. Подняв со стола ручку с тетрадкой и, написав в ней “Привет” мне оставалось только подойти к входной двери и открыть её.

Подходя к двери мне отчетливо, слышался голос Зои, благодаря чему могла и не проверять, кто стоит за ней, но то, что он был на повышенных тонах, до меня дошло не сразу.

Стоя уже у выхода и держа ручку, я услышала и причину её повышенного тона, а точнее с кем она ругается.

— Я тебе ясно сказала ещё тогда, чтобы ты ни ко мне, ни к Аннабелле не приближался! — голос Зои дрожал от ярости, а палец она вонзила в грудь Доминика, будто пыталась пробить её насквозь.

— Зои да услышь ты меня уже! — Доминик вскинул руки, словно сдаваясь, но в глазах полыхала злость.

— И не желаю! Вали отсюда! — она топнула ногой, и прядь волос выбилась из её причёски.

— Да когда же ты... — не став дослушивать окончания фразы, я открыла дверь и столкнулась с прекрасной картиной. Злая как сенбернар Зои, что аж покраснела от злости, кричала на Доминика. И сам Томпсон, от которого не было ни слуху - ни духу, ходил из стороны в сторону, как бешенный, держа одной рукой себя за волосы.

Видно, они настолько сильно были увлечены собой что меня и не заметили. Пришлось постучать в свою же дверь, как будто тут и не живу.

— Аннабелла! — в унисон, как два попугая, произнесли моё имя, а затем последовало следующее: Зои, глянув на Доминикула его и, схватив меня за руку, увела в мой же дом, попутно закрыв дверь у самого носа парня. Пока до меня доходило, что за черт тут происходит, Овен успела запереть дверь на замок.

— Зои, мать твою, открой! — стучал злой Томпсон в дверь с той стороны, и каждый удар отдавался в стенах дома.

— И не подумаю! Тебе здесь не рады. — Зои скрестила руки на груди и прислонилась спиной к двери, будто была последним бастионом.

«Да... В какой цирк меня занесло?»

— Зои, блять, хватит! — начал говорить парень за дверью более спокойно, ну или мне так начало казаться. — Я всё понял, осмыслил. Да, был дураком, но честно каюсь. Ну, вы не можете на меня обижаться вечно! — ситуация становится всё интереснее и интереснее.

— Поспорим? — с насмешливостью в голосе спросила Зои, и уголок её губ дёрнулся вверх.

— Агр... Аннабелла, ну хоть ты её вразуми! — слышался глухой удар — видимо, Доминик привалился лбом к двери.

Посмотрев на эту дурочку в лице моей лучшей подруге и на дверь, за которой стоял друг, я пыталась в голове сложить, какой из исходов для меня будет выгодней. Здесь со мной стоит человек, который знает всё, но видимо говорить об этом не желает. Но с другой стороны, рядом же находится тот, кто точно мне расскажет обо всём. Ещё раз взвеси в голове оба варианта, я написала в тетрадке своё решение и всучила её Овен:

{ Не знаю, что между вами произошло, но раз это связано со мной, то будьте добры рассказать мне об этом. } - пока она читала, мне ничего не оставалось, как открыть Доминику дверь.

Лучше бы мне кто-то сказал ещё, что я налечу на эту гору мышц. Ну, видимо он тоже не дурак и понял, что налетел на меня, раз быстро успел отступить на шаг назад, поддерживая меня за плечи.

— Ну, вот и славно же. Не могла так сразу? — Доминик усмехнулся, но в голосе слышалась нервозность.

— Ты зачем ему открыла?! — перебив того и встав, между нами, Зои сердито уставилась на Доми, ткнув пальцем в его сторону. — Выметайся. Тебе здесь не рады!

— Зо, ну прекрати уже. Я извинился, что ты ещё хочешь от меня услышать? — Доминик устало потёр лицо ладонью.

— Ничего! — после этих слов, я выхватила свою тетрадку с рук подруги, и быстро написав в ней, всучила между молниями исходящих от них двоих.

{Или вы мне рассказываете, почему так себя ведёте или выметайтесь отсюда ко всем чертям собачьи!}

До Томпсона видимо не сразу дошло, что происходит, и почему я не говорю, когда Зои уже давала ответ:

— Ничего не произошло Аннабелла. Просто выгони его отсюда, и проведем время вдвоем, как и планировали. — Зои демонстративно отвернулась, скрестив руки.

— Зачем писать, сказать, что ли не можешь? — спросил парень, но сразу же нашел ответ на вопрос по нашим гневным лицам. — Господи, Аннабелла, прости, — начал извиняться Доминик, и его лицо побледнело. — Честно прости, я не знал. Почему ты мне не сказала? — накинута он на Овен, резко развернувшись к ней.

— Да потому что тебе и не нужно этого знать! Ты тоже считал её мертвой! Ты хотел дать им увезти её в морг! — Зои почти кричала, и на глазах у неё выступили слёзы.

«Хватит!» — резко оттолкнув, их друг от друга по разные стенки и захлопнув входную дверь, чтоб на крики, этих двух орущих, не собрались соседи.

— Зо, ты же видела всё тогда! Должна была понять, почему я давал врачам это сделать! — Доминик вцепился руками в собственные волосы.

— Она была жива! Жива, мать твою! А вы пытались забрать её у меня! — больше не выдержав, я свернула в рулетик тетрадку и треснула им обоим по голове, а пока те отвлеклись, написала:

{Хватит!}

Тишина. Видимо до них дошло после прочтения, что они уже начали гнуть палку. Может, стоили им дать шанс высказать всё друг другу, говорят же психотерапевты: “Выговаривавшись, стало бы легче на душе”. Наверное, это их случай, но терпеть тут их крики я не намерена.

Продолжив писать в тетрадке, меня обрадовало то, что они замолкли. В голове был рой мыслей, особенно, что нужно скорее научиться языку жестов, ведь писать долго и неудобно. Да и этих двоих заодно научить.

{Значит так, прямо сейчас, вы оба, идете в гостиную, а я иду на кухню, за чаем. Пока меня не будет, вы должны всё хорошенечко вспомнить, о том дне, и чтобы, когда я вернусь, вы в точности рассказали, что тогда произошло. А особенно меня интересует часть, в которой появился ты Доми, ведь одна дамочка мне не поведала. Всё поняли?}

— Да, Аннабелла! — в унисон произнесла парочка дегенератов, и каждый из них закатил глаза.

Наблюдая за тем, как эти два дегенерата направляются в гостиную и при этом умудряются взглядом убивать друг друга, мне хотелось вызвать дурку или милицию. Не, ну честное слово, что на этих двоих тратить время, если, в крайнем случае, выживет один из них. Буду молиться за победу Зои, а за Доминика я не прочь и в храме прочитать молитву за его упокой. Он меня простит и поймёт. В самом крайнем случае, когда мы окончим школу, я прихвачу Зо, и мы отправимся в путешествие на год. Считаю ничего страшного пропустить год от поступления в колледж и потратить время для своего развитие, как раз можно будет найти своё призвание в поездке. Нет, ну а что, водить я умею, как добраться до ближайших округов знаю, а остальное можно и на карте глянуть. Главное, что эта поездка отдалит их друг от друга, и может Зои наконец-то найдет себе место в этой громадной системе ветвей человечества.

Не став более стоять в прихожей и пройдя на кухню, я поставила чайник на плиту, так как до этого забыла об времени совсем. Удивляло только то, что со стороны зала не было слышно голосов, ощущение, что снова осталась дома одна. С того момента как открыла глаза в больнице и по сей день самым громким звуком для меня стала тишина. Знание о том, что я не услышу свой голос вновь, пугают и одновременно не беспокоят, ведь чувство смирения меня уже постигло. И так мне предстоит прожить оставшуюся жизнь - в безмолвной тишине. Конечно, хорошо, что эти двою не пытаются, пока я не вижу, поубивать друг друга, но на самом

деле убить можно и тихо, надо только знать как. В душе я уверена в том, что Овен не знает об этом, а Томпсон, по отношению к ней, не сможет этого сделать, но в голове всё в точности да наоборот. Ладно, у меня есть сомнения по поводу них обоих, но лучше бы их не было. Но что лучше на самом деле? Знать то, что знает Овен? Или не знать того, что знает Доми? Вопрос, загадка для меня. Хотя, чем труднее загадка, тем интереснее находить на неё ответ, даже если поиски на него займут вечность. Но в их случае пару дней, если не часов.

Дождавшись, когда закипит чайник, разлила по кружкам свежесваренную заварку, я с подносом в руках направилась в гостиную. Зайдя туда, картина, открывшаяся моему взору, впечатлила меня до глубины души. Доми сидит на диване, точнее сказать лежит на нём, подперев одну руку под голову, при этом скинул джинсовую куртку на стол вместе со своим кошельком, прям Юрий Цезарь, собственной персоной предстал передо мной. А Зо, царица мироздания, лежит на той самой персоне и поглаживает его по волосам. Вот кому не расскажи, не поверят, что вот эта, та самая парочка, что минут тридцать назад пыталась убить друг друга, да ещё с таким рвением, что соседи с другого квартала, наверное, слышали их препирания. Ну, или же они решили меня вывести из себя, поправочка - развеселить меня, только это у них получилось, с вероятностью пятьдесят на пятьдесят.

Поставив поднос на стол и сев в кресло, мне захотелось чуточку подождать и посмотреть, как измениться данная статуя сошедших на меня дурней. Нет, мне нравится наблюдать за тем, как они ладят, ну только в другой реальности, а не в этой, ведь там мы, скорее всего, другие, я на это надеюсь. Но жить в этой мне нравится как-то больше, чем в выдуманных историях, ведь для меня, моя, пишется каждое прожитое мною мгновение, а к чему оно приведет неизвестно.

— И ты даже не прокомментируешь? — подал голос Доми, приподняв бровь.

Взяв свою кружку и поднеся к губам, я сделала несколько глотков, не сводя с них глаз. Брать ручку и тетрадку не хотелось, ведь за ними надо было возвращаться на кухню. Да, я забыла прихватить их с собой, ну с кем не бывает. Только хорошо, что они там, ведь мне больше интересно послушать рассказ Доминика, нежели отвечать на его идиотские вопросы. Комментарий оставить охота, но не в случае, когда этот подонок, в моём доме, домогается до моей лучшей подруги. Плюс для меня в одном, я могу сообщить об этом ментам, и его посадят за соращения несовершеннолетней. Минус для меня и плюс для него в том, что позвонить я больше не смогу из-за своего безмолвия.

— Тетрадку с ручкой можешь взять в моей сумке. — Зои махнула рукой в сторону прихожей, не поднимая головы с плеча Доминика.

«Больно мне надо».

— Больно мне надо, — озвучил Доми меня, на что получил недовольный взгляд. — Ты реально думаешь, что за всё время знакомства, я не смогу прочитать твои мысли? — он расплылся в самодовольной ухмылке.

«Смешно».

— Смешно, я угадал? — улыбнулся Томпсон.

— Прекрати, — ударила его Зои по голове, которую недавно гладила и пересела с его ног на диван, надув губы. — Ты не можешь дразнить Аннабеллу, когда чуть не отправил её в гроб.

— Ну не отправил же! — Доминик вскинул руки в защитном жесте.

— Благодаря мне! — Зои ткнула себя пальцем в грудь и гордо вскинула подбородок.

Постучав по столу, я дождалась, когда “эти” отцепятся друг от друга и вспомнят про меня. Как пиявки её богу и страусы по памяти. Если сделать им МРТ головного мозга, то у Зои его не найдут, а у Доминика присутствует только половина. Скорее всего, и у меня половина, ведь как-то же я их терплю и видно очень сильно люблю.

— Аннабелла лучше напиши что-нибудь, — сказала Зои, а я посмотрела на неё непонимающе. — Когда ты молчишь намного страшнее, — на это лишь пожала плечами.

— Если ты ждешь рассказ, то расстрою тебя, нового ты ничего не узнаешь. Да даже если и услышишь, то вероятность того, что поверишь мне нулевая, — соскочил с дивана Доми, начал расхаживать из стороны в сторону рукоплескав. — И Зои чтобы не наговорила тебе, но ты, — показал на меня парень, — не могла тогда выжить! Я собственными глазами видел тебя, да и прибывший фельдшер подтвердил это. Ты была мертва, мать твою! Как бы вы на меня не злились и не обижались, но я констатирую факт. У меня был опыт работы на скорой, и мне приходилось видеть, как констатируют смерть.

— Ты работал на скорой?/»Ты работал на скорой?» — Зои резко выпрямилась, а я замерла с кружкой в руке.

— Вас только это волнует? — вскипел Доминик, всплеснув руками.

— Да!/«Да!» — хором ответили мы с Зои.

— Господи, я дружу с чокнутыми! — упал на диван парень, а мы засмеялись. — Ладно, давайте так, ещё раз обговорим для твоего спокойствия Аннабелла твой день рождения, а после обсудим предстоящий вечер на Хэллоуин. Все согласны? — переглянувшись с Зо и мысленно переговорив между собой, мы согласились на идею Доми и с данной минуты начался познавательный рассказ.

Тот день отложился не в одной моей голове, но и в их, ведь до такой подробной степени и препираний между собой я наблюдала весьма заманчивые картины. Во-первых, что мне до этого рассказывала Зои, было основной частью истории и правда. Точнее это можно разделить на до и после: со стороны Овен то, что произошло до, а вот со стороны Томпсона - после. Во-вторых, Доминик был там, но уже после того, как мне Райли оставила шрам на шее, вот эту часть Зо мне и не рассказала. По их ругани, я не поняла, кто и за что был виноват в их новой соре. Ясно было одно, что ключевой фигурой стала не кто иной, как я. Также выяснилось, что меня хотели отправить на тот свет ещё отсюда, хотя, зная причину “этого”, желание рассказывать им обоим правду - нету, ведь боязнь того, что это не ложь - настоящая. Дальше у нас идёт цифра три, и вот, в-третьих, показание в участке давали четверо а, не двою, как мне поведала одна дурочка. Райли Вуд, Ферди Элфрод, Доминик Томпсон и Зои Овен - всех их отвезли в полицейский участок, но как их допрашивали было ещё занятнее. Первых двоих, кто был причастен можно сказать и не допрашивали, ведь у гребанного чудака Элфрода отец глава полиции и как только его собачонки увидели его пасынка, то сразу же сообщили тому, кому лизут зад чтобы не огрести самим. Куколка же наша, королева без трона и короны, но с целым царством подчинённых смогла избежать наказания благодаря своему принцу без коня, но зато с целом ворохом охраны, ведь тот, как и подобает благородному человеку/ублюдку спасает свою принцессу/пададь из плена бренного заточения. Вторые, двою, являются простыми дворнягами, бездарями, скотом, которые только и могут, что мешать, благородным гражданам, сосуществовать, ведь для них они всего лишь на просто пустое место в пищевой цепочке. Главная проблема этой цепочки жизни в том, что слабые должны умереть, сильные жить. Редко встречаются случаи, когда и среди слабых можно встретить сильных, но тех быстрее скармливают или вскрывают, чтобы они не портили картину мира. Ну и здесь также, их чуть не сожрали, пока не выяснилось их место в мире, точнее кем являются их родители, а проблемы собака и его собачонки не хотели иметь, вот и отпустили. Уроды и не более. В-четвертых, я их люблю. Какими бы они не были разными, придурковатыми, со своими чокнутыми семейками - они со мной. И знаю одно, что поступила бы также в такой же или любой другой ситуации. Главное в том, что если их придётся оберегать от себя самой, будет лучше держать их в стороне, нежели они пострадают. Хорошо бы было, если бы такого не случилось.

{ Спасибо }

— За что? — в унисон произнесли удивленная парочка, вытаращив глаза.

{За всё} — положив тетрадь с ручкой и встав со своего места, подошла к друзьям и крепко обняла их. Сначала они зависли из-за неожиданности, но осознав происходящее, обняли меня в ответ.

Несколько минут мы нежились в объятиях друг друга пока одному не надоело:

— Всё, хорош, — оттолкнул нас от себя Доминик, отряхиваясь. — Не хватало мне ещё стать неженкой.

{Ты точно мужчина?}

— Это ты к чему? — с подозрением посмотрел на меня парень, прищурившись.

{Ты же парень, но тебе не нравятся женские объятия. Может ты по девочкам?}

— Аннабелла, я сейчас докажу свои слова о твоей смерти и отправлю тебя на тот свет, — Доминик шагнул ко мне, сжав кулаки.

{Валяй}

— Ты... — он задохнулся от возмущения.

— Хватит! — крикнула Зои, вскочив с дивана. — Прекратили оба! — мы с Домиником замерли от неожиданности, а после как заводные шарманки показали, что закрыли рты на замок и пожали друг другу руки в знак примирения. Что только не сделаешь ради спокойствия Зо.

— Меняем тему, — решил начать Доминик, потеряв шею. — скоро Хэллоуин.

{Я не иду}

— Это ещё почему? — разозлился Томпсон, сверкнув глазами.

— Да, почему? — подхватила растерянная Овен, шагнув ко мне. — Мы же каждый год ходим, так не пропускать же и в этом.

— Если ты беспокоишься из-за голоса, то наплюнь, у тебя есть мы, да и времени изучить язык жестов нам хватит с головой, — вот тут-то я посмотрела на него скептически. До праздника смерти осталось шесть дней, каким магическим способом за это время я должна успеть его выучить? — Не смотри на меня так, да приукрасил, но базу мы точно выучим. С моей помощью, твоей мамы и книжки - мы сможем всё. Зои не в счёт.

— Эй! — возмутилась Овен, толкнув его в плечо. — Почему меня вечно вы не считаете?

— Ты и твой мозг этого не вынесут./{Ты и твой мозг этого не вынесут}

— Вы предатели! — возмутилась Зои, топнув ногой, а мы засмеялись.

Если бы со стороны нас увидел кто-нибудь, то точно подумал бы, что мы купили кокаин и сидим, нюхаем его в скромной компании из троих дегенератов. А хотя похуй, пусть, главное мы вместе и точка, а на остальных плевать с высокой горы.

— Всё, посмеялись, и хватит, — успокаиваясь, сказал Доми, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Давайте решать, что делать будем с Хэллоуином и Аннабеллой.

{Ты так сказал, как будто меня тут не существует}

— Вопрос касается тебя, поэтому ты не в диалоге. — За эти слова он получил от меня заслуженный средний палец.

— А давайте устроим свой собственный праздник, прямо тут, у Аннабеллы, — услышав эту гениальную идею от подруги, мы быстро переглянулись с Домиником и, повернувшись к Зои, я щёлкнула пальцами указав на неё и положительно кивнув.

— Раз мы всё согласны, то остаётся прикупить вещи, костюмы и... А твои родители позволят нам снова устроить тут тусовку после... — Томпсон не стал договаривать окончание ведь и так всем было понятно.

{Думаю, да, так как мы будем втроём, а они вам доверяют}

— Всё равно спроси. Если не разрешат, то поедem ко мне домой, моих родаков вечно нету дома. Все согласны? — Доминик обвёл нас вопросительным взглядом.

— Да./{Да}

Дальше шло всё как обычно, только с некоторыми изменениями. Мы сели за уроки, точнее они делали, а я помогала. В одном стал плюс, в домашке, теперь мне не нужно сто раз подряд объяснять Зою как это решается, ведь теперь мою обязанность взял на себя Доми, а я просто на просто решаю. Доминик, конечно же, как и любой другой в его бы случае недоволен, но он никуда не может деться от этой обязанности. Знала бы раньше, то давно спихнула бы эту обязанность на него. У меня целые нервы, у него их больше нету.

Если вспомнить что говорила раньше о проблеме с тем, что слышу голос в голове, то я решила о нём не говорить. Да в начале у меня чесались руки, что мне хоть кто-то поможет или сможет меня понять и именно они, но нету никакого желания портить им ещё жизнь. Для меня радость и в том, что они рядом, и им плевать в какой я ситуации оказалась, а для меня это важно, как и их психологическое спокойствие. Поэтому легче молчать и жить, так как и раньше со своей семьёй и друзьями. Так я думала, но случившееся обстоятельство сказало, что нужно поступить иначе.

28 октября 2003 года, 15:17 по местному времени

Прошедшие дни складывались как ни кстати благоприятно. Я всё же смогла освоить небольшую часть языка жеста, что общаться стало чуточку легче, нежели вечно писать, но самое противное в этом, что приходилось вечно таскать с собой тетрадь с ручкой, а это было очень мучительно. Ладно, я и сейчас ношу эти вещи с собой, но, по словам мамы: “Потерпи ещё месяцок и распрощаешься с записульками”. А, точно, также забыла сказать, что уговорить родителей мне удалось, только ругались мы достаточно долго, но результатом я осталась довольна. Начну по порядку.

Папа, оказывается, решил съездить на праздник к сестре, чтобы развеять меня, и при этом не сообщил об этом ни мне, ни маме. Сидя вечером за ужином, когда, собственно, я и поведала о нашей затее, всплыла на свет эта любопытная информация. Мама была недовольна данной идеей папы и вообще, она не очень любила ездить к сестре отца, ведь та начинала рассказывать о всех его бывших и о сложившейся судьбе её братика. Как сказала однажды мама, после одной из такой наших вылазок: “Может её гроб хоть исправит!”

Дальше, по мере того как они спорили, по поводу ехать или нет, мне в голову сбрело ещё раз напомнить о идиотской идее. Сказанные последующие слова несли следующий смысл, что мне, видишь ли, больше нельзя оставаться одной точнее с друзьями, когда они придумывают гениальные/идиотские идеи. Мы их, конечно же, поняли точнее я, так как этот разговор состоялся в тесном семейном кругу, но исполнять его как-то не горела желанием. В любом случае Доминик сказал, что у него никого дома не будет, так что место для проведения нашей вечеринки есть. Ну, а дальше я не поняла прикола.

Написав о том, что я не поеду к тётке в любом случае и не под каким предлогом не соглашусь, даже если заставите меня силой. Также сообщила в тексте о том, что если не тут, то мы соберемся у Томпсона. Поэтому так и так вечеринка состоится у меня или у него. Здесь мои родители встрепнулись, как так, я, после больницы, где-то шляться буду, а не дома сидеть – это не годится! Слова, вылетевшие из уст папы: “Ни куда ты не пойдешь! Ели надо так, то отмечайте здесь, нежели по другим шляться будешь!” Во-первых, Доми не другой, а свой. Во-вторых, до этого сказанные фразы, что мы едем к тетке и никаких вечеринок, с недавней сказанной речью тут не укладываются. Конечно, может я что-то не то поняла, но вроде со слухом у меня проблем нету, а если нету проблем, значит, расслышала я всё верно. Но вот последующая реакция мамы меня не удовлетворила, и их спор/руганье затянулся с продолжение в следующий день.

Подведем итоги. Как было ранее мною сказано, уговорить провести тут Хэллоуин у меня получилось. Смотреть, как ругаются мои родители, мне не понравилось, но это стоило того. Я

говорю о том, что праздник будет исключительно для нас троих. Родители всё же уедут к тётке и не на один день, как говорил папа, а на целых три дня, благо тётке с её внезапным звонком. По итогу весь дом будет в нашем распоряжении. Когда об этом узнали Зои и Доми то обрадовались и сразу же потащили меня за покупками декораций. Сразу всё купить мы не смогли и оставили на следующие дни, так как посчитали, что время ещё есть, а уроки никто не отменял. По поводу нарядов у нас случилась сцена в магазине из-за чего нас чуть оттуда не выгнали. Я и Доминик хотели сразу купить первые, попавшиеся на глаза прикиды, а Зои заявила, что хочет сделать всё тайно, ну чтобы мы не знали кто, в чём будет. Доминику это не понравилось, и он заявил, что это гемор, а я написала, что не желаю ломать голову ещё и над нарядом. Тут началась потасовка в магазине антиквариата. Зои и Доми кричали друг на друга, а я писала в своей тетрадке, что успевала вставить, разумеется. Дальше затягивать не буду, и скажу, что выиграла Зо, а мы теперь страдаем. И вот так я сижу над альбомом битый час, обдумывая, чтобы мне сшить.

— Убавь громкость своих шестерёнок на минимум их аж слышно с первого этажа. — Доминик появился в дверном проёме, облокотившись о косяк и скрестив руки.

Подскочив от неожиданности и схватив первое, что попало под руку, ударила того, кто стоял за моей спиной.

— Эй! — воскликнул Доми, отшатнувшись и потирая ушибленное место. — Я это сказал не для того, чтобы ты меня била.

{Чего людей пугаешь?}

— Ой, тебя прям так и испугаешь, — с ноткой сарказма ответил парень, скривив губы. — Сидишь тут на чердаке при свете одной настольной лампы около швейной машинке и вот соизволь узнать, что о тебе тогда и думать?

{Ну уж точно не подкрадываться к ничего не знающим}

— Извините великодушная, что ваш покорный слуга так тихо подошёл к вам, — поклонился Доминик, пряча в наклоне головы улыбку. — Как я могу искупить свой грех перед вами?

{Сгинь}

— С превеликой радостью исполнил бы ваш приказ, но не могу иначе молодая особа, которая сейчас внизу и дожидается нас, будет очень расстроена и опечалена. — Доминик развёл руками, изображая сожаление.

{Иди на актёра, тебя с руками там оторвут}

— Как бы вы надомной не издевались, о повелительница, но клоуном становиться не желаю. — Томпсон вернулся в прямое положение и скрестил руки на груди, не убирая улыбки с лица — Что-то ещё надо?

{Как вы попали суда, дверь же закрыта?} - дав ему тетрадь, и встав с насиженного места, пошла к лестнице с чердака.

— Очень просто Ватсон, — щелкнул пальцами. — Твои родители дали запасные ключи Овен и она, нежно и плавно, как белые лебедь взмахивает своим крылом при взлете, вставила ключ в замочную скважину и, повернув, отворила дверь для несчастного слуги в дом благородной особы, — Доминик театрально взмахнул рукой.

Отобрав тетрадку с рук спустившегося следом за мной Доминика, и на шкрябов там пару слов, развернула к нему лицевой стороной:

{Сегодня был урок классики?}

— Если ты имеешь в виду литературу, то да, — подтвердил написанное мною парень и, сделав пару больших шагов, поравнялся со мной, чтоб идти рядом. — Честное слово как ведет этот предмет Миссис Браун по сравнению с Мистером Коулманом - это просто небо и земля, — он закатил глаза, вспоминая урок.

{Актер?}

— Не пойду и не собираюсь! — Доминик резко мотнул головой.

{Как знаешь}, — пожала я плечами.

Спустившись вниз и завернув на кухню, нам она предстала – разгромленной. Все кастрюли были вытащены на столешницу, что-то стояло на полу. Рассыпанная мука, сахар и скорлупа для яиц вместе с их содержимым были везде и вперемешку. Сама виновница бегала из стороны в сторону, от плиты к раковине, затем к столу и снова к плите. Творящийся беспредел не обошел и её стороной. Волосы и одежда были покрыты тем же сочетанием что и часть кухни. Хорошо, что скатерть на столе и занавески были целыми, ведь за них, оторвали бы мне первым делом голову, а затем уже и Зою. Мне, за то, что пустила на кухню, ей, за то, что она на кухне. И да, если я ещё не говорила про совместимость Зои и готовки, то говорю сейчас – это ещё два разных понятия не совместимых в одном контексте - и, как назло, мы наблюдаем их прямо сейчас в одном предложении.

{Что это?}

— Зоя нашла у себя в доме кулинарную книгу и вычитала оттуда... — не дав договорить Доминику, я закрыла его рот рукой и показала жестом “подожди”, тот в свою очередь не стал ни чего спрашивать и просто ждал, пока я писала в тетрадке.

{Зоя читала кулинарную книгу?}

Прочитав строчку, он положительно кивнул:

— Сам был в шоке, когда узнал в машине, по дороге в школу, — объяснился Томпсон, пожав плечами. — Так вот, найдя её и прочитав, ей в голову сбрендило приготовить оттуда шоколадный торт, только рыжего цвета к празднику.

{Ещё два дня до тридцать первого, он же испортится.}

— Я ей это объяснял, но в ответ... — Доминик тяжело вздохнул.

— Мне что уже нельзя попробовать?! — вклинилась в разговор недовольная Зоя, уперев руки в боки.

Повернув голову в сторону недовольной дамочки, я помахала ей рукой, а Доми тяжело выдохнул, после чего развернулся и пошёл прочь с кухни.

— Я буду в гостинной, если понадобится. — бросил он через плечо.

— Больно ты нам тут нужен! — крикнула Зоя своему парню вслед, пока я наблюдала за уходящей спиной. — Ну вот почему ему вечно надо всё портить? — как я поняла, этот вопрос был уже адресован мне, а не задан самой себе.

Подойдя к подруге, которая устроила тут Армагеддон, без моего на то согласия, мне предстала ещё более разгромленная часть кухни точнее пол, который не был виден за столешницей. Оценив беглым взглядом, ущерб и просчитав, сколько уйдёт времени на уборку и до прихода родителей можно сказать, что так и так мы получим.

“И когда только успела?” - подумала я, выключив духовку, в которой уже что-то стояло, прежде чем взглянуть на Зою.

Осмотрев её подробно с головы до ног и тяжело вздохнув, поняла, что всё же она заставит меня приготовить то, что она уже начала готовить.

{Дай рецепт и иди, прими ванну, одежду можешь взять мою}

— Позже сначала надо закончить! — твердо сказала Зоя, спрятав рецепт за спиной и вскинув подбородок.

Вытянув руку вперед и показав взглядом, я дала ей понять, чтобы та отдала листочек по-хорошему. Но, как и предполагалось она меня, конечно же, не послушала, и поэтому мне пришлось отбирать у неё этот злосчастный клочок бумаги. Выходило у меня это тяжело по двум причинам: первая, она была выше меня, из-за чего не удавалось выхватить лист у неё над головой, вторая... Даже договаривать не хочу после того, что увидела.

Резко схватив её за поднятую руку и притянув к себе, я до конца отдернула её свитер вверх, и картина, открывшаяся взгляду, выглядела нелицеприятно. Начиная с середины предплечья и до плеча лопаточного сустава, на руке виднелся пожелтевший синяк внушительного размера. На вид ему было дней от семи до двенадцати. Но, блять, откуда у неё на теле красуется

это чудо? Причем у той, кто занимался единоборствами, и может спокойно за себя постоять. Так, блять, почему я сейчас вижу эту хрень на её нежной коже. И я бы очень хотела верить в то, что оно такое одно, но по встревоженному, беглому взгляду Зои, можно выяснить, что это всё мои несбывшиеся надежды.

Развернувшись, но, не отпуская её руку, я потащила её в гостиную, где сидел так называемый, её парень, чтобы выяснить, что это, блять, такое.

Влетев в гостиную тем самым удивив сидевшего Доми в кресле, мы тут же оказались перед ним лицом к лицу, и я толкнула к нему Зою.

— Аннабелла что это... — пока он говорил, я схватила за свитер Овен и сняла его с неё, вызвав у неё визг, а у парня выпученные глаза, — ... значит.

Мы видимо оба не ожидали, я, конечно, предположила на кухне, но у него и в мыслях видимо не было, что тело Зои может так красиво украшать синяки. Обе руки покрывали не очень старые синяки, в то время как на левой лопатке и в правом боку можно было разглядеть очертания старых уже почти заживших пятен, но вот в области ребер и груди виднелись свежее цвета побоев остальные и перечислять не охота.

С рассмотрением каждого затронутого участка тела моей подруги я всё больше и больше приходила в ярость. Хотелось не только узнать, кто сотворил это с моей девочкой, но и воздать ему должное в троекратном размере, а лучше в десятикратном. Ноги так и ломились выбежать и найти эту мразь, испинать эту суку так, чтобы харкала своей же кровью. Руки, а руки хотели иначе. Они чесались, чесались от жгучего желания вмазать кому-нибудь прямо сейчас. И этот кто-то прямо здесь...

Сделав разворот на девяносто градусов, я схватила за воротник парня, и пока тот был в пространстве, врезала с кулака что есть мочи по его физиономии. Может из-за бурлящей крови в жилах, мне было как-то всё равно, что вокруг меня и тем более то, что я не могла ударить с такой силой, чтобы отшатнуть от себя Доми. Одним ударом не насытишься поэтому, схватив его, ударила снова, потом ещё и...

— Прекрати Аннабелла! — ещё, пока меня не привела в чувство Зои, крепко обнимая сзади. — Он не виноват Аннабелла, так что прекрати, прошу, — её голос дрожал, а руки тряслись.

Отпустив ворот рубашки, избитого мною друга, мне тут же прилетело бы в обратную, если вовремя не отошла в сторону.

— Какого хуя ты творишь Янг? — кричал на меня разгневанный Томпсон, потирая место удара. — Я тебе чё груша гнев вымещать? Да и вообще, когда ты стала такой сильной?

Пока тот кричал на меня, а подруга была в панике и растерянности из-за нас, я пошла за своей тетрадкой, ведь вопросов у меня к ним стало куча. Особенно интересно узнать, как эта скотина умудрился позволить сотворить такое с моей Зои!

— Куда пошла Янг? Сбежать решила? — усмехнулся Доми, а я развернулась, показывая средний палец. — Можешь не идти за тетрадкой, я и так знаю, что ты хочешь спросить.

«Да ну, — подошла к шкафу и облокотилась об него, — просвети!»

— И да, я не был в курсе до сего момента, что Зою избивают, и ты не одна злая из-за этого, так что убери своё недовольство на лице! — на это я одарила его ещё раз средним пальцем. — Вопрос, где я был в те моменты, то и сам не знаю, я вечно около неё...

— Хватит! — крикнула Овен, привлекая к себе внимание. — Прошу вас не ругайтесь, — она встала, между нами, раскинув руки.

— Кто это был/«Кто это был?» — спросил Доминик, в то время, как я об это подумала.

— Райли. Она и те, кто были тогда здесь, — нам с Домиником хватило только одного имени, чтоб та себе уже рыла могилу.

“И как я блять не смогла додуматься, что это могла быть только она! Похуй уже на меня, так мне порвать её за Зою охота. Хочу, чтоб она страдала, медленно и мучительно. Желаю видеть

отчаяние в её глазах, испуг, страх, чтоб больше никогда не посмела, никого тронуть. Наверное, наслаждение от её вида было бы завораживающее. Смотреть, как она молит пощады. Наслаждение! Интересно, как бы выглядела Райли в своей же собственной крови?”

— Почему ты ничего не сказала? Зачем молчала? — Доминик подошёл к Зои и попытался взять её за руку.

— А где ты был, когда я просила тебя о помощи? — мучительный голос Зо вывел меня с моих ненормальных раздумий и видимо они были настолько глубоки, что Доми уже находился рядом с ней.

Подбежав к ним, я оттолкнула Томпсона от Овен и встала впереди неё защищая. Доминику видимо это не очень понравилось, так как тот пытался меня оттолкнуть в сторону. Мне пофигу если он сейчас ударит меня, но вот если коснётся её, то я сверну ему шею.

— Аннабелла, я по-хорошему прошу, отойди от неё! — пытался спокойно говорить Доминик, но видимо не получалось, и голос его срывался. В голове я понимала, что он также обеспокоен ею, как и я, но голос нашёптывал мне, а не пошёл ли он нахуй. Так мы бы и продолжали стоять, сверля друг друга глазами пока не услышали, как кто-то плачет, точнее не кто-то, а Зои.

Развернувшись к ней лицом, моё тело словно стало каменным от её вида. Да синяки её не красили, но вот слёзы добивали куда сильнее. А осознание того, что виновата уже в них я нанесли точное попадание прямо в сердце.

— Прошу не ссорьтесь, мне от этого больно! — всхлипывая, произносила чуть ли не каждое слово по слогам Зо, сжимая в руках свой свитер. — Я поэтому не хотела вам говорить. Я не желаю видеть, как вы чуть ли глотки друг другу не вырываете. Вы мои единственные друзья и если вас не станет, то я не знаю, что мне останется сделать с собой.

Я точно превратилась в каменную статую. На душе скреблись кошки за то, что довела её до такого состояния. Даже если она и не расскажет подробности, за что и как получила, то одно имя “Райли” сразу дало понять, что причиной тому стала “Я”. Поэтому мой гнев так просто не утихнет, но если я сейчас покажу его, при этом святом человечке, то мне долго и очень мучительно гореть в аду.

— Зои зачем же молчала я бы помог, — Доминик опустился перед ней на колени.

— Не помог бы! — вскрикнула девушка, отшатнувшись. — Твои сокомадники участвовали в этом, и если бы ты влез, то тут же вылетел бы с команды!

— Да и плевать я на неё хотел! — резко произнес Доминик, вскочив на ноги. — Ты моя девушка и ты для меня важнее любой команды! Да когда же до тебя это уже дойдёт?!

— Ты ничего не понимаешь! — закричала Зои, и слёзы покатались по её щекам. — Я всегда думала, что буду одна. Мои родители, братья, сестры они все меня не любили с рождения. “Не нужная. Не кудышная. У меня не могла родиться такой глупый ребёнок!” Всё это время мне только так и говорят дома. В садике и школе все во мне искали только выгоду из-за того, что я дочь судьи и значит, они могут в любой момент вытрясти из меня деньги или попросить защиту от моей родни. Никогда и никто не посмотрел на меня как на живое существо только на какой-то инструмент! И так я думала продолжиться пока не возьму нож и не вскрыю себе вены, чтоб только меня никто не трогал. А потом к нам перевелась ты Аннабелла, — с момента своего рассказа она только сейчас подняла голову, чтобы взглянуть мне в глаза. Увидев их, я не знала плакать или улыбаться. В них в этих карих глазах отражалось грусть и благодарность. — Сначала я думала, что ты будешь как все, тихой, закрытой и подчиняться высшему свету этой помойки. Но не прошло и месяца, как ты дала отпор Райли и её свите, что удивила всех и, в частности, меня. После я всё время думала, как к тебе приблизиться, подойти, заговорить с тобой и если бы не Рождество то, наверное, никогда бы, ни смогла этого сделать. И ты не представляешь, как я благодарна судьбе за встречу с тобой за возможность быть твоей подругой. Поэтому я не смогла вынести того, что сделала с тобой Райли. Прости

меня, пожалуйста, Аннабелла, я честно больше так не буду! — кивнув в знак того, что поняла её, она перевела свой взгляд на Доминика. — Дура, не спорю. Но и ты не святой Томпсон. И если ты считаешь, что мной можно крутить, как вздумается, то ты глубоко ошибаешься!

— О чём ты? — с некоторой опаской спросил парень, нахмурившись.

— Я о твоём задании от твоей команды и, в частности, от Райли, — меня сразу же заинтересовала, что имела в виду Зои, говоря ранее, но услышав конец очень удивилась. И вот пусть теперь только скажет, что врезала я ему не за дело.

— Откуда? Да не важно, — отмахнулся Томпсон, поморщившись. — Да вначале мне сказали приблизиться к тебе, но это для того, чтобы отгородить тебя от Аннабеллы, — вот тут-то я и удивилась, и, щёлкнув пальцами, привлекая его внимания, показала на себя. — Да от тебя. Они считали, что ты ей пудришь мозги и портишь её, и я не был исключением, так что твои подозрения по поводу меня оправдались, можешь радоваться, — на этих словах я показала пальцами улыбку.

— А дальше? — Зои вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

— А дальше я влюбился в тебя, как последний debil, да и с Янг мне понравилось проводить время, — добавил он как-то тихо в конце, поганец, отводя взгляд.

— Поэтому ты их предал и перешёл к нам? — решила уточнить Зои.

— Да, да, да и ещё раз да. И если передо мной поставят снова такой же выбор, то ответ будет неизменным - я выберу вас! И да Зои, я трус, который не смог появиться перед тобой после случая с Аннабеллой. Я должен был поддержать тебя тогда, знаю, но не смог, когда увидел всю картину. Если бы я только знал, что всё это приведет к твоим побоям, то не оставил бы тебя одну, не бросил в этой стае гадюк. Так что кто из нас всех и виноват, то только я один! И если кому и молить прощения, то только мне! — Доминик сжал кулаки и уставился в пол.

Смотря на всю эту драму молча и не сказав ни слова, я чувствовала себя посторонним человеком. А может так оно и есть на самом деле. Честно, не этого ожидала от встречи сегодня. Ну а чего мне стоило ждать, ведь всю кашу заварил именно я! Если такова воля Бога, то будь он проклят за это! Судьба Зои? Да как же! Она светлый, замечательный человек, которого мне удалось повстречать в своей жизни. Наша встреча тогда была не дорогой в светлое будущее, а в ад. Была бы моя воля и память никогда бы, не дала тебе погубить себя, но и дружбы с собой тоже не позволила бы. Лучше защищать тебя издали, чем держать близко как свой щит. Хотя им должна быть я, а не ты!

Доми, да даже если бы ты не признался – это видно было, как две монеты, раз даже Зои тебя раскусила. Мне очень не нравится, что вы вместе и не нравится то, что даже твоё хуево признание в любви не уберегло её от побоев. Ты должен был быть рядом с ней, раз меня нету, должен был следить за ней и не отпускать её руку. Твои прощения мне нахрен не сдались, так как я давно воспринимаю тебя как семью, да вот только до тебя не дойдёт это ни как. А самое печально во всём этом дерьме то, что всё это мне приходится говорить самой себе. В голове я всё понимаю, что теперь мне придётся так жить до конца и нужно только обрести смирение. Но о смирение желать видимо не придётся, ведь сердце и душа говорит другое, и я последую за ними.

— Ладно, я больше плакать не могу, — улыбнулась Зои после того, как натянула на себя свитер обратно и шмыгнула носом. — Раз мы теперь всё знаем, и нету у нас секретов, то давайте обнимемся в знак примирения, — сказав это, она раскинула свои руки, в ожидание обнимашек.

— Зои - это уже слишком! — произнес Томпсон, но видимо из-за смущения, после недавней меланхолии чувств, отступил на шаг.

— Ничего не знаю! — твердо сказала Зои и ему ничего не оставалось как подойти и обнять её. — Аннабелла, не стой столбом, идём к нам.

Убрав с лица задумчивый вид и подойдя к обнимающейся парочке, влезла к ним в объятия и также крепко, как и они обняла их.

— Вот теперь мы окончательно во всё разобрались и снова вместе! Так что давайте больше без вранья и тайн. Будем, как и до этого, опорой друг для друга, только уже гораздо сильнее.

Да Зои, из всего тобою сказанного ты права в одном, я во всём разобралась. И если сейчас мне уготовано, окончательно решиться в выборе своего пути, то он уже определён. Цену уже заплатила, так что осталось только действовать, и почему-то я знаю, кто мне с этим поможет.

7 Глава

28 октября 2003 года, 17:34 по местному времени

И так, не смотря на всю мелодраму, произошедшую днём у меня на квартире, можно спокойно и с лёгкой душой, добавив чуточку от себя – МЫ ЗАБЫЛИ О КУХНЕ!

После того, как закончилась наша обнимашеческая идиллия и все выплаканные слёзы Зои, наш скромный батальон дегенератов решил заняться уроками. Ну как решил, Доми напомнил! Вот какой ему, чёрт бараний, сбрело это в голову? Всё было так хорошо, ну как хорошо, только в очень плохом смысле этого слова.

Пока ребята успокаивались и приводили себя в порядок, я обдумывала всё произошедшее, а особенно то, что собиралась сделать сегодня ночью. Признаться честно, желание это делать не горю, вот только обстоятельства заставляют. Первое, что мне надо, это провести остаток дня с Зои и Домиником так, чтобы не думать о случившемся и не напоминать в разговорах. В принципе – это было довольно просто.

В начале разговора, по завершению раскаяния каждого в содеянном, кроме меня, разумеется, мы узнали много интересного из жизни Томпсона, особенно по поводу отворота меня от Овен. Самое главное, что из всего его рассказа я подчеркнула только то, что переспал он с ней по любви, а не по приказу Райли, которая хотела этим заставить её от него залететь, и, слава Богу, пронесло. Тут даже сам Доми не побрезгал дать мне ему врезать и что я, с превеликой радостью, сделала парочку раз. Теперь ему долго придется ходить с фингалом на лице, который Овен успела замазать до прихода моих родителей.

Второе, что я сделала после того, как друзья уехали домой – провела вечер за готовкой ужина – это наказание, за причинённой вред маминой кухне. Хотя в это я не виновата! Ко всем вопросам надо было обращаться к той клуше! Хорошо, что после прихода родителей, ребята помогли мне отмыть кухню, ведь одна я проторчала бы тут не только вечер, но и ночь захватила в придачу бы.

Третье было то, что мы провели с мамой время за занятием по изучению языка жестов, который, по сложившимся обстоятельствам, не смогло состояться с Зои и Домиником. Нет, не подумайте предвзято, что мне не нравится учиться с мамой, но просто она... Ну как бы это помягче сказать... О, точно! Грейс Янг – безжалостная, мучительная, настойчивая и одержимая на всём, что хоть чуточку напоминает ей, в её нерабочее время и выходных о её работе. Переведу, она не любит заниматься подобной рутинной, она это делает на рабочем месте, шесть дней в неделю. Я люблю свою маму, но вот её выражение лица, во время наших занятий, не внушает ничего хорошего. И лучше это никому не видеть.

И под конец, четвертое, я дождалась ночи.

Ожидание продлилось, как мне ощущалось, целую вечность. Переделав все перечисленные дела и дождавшись, когда родители уйдут спать, мне оставалось только дожидаться момента.

Лежа на кровати и смотря уже битых четыре часа на часы, я ждала полвторого ночи. Занятие это не из числа приятных. Если бы только Зои или Доми видели, какой хуйнёй я

страдаю, меня бы тут же сдали в дурку, ну или сразу бы отрубили голову, чтоб как говориться не мучилась. Но славно, что они этого не видят. Скорее всего, у них возник бы вопрос: “Почему именно это время?” Ответ довольно прост, ну в частности для меня. Ровно в два тридцать ночи кукушка пробьёт время.

Да можно подумать, что мы починили часы, висящие внизу, но нет. Папа пытался однажды починить их, но разобрав, понял, что не достаёт самой птицы в окошке, кто-то её вынул. Он пытался, конечно, найти её в доме или купить замену, но так и не нашёл. Но он не знал, что ещё тогда, я знала, где она и почему она отсутствовала в часах.

На самом деле, когда дедушка был жив, и мы жили ещё у него, то там, на стене, уже висели часы с кукушкой. Они достались ему от отца, от моего покойного прадедушки, и как наследие, передающиеся в нашей семье из старого поколения в новое, а у нас только хлам и передаётся, он её берег. И когда мне было девять лет, кукушка в них сломалась, а на тот момент, как дедушке в радость, а себе во вред, папа купил на блошином рынке часы с кукушкой. Папа был так рад этой покупкой, что заявил маме: “Теперь и у нас будет свои часы!”

Мама не любила дедушкины часы. Она вообще не любила, чтобы дома по ночам кто-нибудь шумел, а кукушка дедушке вечно чирикала каждый пройденный час. У меня были предположения, что птицу тогда сломала именно мама, но как говориться: “Нет доказательств, нет дела”. Поэтому никто в доме не был под подозрением.

Возвращаясь к двум часам, когда родители были на работе, а я осталась с дедушкой, ну как это осталась, в школе была. Так вот, в этот день мне удалось вернуться намного раньше положенного времени, и по приходу мне предстала картина, как деда с одних часов в другие вставляет чирикающую птицу. На тот момент я не знала лишь одного, что дедушка помимо того, что починил свои часы, он смог заставить птицу чирикать в определенное время. И с того самого дня кукушка вылетала из своего окна только в пять отведенных ею часов. Это восемь утра. Двенадцать часов дня. Четыре сорок. Семь пятьдесят пять вечера. И то, что я жду - два тридцать ночи. Почему такой разброс? Мне так и не удалось выяснить, а после смерти дедушке и нашего переезда суда, родители считали, что часы сломаны, так как часовая стрелка не ходила, и поэтому унесли их на чердак. Правда была в том, о чем, конечно, не знали папа с мамой, так это то, что часы работали, но из-за их расположения наверху они оказались прямо над моей спальней, от чего мне удавалось отчетливо слышать чириканье птицы.

И вот, наконец-то, я услышала щебетание этой блудной особы.

Встав с кровати и взяв со стула ручку с тетрадкой мне пришлось украдкой как какой-то воришка пробираться вниз к прихожей.

Выйдя из своей комнаты, и на цыпочках прокравшись до лестницы, мне пришлось замереть, чтобы прислушаться спят ли родители или ещё нет. Когда стало ясно, что опасности нет, я с высоченной долей аккуратности начала спускаться вниз по лестнице, стараясь при этом не наступить на прогнившие или скрипучие доски, и как только препятствие было пройдено, я тут же рванула к зеркалу.

Подойдя к нему, раннему открытому, а теперь занавешенному бархатной тканью поверхность, перед глазами снова всплыл тот увиденный ужас. Разбитое зеркало в ванне, отражение в подарке Зои, которое я мельком увидела от испуга, что оно со мною говорит и которое я разбила вдребезги. Но больше в этом меня пугал страх, что если это не мои галлюцинации и голос принадлежит тому отражению, то остаётся лишь два варианта. Или я сошла сума. Или я, точно, сошла сума! Вот только проверить я смогу, сдернув эту бахрому с рамы.

Протянув дрожащую руку вперед и схватившись с неуверенностью за край ткани, меня одолело на несколько секунд сомнение, но по итогу, все же сдернула эту балдахину. Но из-за страха посмотреть в квадратную поверхность, я наблюдала, как красный бархат ложится на пол. Если вы скажете, что можно было взять и выбрать что-нибудь другое, нежели огромное зеркало в прихожей, то скажу вам – нет! Раз решилась, то лучше внимательно всё рассмотреть,

прежде чем строить планы. Только я, идиотка, поздно вспомнила, что в прихожей нету света. И вот что на милость в темноте я смогла бы разглядеть?

Подойдя к стене и вытянув руку вверх, мне пришлось постараться нащупать кнопку включения настенной лампы. Как только у меня это получилось то, немедленно ни секунды больше, нажала на неё. Небольшое пространство осветил яркий, как мне казалось из-за непривычки, свет. Мне пришлось закрыть глаза, но как только я смогла привыкнуть к освещению тут же, как ошпаренная, оказалась прижатой к стене напротив зеркала, выронив все из руки.

— **Вы всё же соизволили показаться?** — голос из зеркала прозвучал мягко, почти ласково, но в нём слышалась насмешка, будто она ждала этого момента давно.

Не в силах сдвинуться с места мне ничего не оставалось, как рассматривать то, что я вижу прямо перед собой.

Это как я назвала бы “нечто” отражалось в зеркале лишь на половину, но даже так, в чем оно было можно понять и без полного обзора. Белая рубашка, нет, не так. Белая рубашка, с множеством красных пятен, точнее чуть ли не чёрных, было надето на ней. Также помимо всей этой балдахины поверх неё были цепи и ремни с замками, которые сковывали “это”. Для не понимающих скажу так, на этом “нечто” было надета смирительная рубашка. Дальше, что бросилось в глаза это длинные темные волосы, которые или давно не мыли или они были покрыты какой-то грязью. Но даже так этот нюанс не портил внешний вид девушке. Да, в отражение была не кто иной, как особь женского пола.

Продолжа блуждать взглядом по её внешности, мне не удалось рассмотреть только лицо, ведь его половина была скрыта за маской в цвет смирительной рубашки, и только черные как непроглядная тьма глаза смотрели на меня. Нет, не так сказано. **ГЛАЗ ВООБЩЕ НЕ БЫЛО!** И будь я проклята если в этой, черной пустоши, не смогла бы прочитать весь спектр эмоций, а точнее то, что она сейчас смеётся надо мной.

— **Ну как, я тебе нравлюсь?** — она склонила голову набок, и в её голосе проскользнула игривая нотка, будто она наслаждалась моим замешательством.

Не став ждать ещё одного идиотского вопроса, я опустила вниз, чтобы поднять своих помощников для общения.

— **Они тебе со мной не нужны. Я и так тебя прекрасно слышу,** — она поморщилась, будто сама мысль о тетрадке её раздражала. Вот честное слово, мне очень отчётливо слышаться, как она это говорит с большим удовольствием. Но даже так:

«Ага, ага, слышит она меня. Если меня мои не слышат, то она то! Смешно!»

— **Ой, а мне то, как смешно,** — она рассмеялась, запрокинув голову, так что я резко подняла голову, чтобы встретиться с ней взглядом.

Из-за замешательства по этому поводу и недоверия к ней мне ни чего другого не оставалось, как проверить ещё раз.

«Получается, ты меня слышишь?»

Со стороны зеркала, а точнее “нечто” было тихо, я лишь наблюдала, как оно крутит головой из стороны в сторону и наклоняет её, рассматривая меня как какую-то подопытную крысу.

— **Говори так, как разговаривала всегда,** — спустя пятиминутное ожидание, она всё же соизволила ответить, и в голосе её послышалось нетерпение. — **И если тебя это хоть чуточку успокоит, то да, я тебя слышу, четко и ясно.**

Хоть я и услышала ответ на свой вопрос, но он меня не сильно-таки порадовал. Сомнения на её счет становилось всё больше и больше, и в один момент показалось, что это всё долгий и длинный сон.

— Как? — спросила я, открыв рот. Хоть мой вопрос прозвучал в голове, но видно для той было неважно, где именно, ведь со рта у меня не вырвалось ни единого звука.

— **Арг... Ты издеваешься?** — она закатила глаза, насколько это было возможно с её пустыми глазницами. — **Спустя столько дней игнора, Аннабелла, ты решила просто**

взять и позадавать мне идиотские вопросы? И тебе не стыдно? — с язвительностью в голосе спросило “нечто”.

Вот сейчас мне хочется её грохнуть. Не вижу никакого смысла подчиняться ей или её прихотям. Хотя у меня закрадываются некоторые на её счет подозрения. Что-то я упускаю. Но вот что?

— **Ах-ха-ха-ха-ха!**— а нет, не упускаю.

Если мне не изменяет моя память, то случай в ванне, произошедший за несколько дней до праздника, произошёл не просто так, а для меня. Точнее это “нечто” видимо ещё в то время пыталась со мной связаться, да и не только тогда. Примерно за год до сентября мне мерещилось, как кто-то меня зовет. Спрашивая ребят, они ли это, ответ был отрицательный. Поэтому, как и подобает здравомыслящему человеку, я спихнула всё на усталость от учёбы и работы. Но, даже находясь одной в библиотеке, этот непонятный шёпот продолжался, и чем ближе наступала осень, тем сильнее и чаще это происходило. Если бы знала, что все эти слуховые галлюцинации приведут меня к встрече с ней начала ходить в церковь. Видно все мои прегрешения надо было отмаливать, а не держать в себе. Сейчас меня радует одно, что не святая тут точно не я одна.

— Если выбирать из нас двоих, то стыдно должно быть тебе! — вернула я слова “нечто”, чувствуя, как внутри закипает злость. — Зачем ты меня третировала? — если бы могла крикнуть, то так бы и прозвучал мной вопрос, но тут я запнулась из-за щелчка осознания в моей голове. — Ты знала?

— **О чем?**— как ни чём не, бывало, спросила она, и уголок её маски дёрнулся, будто она улыбнулась.

— Не прикидывайся! — воскликнула разозленная я. — Тебе было известно с самого начала, что со мной должно было произойти! Так если тебе под силу было со мной общаться, почему не предупредила меня? — ответа мне, конечно же, “нечто” не предоставило. Оно лишь улыбалось, глазами улыбалась, сука этакая.

— **Как я вижу, мы решили все наши разногласия. Зачем пришла?**— она скрестила руки на груди, насколько позволяли цепи.

— Ты и без меня всё отлично знаешь!

— **Не, не, не, не, не так дело не пойдет,**— покачала отрицательно головой “нечто” не убирая улыбку с рож. — **Скажи мне чётко и ясно, что тебе хочется.**

Видно, мы никогда не поладим. Она меня раздражает и бесит по всем фронтам. Каждая моя клетка хочет размазать эту ухмылку с её лица, точнее глаз. Хотя она права я не решилась до конца. Да прийти суда смелости хватило, но и на это ушло много времени раздумий вот только сделать что-то с живым человек не могу. В голове просто каша от всего. Разум твердит, что делать этого нельзя, ведь ступая на тропу смерти, я оттуда никогда и не выберусь. Повязну в болоте по шею в крови.

Кем стану, совершив преступление? Монстром? Или того хуже? Но желание и кипящая кровь, которая давит на клеточки мозга, нашептывает, что это мой путь. Не могло же “нечто” просто так ждать моей травмы? Оно его ля чего-то выжидало и для этого ей нужна “Я”. Вот только к кому мне прислушиваться: к голосу разума или желанию сделать то, что хочет она. Нет, тут уже хочу - я.

— **Как я вижу, ты всё-таки определилась?**— со сладостной ноткой в голосе произнесла она, подавшись вперёд.

Подняв глаза на неё и ещё раз осмотрев её с головы до ног, я также перевела взгляд на висящий крест рядом с зеркалом. Бог существует с давних времен, и не могло человечество выдумать его с потолка. Если про него пишут везде, то и вера в него должна существовать. Все испытания, что нам не ссылает он - правильные, нужные. Через что не приходилось проходить

людям, всё это его воля. Даже сама смерть предрешена по воле его. Только у меня больше нету желания в него верить и следовать по его указкам и наставлениям.

— Я желаю отомстить Райли! — твердо произнесла я, смотря в упор темной бездне.

— **Наконец-то!** — она выдохнула это слово так, будто ждала его годами.

— Ну, ты мне поможешь или как?

— **Ответ для тебя и так очевиден,** — она снова ухмыльнулась, а я строго посмотрела на неё. — **Тогда слушай меня внимательно.**

31 октября 2003 года, 19:00 по местному времени

Весь вчерашний день пока родители отсутствовали дома, прошел в сборах. Зои и Доминику мне пришлось соврать, что меня не будет дома ведь они бы пришли и помешали мне, да и объяснять, что я творю, им бы не хотелось.

Ночь, проведенная в компании с зеркалом в прихожей, прошла удачно. Да, в начале у нас возникли разногласия, пока пытались во всём разобраться, а после перешло в недопонимание по поводу подготовки к моей вылазке.

— **Первое что сделай, так это подбери удобный наряд. Главное, чтобы не сильно он бросался в глаза и давал свободу в твоих движениях,** — она говорила это медленно, будто диктуя инструкцию, и её голос звучал деловито.

После отбытия родителей на работу я тут же ринулась в свой шкаф. Никогда в жизни так не мучилась над выбором одежды как сегодня. Ладно, вру, подобрала наряд довольно быстро, ведь одежды у меня было не слишком много. Выбор пал на мою любимую, простую черную водолазку, которую я часто ношу и такого же цвета джинсы. У “нечто” возникли сомнения, по поводу подвижности в этих, как она назвала их “панталоны”, ведь они были узкими. Забыла сказать, я общаюсь с этим, вечно улыбающимся существом. Хотя она мне обещала, что до начала вылазки не высунется.

Обувь пришлось поискать ведь обычные кроссовки тут явно не подошли, да и не по погоде, как и сапоги, тем более они на каблуках. Можно было бы выбрать бутсы, но и они не очень если честно. Поэтому мне пришлось подняться на чердак, ведь только там, как и всегда, найдётся то, что нужно. И все равно так и так мне пришлось бы суда лезть из-за второго пункта:

— **Сделай или найди, если получится, такую же повязку как у меня,** — сказала она, и я прямо почувствовала, как она провела рукой по своей маске.

— Белую? — с ноткой непонимания уточнила. — Или ты имела в виду про одежду, как у тебя? Если так, то давай я уж сразу поеду в психушку, она тут, кстати, не очень далеко, всего-то на всего несколько часов езды на машине.

— **Ах,** — она театрально вздохнула, и в этом вздохе слышалась усталая снисходительность. — **Просто нужна повязка на лицо, чтоб видны были только глаза. Цвет абсолютно не важен.**

И вот так, по итогу, мне ещё надо найти ткань и сшить эту хрень. Ладно, хоть цвет ткани на выбор, нежели её белый. Главное, что с ним я уже определилась, когда выбрала что надену. Осталось только найти чёрную ткань в этом барахле, вместе с обувью, сделать выкройку и сшить.

Перебрав в поисках половину чердака, я нашла ткань, хоть и не в очень пригодном состоянии, но если другое ничего не найду, то будет эта. Ещё нашла папины армейские сапоги. Удивило то, что они оказались пригодные для носки. Черного цвета, высота была в самый раз, так ещё и моего размера. Поэтому, не став больше думать выбрала их удобные для бега и ходьбы и для вылазки подойдёт.

Продолжа поиски ткани, которые затянулись ещё на часа два и по итогу ничего не найдя, мне пришлось использовать ране найденную. Сам пошив был не очень долгий, примерно час,

вышло бы раньше просто при примерке стало ясно, что оно будет с меня спадать, и было принято решения вставить сверху и снизу резинку.

Надев её на себя для окончательного подтверждения, что она готова и подойдя к новому ванному зеркалу, которое родители спрятали от меня на чердаке, начала рассматривать себя с разных сторон, чтобы увидеть, как оно на мне сидит.

— **Идеально,**— появилось в стекле вечно смеющаяся рожа, от чего я испугалась.

— Ответ честно, тебе доставляет удовольствие меня пугать?

— **Возможно,**— протянула она с явным удовольствием, и я на это закатила глаза. Как всегда, от неё не дождёшься ответа.

— Чего явилась, успела забыть про обещание?

— **Я всё прекрасно помню, Аннабелла. Просто забыла сказать, чтобы ты ещё нашла маленькое зеркальце, для удобного ношения с собой,**— она произнесла это буднично, будто речь шла о списке покупок.

— А оно то зачем?

— **Со мной общаться.**

«Больно надо».

— **Я всё слышу!**— бросила она, и её отражение растворилось, и всё вернулось на круги, то есть я вижу себя в отражении.

Если вы подумали, что моя прогулка по чердаку закончена, то нет, есть ещё два пункта. Первый, зачем-то ей понадобилось, чтобы я нашла бечёвку ну или толстую нить, а также иглку, в которую можно вставить эту, ну чтобы я не нашла. Главное, что она подчеркнула, заточить иглу, чтобы та смогла спокойно проткнуть человеческую кожу. Тут я подумала, что она хочет, чтобы я зашила Райли рот и меня это, кстати, устраивало, но второй оставшийся пункт развеял эту гипотезу.

Второй пункт и последний из списка был нож, причем акцент был сделан на большой нож, ну и также как и иглу, мне его надо заточить. Нож нашла я быстро, ведь как только услышала, какого он должен быть внешнего вида, то тут же пришло в голову, где его найти и который прямо сейчас лежит около швейной машинки. Да, по ходу поисков ткани и обуви нашёлся и он. Только было одно не понятно - как его с собой носить? Поломав голову, ещё за завтраком, пришла идея прицепить его к ноге при этом к чехлу, в котором он лежал, приделать ремни. И тут снова начались поиски, но уже старых маминих сумок, точнее бабушкиных, от которой я отпорю ремешки и сделаю из них крепление для ножа, что в принципе и сделала.

Нитки с иглой нашлись в столешнице, на которой стояла швейная машинка. Точнее меня просили найти бечевку, и она нашлась, хотя взять нитки было бы куда проще, ведь их куча, а она оказалась одна. Видно, ждала своего часа. Потом просто подобрала иглу, в которой с легкостью вдевалась нить и с собранными вещами спустилась с чердака. Занеся всё в свою комнату и передохнув с часик, я позже спустилась вниз с ножом и иглой, чтобы заточить их. Теперь сидя на диване, ждала, когда родители прекратят суетиться и уедут к тётке на праздник.

Пока они как ненормальные ходят туда суда проверяя ни чего ли не оставили и нету ли в доме опасных для меня вещей у меня шло время. Если я не выдвинуть через тридцать минут, то не успею к пол одиннадцати оказаться в школе, хотя до этого времени ещё три с половиной часа. Вот нахрен, вы мне объясните этой, ненормальной, вздумалось это:

— **Рядом есть речка или озеро?**— спросила она, и в её голосе промелькнула странная заинтересованность.

— А тебе зачем? — с недоверием задала встречный вопрос.

— **Ответь!**— отрезала она, и я почувствовала, как её голос стал жёстче.

— Ну, в лесу, если мне память не изменяет, есть небольшой ручеек.

— **Мы должны быть там полдесятого. Думаю, часа дойти нам хватит.**

— Чего? — гневно рывкнула на неё. — Ты думаешь, что несёшь? До него часа два отсюда! Каким боком я должна за час дотуда добраться?

— **Бегом,** — со спокойствием в голосе ответила она, и мне показалось, что она ухмыльнулась.

Рассказывать дальше, про перепалку, смысла нет, но в итоге, я выиграла. Так что добраться до леса времени полно, точнее до назначенного ею времени. Только зачем ей это надо, как и при любом интересующем меня вопросе, она молчит. Пытаться её расколоть это без толку, как и угрозами: колдунами и шаманами. “Нечто” – непробиваемое существо, которое даже не говорит кто оно, как и почему именно выбрало меня. Её это забавляет – и это видно.

Время всё шло и шло, а родители как не торопились уходить, так и не уходят. По сумкам, стоящим у двери, было видно, что они уже собрались вот только не как не выйдут из дома. Мама мельтешит по всей кухне туда суда проверяя ящики, а папа выглядывает в каждое окно на всём первом этаже которые выходят на дорогу.

— Аннабелла, — позвал меня папа, и я подняла на него взгляд, — Зои и Доминик точно приедут? — в его голосе слышалась тревога.

Ещё днём я написала Зо, чтобы те пришли ко мне в пол одиннадцатого, ссылаясь на то, что костюм ещё не готов, а без него не хочу их встречать. Зная Овен, та быстро же согласилась с этой идеей, ведь именно это была её задумка с нарядами. Я думала вначале написать, что она отменяется, но тогда они попёрлись бы в школу, а это мне не нужно. Лучшим вариантом стала после разговора с “нечто” позвать их суда к тому времени, когда я буду там, чтобы у меня хватило времени проверить задуманное, а они не успели бы меня найти.

{ Они прибудут попозже }

— Тогда и мы пока тут побудем, — сказала мама, выйдя из кухни, и вытерла руки о полотенце.

Мамины слова мне не очень понравились так, как надо их быстрее выгнать, а зная её, она может торчать тут, дожидаясь их до следующего рождества. Поэтому, не придумав ни чего лучше, чем соврать, я написала:

{ Зои задержали родители, а Доми ждёт её возле дома. Так что скоро они должны уже будут подъехать. Родители Овен долго её не задержат, опечатка -она сама сбежит. Мам, пап не волнуйтесь и поезжайте спокойно, со мной будет всё в порядке. Я же остаюсь дома, когда вы на работе }.

Показав им мою клинопись, я ждала с надеждой положительного ответа, ведь от этого зависело многое. Но молчание затягивалось, ведь так долго читать они это не могли и мои глаза, бегая между ними двумя, умоляли согласиться со мной.

— Хорошо, — сказала мама, и я тут же соскочила с дивана, накидываясь на неё с обнимашками, мысленно говоря: “Спасибо”. — Только вы нам позвоните, как соберетесь вместе, обещаешь? — она погладила меня по голове.

Кивнув в знак согласия, хотя в голове висело слово “Прости”, я стала наблюдать, как дорогие мне люди уходят, даже не зная, что сейчас мы видимся в последний раз.

Когда захлопнулась входная дверь – наступила тишина!

Развернувшись и, со всех ног, рванув в свою комнату, перепрыгивая через ступеньки, я залетела в неё и начала быстро одеваться в подготовленную одежду, ведь часы скоро дойдут до половины восьмого. Значит, мне нужно скоро выйти.

Быстро одевшись и захватив с собой вещи, я направилась в комнату родителей, ведь только у мамы было маленькое зеркальце. Войдя в неё и перевернув мамины полки с ящиками, обнаружила то, что искала. Захватив его и направившись к двери, мой глаз, заметил интересную вещичку. На двери шкафа висела тёмная курточка с густым мехом на капюшоне. Посчитав, что одна и две минуты ничего не попортят, подошла к ней, попутно положив вещи, держащие в руке, на кровать.

Сняв куртку и рассмотрев её со всех сторон, поняла, что она новая.

“Видно мама купила себе за место старой” - пронеслось в голове. Решив, что это знак, раз заметила, то стоит примерить.

Накинув её на себя, оказалось, что она мне как раз, да и по цвету подошло идеально. Не став ни чего взвешивать, я впихнула в карманы курки вещи, которые до этого положила на кровать и спустилась вниз.

Остановилась в прихожей около зеркала, так как мы договорились с “этой” переговорить напоследок. Сдернув бахромку и откинув её в сторону, обнаружилось, что “нечто” нету, а в отражение я вижу себя. Посчитав, что так даже лучше решила потратить время до её появления, чтобы рассмотреть себя. Одежда на мне смотрелась, как нельзя кстати, как будто специально для меня сделали этот прикид, а куртка, забранная у мамы, сидела как влитая. Портило, как мне показалось, только моя прическа, поэтому я переделала хвост на слабо заплетенную косу и перекинула её вперед.

— **Долго же ты,**— раздался её голос, и в нём слышалась лёгкая укоризна.

— Ты тоже, — вернула её же слова появившемуся чуду. — Выдвигаюсь?

— **Давно пора,**— улыбнулась та глазами, и я почувствовала, как её взгляд скользнул по мне, оценивая. Закатив глаза, на ещё её одну улыбку, я развернулась к входной двери и, схватившись за ручку, нажала на неё, открыв дверь.

Выйдя на улицу и не став закрывать за собой дверь только оставив щелочку, направилась к дороге. Как только дошла до неё остановилась и развернулась к дому.

Старый деревянный дом, когда-то видно выкрашенный в толи синий толи красный цвет чёрт уже вспомни ведь папа после переезда сразу же перекрасил его в серый. Доми как-то сказал, что этот цвет навевает на него тоску, а Зо прокомментировала, что он отражение её внутренних чувств. Я в свою очередь сказала отцу, когда мы его красили, что вонять будет долго. Запах у краски плохо выветривался. Другого от дешёвого химиката ожидать не стоит. Хорошо, что крышу красить не пришлось, как была черного цвета, так и осталась. За несколько лет пока мы тут живём это единственное, что мы сделали, помимо покраски дома, это починили входные ступеньки и провели небольшой капремонт в самом доме. Могу с уверенностью сказать, что воспоминаний у меня здесь осталось больше, чем от родного дома в городе, где я родилась. Спасибо этому говорю, Зои и Доминику за то, что появились в моей жизни, пускай нам придётся распрощаться вот так, но я даже рада была возможности познакомиться с ними двумя.

— **Аннабелла, время!**— её голос прозвучал резко, как удар хлыста.

— Вот умеешь ты портить моменты! — возмутилась я. — Сама знаю, что время, — ответив ей, и повернувшись в сторону леса, мне ни чего больше не оставалось, как бежать.

8 Глава

31 октября 2003 года, 21:00 по местному времени

Я устала.

Честно, никогда больше, ни в этой, ни в следующей жизни, не соглашусь бегать такие марафоны! Особенно под комментаторство одной ненормальной сущности, которую я называю “нечто”. Всё время твердила, что мне надо было повышать выносливость, что я дура, которая опомнилась слишком поздно, так ещё всю дорогу нудила о времени. Лучше убейте, чем снова пережить это!

До леса то я добралась точнее до его входа. Потому, как она вела счёт времени, то до начала мероприятия остался час, так что в запасе у меня было ещё плюс тридцать минут. Но и эти тридцать минут я умудрилась проебать.

Зайдя в лес, я по памяти пыталась вспомнить, в каком месте находится начало речушки. Ночной лес, с одной стороны, окутывает ощущением безмятежности и спокойствия. С другой стороны, в нем скрывается мистическая тайна, которая заставляет сердце биться быстрее. Здесь можно отключиться от суеты и проникнуть в глубины своего сознания, погрузиться в размышления и открыть новые грани внутреннего мира. Ночной лес – это живое дыхание природы. Он наполнен тайнами, которые готов раскрыть только тем, кто умеет слушать и видеть. В этом мире погружаясь в природу, можно найти особое вдохновение и почувствовать единение с окружающим миром.

И как назло, во всей этой красоте, по закону подлости, память меня подвела. Не ну а что в последний раз тут была года три назад за это время уже и не вспомнишь, что и где находилось. Поэтому, я потратила время на блуждание по лесу, зато спустя битых полчаса мне удалось её найти. Больше никаких лесов! И точка!

Достав зеркальце и показав место, оказалось, что ей оно не зашло. Попытка выяснить “почему”, хотя знала, что ответа не будет, оказалась на удивление успешной. Ответ был такой:

— **Здесь плохое отражение!** — произнесла она с явным отвращением, будто само место её оскорбляло.

Что блять значит “плохое отражение”? Ей это, блять, что, зеркало какое-то? Само по себе оно отражает, но в том количестве, в котором оно находится здесь это маловероятно. Да даже если и отразит, то в темноте это не увидишь. Но из-за того, что её величеству это место не понравилось мне пришлось зайти глубже в лес, пройдя вдоль речушки, до того момента пока та не остановила меня.

— **Это место подойдет!** — в её голосе прозвучало удовлетворение, и я наконец-то вздохнула с облегчением, что мои муки закончились.

Подойдя к краю речушки и присев я посмотрела в воду и как того ожидала ни чего из-за тьмы не увидела. Опустив руку и на ощупь, точнее на шум бегущей воды опустила свою руку в воду. Как я и думала - она оказалась холодной. Но в осеннее время года и не удивительно ведь солнце её не обогревает, да и не факт, что тут она бывает теплой.

Многие говорили, что сама лесная чаща не большого размера и заблудиться тут невозможно, хотя это не так. Лес тянулся довольно-таки далеко, если знать в какое место зайти, да и не будет речка начинать исток в небольшом месте, где она смогла бы спокойно пересохнуть ну или не без помощи человека исчезнуть раз и навсегда. Днем найти суда дорогу довольно-таки легко, если знать в каком точно направлении идти. Ночью же суда добраться практически невозможно, ведь по дороге можно спокойно скатиться в овраг, или споткнуться об пенки или об опавшие ветки деревьев. Высокие кроны деревьев, простирающиеся до неба, создают густую темень в лесу, а нижнем своим сородичем не дают нормально расти ведь те забирают большое количество света и тепла из-за своих размеров. Если сравнивать освещённость около входа в лес и внутри него можно заметить колоссальную разницу. В ночное время суток можно разглядеть хоть какие-то очертания предметов, а внутри хоть глаз выколи ни черта не видно! Вот и поэтому я отнеслась с легким/большим скептизмом к идее “нечто”.

— Так зачем мы здесь? — спросила я её после того, как положила зеркало на землю рядом с собой.

— **Скажем так, нужно кое-что сделать, прежде чем мы отправимся к твоей Райли,** — она произнесла это медленно, будто смакуя каждое слово.

— Она не моя!

— **Да не важно!** — она раздражённо махнула рукой. — **Ты хочешь “это”, а значит должна слушать меня! Твоё недоверие ко мне может только всё усугубить, но, а если это произойдет, то меня не вини! Моё желание тебе помогать в этом равняется твоему желанию отомстить той шлюхе. Так что не смей...**

— Говори живее, что мне надо сделать, чтобы мы уже ушли отсюда? — мне ничего не оставалось, как перебить, чтобы заткнуть разглагольства о том, что её уже всё достало. Ну, или она пытается выставить себя выше меня. Я бы не удивилась, увидав на её голове корону, даже в таком сочетании одежды на ней.

— **То-то же,**— процедила “нечто” сквозь зубы, на что получила мой недовольный взгляд. — **Для начала вставь нитку в иглу и отрежь примерно двенадцать дюймов, нет, лучше шестнадцать, чтоб с запасом,**— достав с кармана клубок ниток с иглой и на глаз, измерив нужную длину, ножом срезала края и вставила в иглу, попутно завязав конец нити. Показав ей, что всё сделано, получила одобрителный кивок. — **Теперь самое простое, из того, что нам предстоит сделать, прости, поправлюсь, тебе предстоит сделать. Так вот - зашей этим себе рот,** — вот такого я точно не ожидала!

Поперхнувшись своей же слюной от неожиданного предложения этого существа и пока не прокашлялась, не могла посмотреть на него.

— Ты ахрелела? — возмутилась так, что будь голос, разбудила бы всех животных в округе.

— **А ты ожидала чего-то другого?**— её голос звучал ровно и холодно, будто она объясняла прописную истину.

Она сведет меня скоро сума! Но может она и права. Что я ещё могла ожидать от “нечто” особенно, раз мне удосужилось с ней разговаривать. Вот только не понять мне одно - она меня за куклу свою считает? Потакает мною, как марионеткой какой-то! Ну подожди тварь, я возьму твоё место на себя, ещё узнаем кто тут главный.

Схватив покрепче гребанную иглу и подсев поближе к краю, чтобы после смыть кровь водой. Свободной рукой опустила маску на шею и, нащупав край нижней губы, оттянула вперед, чтобы поднести с внутренней стороны иглу.

Был бы голос, мой стон боли пронесся по ближайшим опушкам и кронам деревьев. Терпеть боль я могла только молча. И видимо это моё проклятье. Только за что его получила, ответа нет. Первое, никто не знает, кто бы мог его на меня наложить. Второе, даже если и знает, то не факт, что ответит честно. А сейчас мне остаётся только сидеть и слушать тишину ночи, вперемешку с запахом и вкусом собственной крови, продолжая зашивать себе рот.

Первые семь стежков вышли мучитель болезненными, но, а дальше осталось только острое покалывание на губах пока я продолжала шить стежок за стежком. По ощущением передаваемые пальцами рук, которыми я проходила по зашитой части губ было ясно, что получалось у меня криво. Ну ещё бы, зеркалом воспользоваться не могу, там мельтешит одна особь, а на ощупь не очень удобно, да и вода ничуть не помогает только охлаждает, когда я изредка промокаю проколотые участки.

Времени на зашивку своего рта ушло не так много, как мои разговоры с этим “нечто”, что даже не заметила, что эта тварь всё время молча наблюдала за моими мучениями.

Сделав на конце узелок и отрезав лишнее, убрала нитки с иглой в карман, чтоб ненароком не забыть, хотя нет, лучше бы забыть. Сложив руки в лодочку и набрав воды, я несколько раз промочила рот, смывая кровь и промывая свежие раны. Проведя подушечками пальцев проверяя как вышло, и ещё несколько раз попыталась открыть рот, для проверки зазоров, убедиться, что зашила туго.

— **Вот видишь, ничего страшного, а ты скандалила,**— подала свой голос “нечто”, и в нём слышалась довольная ухмылка.

«Что дальше?» — с безразличием в голосе спросила я, хотя через секунду буду корить себя за то, что не промолчала.

— **Куда ты так торопишься?**— рассмеялась она, но увидев мой серьёзный взгляд, осеклась, и смех её оборвался. — **Возьми свой нож и вырежи себе глаза. И это последнее, я клянусь!**

«Ты сейчас прикалываешься надо мной?! — схватив зеркало и сжав в руке, поднесла очень близко к лицу. — Как, скажи на милость, я должна сейчас тебе не врезать, а послушать, когда ты несёшь такой бред?! — встала с колен и кинула “нечто” в ближайший пенё. — Глаза блять, глаза! Ты меня слепой сделать решила? А ну да, рот уже зашила себе так почему и зрения не лишиться. Чего ты от меня добиваешься?»

— **Не я тебя суда позвала, а ты со мной решила связаться!** — её голос стал жёстким, почти угрожающим.

«Хватит врать! — крикнула. — Это ты меня мучала всё время! Ты надо мной издевалась! Так что от нескольких сраных ответов, от тебя, ты не прогоришь!»

— **ДЕЛАЙ, КАК Я СКАЗАЛА!** — её крик пронёсся у меня в голове как скрежет по стеклу, и я согнулась, зажимая уши ладонями. Настолько он был болезненный, что уши закрыла сама собой, думая хоть так утихомирить скрипучий звук. Дождавшись, как только он закончиться и “нечто” успокоиться у меня не оставалось времени, а особенно сил с ней больше спорить.

Взяв нож и наклонившись над водой в голове, промелькнуло: “Деда глаза вижу в последний раз”, и тут же раздался дикий/немой ор от острой боли. Нож был воткнут в правый глаз сбоку, а держала его моя рука, проворачивая по кругу разрезая всё на его пути. Когда же полный круг был сделан и вытащен нож, который я немедленно сунула себе во второй глаз, чтобы пока та боль не отступила не чувствовать эту. Закончив с удалением глаза, точнее отсоединяя его от зрительного нерва, нижних мышц, верхней мышцы, также от центральной артерии и вены сетчатки. До меня поздно дошло, что глаз можно было и вырвать с помощью руки, а точнее просунув свои пальцы, схватить глазное яблоко и вытащить его. Но, как говорится, хорошая мысль приходит напоследок, или когда не остаётся другого выхода и тебе приходится его применять. Как можно догадаться в конечном итоге мне пришлось вытаскивать свои глаза собственноручно.

Вытащив один и задержав его в руке при этом, покрутив его на ладони. По форме он стал напоминать мне теннисный мяч, только мягкий, скользкий и упругий. Долго держать в руке я его больше не смогла, хотя ощущения отврата не испытывала, и поэтому сбросила его вниз, в воду. Тоже самое мне пришлось проделать и с оставшимся глазом.

— **Ну вот, теперь ты идеальна!** — в её голосе прозвучало почти материнское удовлетворение.

«Ха» — был бы голос, это первое что вышло бы из моего рта. Слепнуть таким ничтожным методом - это ещё надо захотеть попробовать. А что пробовать, я видимо первая идиотка, которая взяла и, слушая невесть кого, избавилась от последнего, что у меня осталось - глаз. Нет, стоп, вру, слуха я еще не лишилась, но ориентироваться только по нему как-то не больно охота.

Сидя всё на том же месте, мне ни хотелось подавать, ни звука, а тем более общаться с “нечто”. Тёплая жидкость текла по моему лицу, каплями спадая в журчащую речку. Был бы это целый бачок или несколько стало бы не удивительно, что он мог бы окрасить реку в кроваво-красный цвет.

Погода, пока я тут сидела, начала видимо портиться, так как вдалеке мне слышались удары грома. Да и ветер ледяной поднялся. Хорошо, что надела мамину куртку, ведь шлаться по такой погоде, да ещё и осенью, подхватила бы простуду и слегла бы, и тут тебе и никаких планов и никаких идей. По редко слышимым ударам грома легко определить, ну тем, кто в этом разбирается, что дождь придёт с запада, по этому времени у меня оставалось ни так уж и много.

«И что теперь? — спросила я “нечто”, ведь время теперь было точно не ко мне расположено. — Как ты мне предлагаешь, вслепую туда идти?! А, простите великодушно, но так ведь и получается!» — не выдержав, резко встала на ноги, вспыхив, что чуть не упала назад, прямо в воду. Вот промокнуть мне тут точно не надо, особенно когда приближается дождь!

— **Ты зрячая,**— произнесла она с нажимом, будто вбивала каждое слово мне в голову.

«А ещё что умнее не придумаешь!» — эмоции мои видимо держались на последнем нервном волоске, так как боль, которую я испытывала чуть раньше пронеслась по моим нервным окончаниям, снова возвращая назад во времени, когда мне нанесли травму.

— **Я говорю то, что есть на самом деле!**— со спокойным голосом, проговорила свою позицию “нечто”.

Вот я уверена на все сто процентов, что если бы могла её сейчас увидеть, то она бы стояла в расслабленной позе, рассматривая свои руки. А не, забылась, она же повязла в смиренной рубашке, так ещё ко всему прочему цепи. Только мне что-то не припоминается, чтоб психически больных сковывали цепями поверх рубашки, обычно же используют ремни. Да и все те высохшие пятна крови не очень внушали доверия, но как показывает практика, на это я забыла обратить внимание при первой встрече с ней. Да блять, я же тогда их заметила, но видимо моя дурья голова не думала тогда ни о чём другом кроме как о Райли.

— **Проверь,**— это последнее что я услышала от нее, прежде чем та захлопнула свой рот.

Плюнуть бы в неё, если бы, конечно, могла, но с зашитым ртом это не больно-таки сделаешь, поэтому ничего не оставалось, как снова послушать её. Вот честное слово, складывается ощущение, как будто у меня нет собственной головы и мыслей, и мне приходится подчиняться кому-то третьему. Но прежде всего надо хотя бы смыть текущую кровь.

Снова присев на колени, и протянув руки вниз, на ощупь искала воду. Найдя её и зачерпнув в ладонки, брызнула себе на лицо, пытаясь смыть кровь. Таких действий я проделал штук десять или больше, если мне не изменяет память, прежде чем рукавом от куртки вытерла своё лицо, чтоб убрать влагу. В голове невпопад промелькнула мысль, что это может быть мало, поэтому ещё несколько раз умылась.

Когда же водные процедуры, теперь уж точно, подошли к концу, я задрала голову вверх. Глаза болели от потери глазных яблок, что открыть их мне с трудом удалось. Но как только я всё же подняла веки, я знала одно, что не увижу ни чего... Бля, эта сука меня не обманула! Но всё же...

Ночной лес, представший под моим, больным, взором трансформировался в сказочную картину, наполненную тишиной и мистикой. Деревья, словно исполинские стражи, возвышались, окутанные тенью, словно охраняя свои тайны. Их стволы, изборожденные временем, кажутся мрачными силуэтами на фоне ночного неба. Только кроны, были чарующи величественными, когда, размахивая своими ветвями то в одну сторону, то в другую в порыве леденящего крови ветра, создавали иллюзия взмахов мощных черных крыльев вёрона. Если вдаваться в подробность, то ворон – это вещая птица, которая приносит смерть и другие несчастья: нападение врагов, весть о гибели. Недаром ведь нас связывает с ними долголетие истории, ведь черный ворон несет в себе мудрость и знание, где хранятся клады. Найдя труп, ворон, как правило, сначала выклеывает у него глаза и другие мягкие органы, а затем мощным клювом раздирает брюхо жертвы³². Также будет и у меня, ведь начало уже сделано, вот только вороном был не самая настоящая птица, а я сама.

Во всем этом мраке ночная тишина в лесу казалась живой. Не считая выше сказанного казалось, что между деревьями, в темноте, появляются необычные фигуры. В ночном воздухе висит уникальный аромат: земля и растения излучают своеобразный запах леса, который невозможно перепутать ни с чем, только кровь, стекавшая ранее по мне, смешивается с блаженным ароматом и придаёт ему не свойственный аромат железа, пролежавшего здесь веками, которое поглотила природа.

Оглядевшись по сторонам и рассматривая всё то, что недавно видела хоть и в тёмных красках, но всё же красках, теперь смотреться как кино. Может оно даже и к лучшему. Смотря

³² Притчи Соломона, Глава 30, стих 17.

на всё в черно-белой перспективе заметно, как данные цвета обладают уникальной способностью привлекать внимание к сути деталей, оставляя в стороне ненужную информацию. Ощущая себя художником, который использует только оттенки серого, чтобы передать глубокий смысл и эмоциональную глубину. Вместо того, чтобы отвлекаться на яркие цвета, лучше погрузиться в мир линий, фактуры, формы и игры света и тени. В черно-белой цветовой гамме каждый элемент увиденного, играет важную роль. Плавные линии смены цветов с более темного оттенка в более светлый или на оборот, как нити, создают ощущение движения, привлекая к себе взор. Фактура, представленная в различных оттенках серого, добавляет глубину и объем живой природе. Стволы деревьев, четко выделенная отсутствием цвета, становится центром внимания, подчеркивая их важность. Игра света и тени, словно волшебная кисть, рисует контрасты, создавая драматизм и глубину.

Черно-белая цветовая гамма подобна поэзии - она говорит больше, чем слова. Она позволяет видеть мир с новой точки зрения, где цвета не отвлекают, а только усиливают эмоциональный заряд. Это заставляет нас задуматься о том, что действительно важно, помогая увидеть красоту в простоте и силу в тишине. Черно-белые цвета идеально подходят для передачи настроения и эмоций, как человека, так и животного. Оно прекрасно передает грусть, меланхолию, ностальгию. В то же время, может быть мощным инструментом для выражения радости, силы и оптимизма.

Очень часто яркие цвета мешают сосредоточиться на главном, когда их незначительные собраты, которым присущи унылые оттенки, становятся настоящим спасением. Такое сочетание помогает избавиться от лишнего, фокусируя внимание на самом важном, позволяя создать образ, который глубоко проникнет в душу. Черно-белое видение - это не просто отсутствие цвета, это отдельный вид искусства, которое требует глубокого понимания композиции. Сочетание таких оттенков предоставляет уникальный способ увидеть мир, заставляя задуматься о его красоте и глубине.

И тут у меня встает вопрос к самой себе: “Почему же я раньше не замечала такого насыщенного и четкого контраста при виде каждой банальной мелочи присущей в повседневной рутине?” Смотря на всю эту красоту, хотя и не без помощи собственной боли, страдания и самокалечения, ощущения, позабытого ранее чувство отдавалось благодатью и легким покалыванием в теле.

Насладившись всей меланхолии, хоть она для многих длилась несколько недолгих секунд, но для меня прошла целая жизнь в это крошечное мгновение. Убрав нож обратно в ножны и закрепив на клёпку, чтоб не вылетел, я собиралась встать и идти туда, где меня не ждут, как услышала шелест за своей спиной. Вы, наверное, посмеётесь надо мной, ведь зачем мне так остро реагировать, это мог быть просто ветер, колыхнувший ветку или мелкий зверек, пробежав задел листья. Только вот ни черта подобного, от того или другого фактора не могло до такой громкости подняться шуму с одного куста. Да и теперь я ощущаю, как кто-то смотрит на меня. Вот если это и правда моё воображение, то может, оно даже было и к лучшему.

— Аннабелла, слушай меня сейчас очень внимательно! — подала с беспокойством в голосе “нечто”, что до этого молчала в тряпочку. **— За тобой, от силы в девяносто восьми – сто тридцати одного фута находятся трое, недоброжелательно настроенных. Поэтому сейчас, очень быстро и без паники берешь меня, то есть зеркало, и тут же даёшь деру из лесу в сторону жилых домов, при этом не оглядывайся по сторонам, ради себя же самой. Твоя цель - выбраться отсюда живой!**

Времени спрашивать, как она поняла, что с нами кто-то есть, как и сколько у меня времени, по-видимому, не было. Сейчас мне лучше послушать её и убежать отсюда куда подальше.

Натянув на себя маску, схватив зеркало и соскочив на ноги, я тут же рванула в бегство, но, не успев даже отбежать, как услышала выстрел. Если бы ещё хоть чуточку помедлила, то тут валялся бы мой труп. Пуля, по-видимому, прилетела туда, где недавно только что сидела,

но сейчас не об этом. Как и сказала “нечто” нужно выбраться отсюда живой, что она точно подметила. Бежать теперь я точно знала, по какому направлению нужно, чтоб выбраться с леса, ведь промотавшись с поиском этого места битых полчаса, запомнила дорогу на века, ну и чтоб не терять оставшееся время.

Перепрыгивая очередное поваленное дерево, вдалеке мне послышался приближающийся свис, который заставил свернуть меня на несколько шагов вправо, что оказалось очень кстати. В шестнадцать футов впереди меня, в кору дерева, в месте, где я до этого бежала, впился топор, что дало мне понять - преследователи очень рядом. Мне нужно ещё пять или семь, может и десять минут, чтоб выбраться из леса, так ещё и ещё пять, чтоб добежать до ближайших домов. Благо, этот чёртов городишка, находится вблизи леса. По-другому мне точно пришёл бы каюк, так как бежать по открытому полю, без средств, где можно укрыться, не очень-то приятно, особенно в сложившихся обстоятельствах.

Продолжая свой побег из леса, мне приходилось несколько раз уворачиваться от пуль, так и ещё два раза от летающего топора, пока наконец-то я не увидела выход из этой ловушки. Только как я и считала ранее открытая местность самая плохая из всех возможных идей. Как только моя нога ступила на поле, по всей моей спине прошёл жуткий холодок. Да, меня не очень-то и пугали за время побега выстрелы и интересный феномен, летающий топор, чем то, что я ощутила за собой. Казалось, что меня тут же схватят, только чем не известно, но ясно одно – это что-то стремительно приближалось ко мне.

— **Аннабелла, впереди стекольная витрина, беги в него!** — её голос прозвучал резко, почти приказным тоном.

«Как мне сука поможет, эта чертова витрина, когда меня схватят скоро?!» — гневно спросила я, ведь от происходящего какая-то жалкая витрина меня точно не спасёт.

— **Не время припираться! До этого меня слушала и сейчас слушай - это твой единственный шанс сейчас спастись. Так что выключи своё недоверие ко мне и делай то, что тебе верят!** — в её голосе слышалась злость пополам с отчаянием.

«Хорошо!» — выкрикнула и рванула к месту, про которое она твердит.

Подбегав всё ближе и ближе, впереди меня показалась улица с несколькими домами и нужным мне магазинчиком, про который “нечто” мне сказала. Вот только проблемка в том, что до него мне ещё шестьдесят пять футов, а что я ощущаю за своей спиной в тридцати двух футах от меня. Но останавливаться слишком поздно. Остаётся только продолжать бежать и надеяться, что хрен знает, что меня не настигнет раньше.

Добежав до небольшого забора и перепрыгнув его взору, открылось то, что это за магазинчик. Просто старый, дрянной, на окраине находящийся ещё один антикварный магазин, в котором я сто процентов уверена, побывала и не раз Зои. Похуй на неё сейчас не о ней речь. Как сказала “нечто” вбежать в витрину? Да, вроде так, поэтому закрыв глаза, и с оставшимися силами устремилась вперед, предвкушая столкновение с холодным стеклом.

Бежав вперед, так ещё сдуру закрытыми глазами, что видимо, послужило моей ошибкой, так как пролетела я на несколько шагов вперед и упала бы, если кто-то меня не успел подхватить. Ха, даже смешно от этого, попасться на такую оплошности равняется идиотизму, хорошо, что головой в витрину не влетела.

— **Ты молодец, Аннабелла!** — услышала я до боли знакомый голос у себя над головой, и в нём звучала неприкрытая гордость. Подняв с предосторожностью голову вверх, я ожидала столкнуться с кем угодно из нападавших, но меццо-сопрано у голоса точно было как у “нечто” так что увидеть мне представляло её, нежели себя!

Удивившись такому, стечение обстоятельств, моё тело среагировало быстрее, чем мозг начал соображать, поэтому вырвавшись из хватки, как ни странно, говорить самой себя, я отступила на несколько шагов назад и видимо не удачно раз в них же и запуталась. От неудачных стечение обстоятельств видимо мне сегодня сопутствует неудача, раз второй раз за

несколько минут споткнулась об свои же ноги. Точнее во второй раз о свои ноги, потому что в первый не знаю обо что, и из-за этого я снова лечу, только не вперед, а назад, но эта тварь меня снова ловит.

— **Что ноги больше не держат?**— рассмеялась “нечто”, подтягивая меня к себе и выравнивая на поверхности.

«Какого?» — все, что и могла произнести на данный момент ведь глаза верить в происходящее, не хотели. Блять, у меня же больше нет глаз. Но всё же, прямо напротив меня стояла, как и сказала раньше - Я. Та же кожаная со шнурками обувь, приталенные джинсы, которая эта сволочь обозвала “панталонами”, водолазка из хлопка и полиэстера, как и, впрочем, меховая мамина курточка, которую чисто случайно обнаружила и решила надеть.

Продолжая блуждать взглядом по “нечто” поднимая его выше на уровень лица, на меня смотрела безглазое создание скрывающее своё лицо за чёрной тканевой маской. Кожа была серая как у мертвеца, по-видимому, раньше, смотря на неё во всем белом, это не так бросалось в глаза. Не, наверное, даже неправильно сказано, цвет то кожи светло серый, так что тут явно тело находилось под минусовой температурой. Кожа лица на вид мягкая и гладкая, а черты более округлые с заострением в линии подбородка, как и маленький аккуратненький носик. Брови тонкие и ярко выраженные, по-видимому, за ними очень тщательно ухаживали. Глаз хоть и не было, но черная пропасть, проглядывающаяся через них, скрывали во мраке длинные и густые ресницы. Лоб скрывала небольшая челка, которая редкими прядями умудрялась закрывать пустые глаза. Волосы имели цвет схожест и структуру такую же, как и у меня, то есть темно-коричневая пушнина, легко заплетенная в косу, которая свисала с левого плеча. Весь её внешний вид, как и рост, фигура и лицо полностью были моими. Только странно, она же раньше была в смиренной рубашке с кучей цепями и ремнями, да и волосы были распущенны, может, из-за этого не было видно её лица.

«Почему ты выглядишь в точности, как и я?!» — с недоверием и возмущением в голосе мне пришлось спросить “нечто”.

— **Ах-ха-ха-ха-ха, смешно,**— рассмеялась она, и в этом смехе слышалось искреннее веселье. — **Как же до тебя плохо всё доходит, но раз я сегодня добрая и мы наконец-то встретились, лицом к лицу, отвечу на твои вопросы и отвечая на первый, то ответ довольно-таки простая. Ты и Я, мы одно целое.**

«Ха-ха, смешно. Придумать лучше шутки не смогла? По-твоему, я похожа на психически больную?» — с безразличным лицом посмотрела на неё, скрестив на груди руки.

— **Да,** — спокойно ответила мне оно, и в голосе её не было ни тени сомнения. — **потому что ты так себя считаешь.**

«Ладно, проехали. Где я вообще? — оторвав от “нечто” свой взгляд до меня дошло, что нахожусь я точно не в магазинчике, а вот где? Оглядываясь по сторонам, можно понять, что всё здесь белое, точнее само пространство, в котором мы находимся чисто белое, где не видно ни конца, ни края пространства. Помимо того, везде, в каждом месте, можно разглядеть позолоченные рамы разных форм. Посмотрев в одно из них, мне предстал вид на главную улицу рядом со сквером. Проглядываемая улица была ярко освещена фонарями, хотя местные власти точно халтурят, ведь считать через две по одной работающие фонарные столбы - это халтурство по отношению к народу? Но всё же... — Что это за место такое?»

— **Как бы тебе по понятнее объяснить, отвечая на твой второй вопрос,**— “нечто” начало ходить из стороны, в сторону иногда останавливаясь перед преграждающей путь раме. — **Считай это место зазеркальем, убежищем страхов, кошмаров и не сбывшихся желаний.**

«Короче - это твоя персональная камера».

— **Эй!**— возмутилась “нечто”, вскинув руки.

Пока “нечто” возмущалась за то, как я обозвала её дом мечты, меня заинтересовало то, откуда я суда попала. Повернувшись на сто восемьдесят градусов, спиной к недовольно расхаживающей “нечто”, в парах метрах от меня висела огромная рама, в которой виднелся забор, через который видимо мне, пришлось перепрыгивать и лес, из которого мне пришлось дать дёру. Не став долго томить, я стала подходить к нему, медленными шагами, пытаюсь рассмотреть вдали то, что за мной гналось. И мне это удалось.

Вдалеке среди кронов деревьев проступали очертания непонятного для моего восприятия существа. Высокий белый силуэт, во что одет разглядеть из-за ночи и большого расстояния было тяжело, но отчетливо заметно, длинное худощавое тело, такие же, по-видимому, руки с ногами. Ростом он был точно, где-то с одноэтажный дом, вот только лица толи оно есть, толи его нет. Не могла разобрать. Из-за любопытства от такого непонятного явления мне захотелось поближе рассмотреть его, но кое-кто нарушил мою задумку.

— **Не стоит!**— схватив меня за руку, потянула назад “нечто”, и в её голосе прозвучала тревога.

«А? — не сразу разобрав, что есть что, я попыталась освободиться, но меня потянули ещё сильнее. — Да, хватит! — вырвала руку, переведя взгляд на неё. — Объяснись, и по конкретнее».

— **Твой третий вопрос.**

«Прекращай считать!»

— **Хорошо!**— безнадежно выдохнула “нечто”, закатив глаза. — **Так вот, эти рамы как единое целое между этим местом и вашим реальным. Все зеркала, стекла, и отражающие поверхности, которые только существуют, соединены воедино и ведут суда. Здесь можно наблюдать за всем, что происходит во внешнем мире, но только в пределах видимости поверхности. А почему я тебя остановила, заключается в том, что мы с тобой связаны с зазеркальем душой и телом. Я как твоя душа, Ты как моё тело.**

«Может ты как моя душа, а Я как своё же собственное тело?!»

— **Вечно вставляешь мне палки в колёса,**— недовольно пробурчала “нечто”, поморщившись. — **Продолжая свой рассказ после того, как меня кое-кто перебил, поясняя, что, даже находясь здесь нас могу заметить те, кто снаружи, но только если мы приблизимся к раме на два-три шага. В данный момент желание чтоб те нас увидели нулевое, по этой причине я тебя и остановила.**

«Твои друзья?» — указала пальцем в лес.

— **Тебя только это из всего моего рассказа заинтересовало?** — по моему взгляду было понятно, что ответ - да. — **Нет, не мои! Впервые вижу и видеть больше не желаю!**

«Остальное мне стало всё предельно понятно, так что спрашивать повторное объяснения, смысла нет. Давай вернёмся теперь к тому, почему мы здесь собрались».

— **Вопросы кончились?**— уточнила она с явным облегчением.

«Желания дольше находиться рядом с тобой, нет, — пройдя мимо нее, задев своим плечом её начала искать среди отражений знакомую компанию. — Сколько у нас времени?»

— **Опаздываешь на двадцать минут.**

«Ни чего, как раз в самый разгар попаду, — остановилась и развернулась к ней лицом. — Показывай дорогу, зеркальная королева», — под недовольное бурчание эта тварь пошла в противоположное от моего места направление, а мне ничего не оставалось, как следовать за ней.

Следуя за ней, я успела заметить множество увлекательных деталей в рамках. В одних из них возникали образы женщин, которые приготавливались к какому-то событию или встрече. В других я увидела живописные уголки нашего города, о которых раньше не знала. Также мне встретились семейные драмы, больница, в которой я провела время, и местная библиотека,

погруженная в полное безмолвие тишины и спокойствия, а также именно то, ради чего я здесь оказалась.

Пять больших рам, выстроенных в ряд, предстали передо мной словно экспозиция в художественной галерее. Вместо живописных полотен в них были видны крыша школы, парковочные места, забор и густо заросшие за ним деревья. Но даже так это были именно те окна, за которыми разворачивалась хэллоуинская вечеринка. Но меня беспокоило, что вид был не в ту сторону, где мне нужно было.

«Ты точно меня туда привела? — спросила остановившуюся около позолоченных поверхностей “нечто”. — В них же видно только участок школы, а мне нужны они».

— Пришли мы в нужное место, ведь других таких рам тут не существует. А то, что ты от меня требуешь, будет для тебя домашним заданием.

«Какое задание? У меня и так времени нет! — закричала я на неё раздраженная её безмятежным видом, хотя... — Постой, — подойдя поближе к раме и протянув к нему руку, мне в голову почему-то пришло смахнуть этот пейзаж вправо, изменив её на интересную картину. — Вот это уже интересненькое», — улыбнувшись, я стала наблюдать за всем тем, что разворачивалось в данный момент в кабинете.

Большая компания, и до боли знакомые лица, веселились, оговорка, бухали, разговаривали, сосались и занимались развратом. Если делить каждый из перечисленных мною факторов, то выйдет несколько групп. В первую входили футболисты, стоящие рядом с окном из-за стоящего там стола с выпивкой. По внешнему виду некоторых можно сделать вывод, что те приехали суда уже пьяные и как только стоят на ногах уже вопрос. Во второй группе были пять девок одноклассниц, которые танцевали стриптиз на столах. Третья были просто спокойные граждане, сидящие за столами мирно разговаривающие, пьющиеся и сосащиеся. И последняя четвертая группка выделялась ярко на фоне всех остальных. В неё входила Райли и её свита с некоторыми, которыми я знакома, очень близка. Мэги, Кора и Вита - приближенные Вуд и её самые близкие и верные собачонки, которым только и надо что лизать ножки её величеству.

«Слушай, есть просьба», — подала я голос, после того как закончила рассматривать присутствующих в классе.

— Какая? — отозвалась она, подозрительно прищурившись.

«На втором этаже, рядом с этим кабинетом есть туалет, в нем стоит большое зеркало в пол, сможешь его найти?»

— Зеркало то я найду, но зачем там такое большое? — с удивлением в голосе спросила “нечто”, начиная ходить между зеркал.

«Райли попросила директора установить, чтоб уменьшать своё самолюбие, точнее повышать».

— Нарциссизм у неё?

«Да, и надеюсь не заразный».

По завершению диалога я простояла некоторое время, смотря на всю эту тусовку пока меня не окликнула “нечто” подзывая к себе. Приблизившись к ней, она указала на зеркало, в котором я увидела то, что мне было нужно.

«Ну, я пошла», — подойдя к зеркалу и переступив через раму, я оказалась в том самом туалете, который королева считает своим местом для уединения.

— Слушай, а зачем тебе? Твоя цель же находится в том окне? — поинтересовалось “нечто” выглядывая в зеркало.

«Нужно заблокировать дверь. Если я зайду туда просто так, то они спокойно смогут бежать, а так у них не останется пути отступления».

— А окно? — не унималась она.

«Там нет ручек, а разбивать в панике им в голову не придёт. Да даже если бы и были ручки, то им пришлось бы прыгать со второго этажа. Парни бы выжили, а вот девки пострадали точно».

— **И как ты собираешься её заблокировать?** — продолжала расспрашивать меня “нечто” пока я выходила с туалета и шла в сторону нужного мне кабинета, попутно раскрывая карманное зеркальце.

«Напротив вечеринки находится складное помещение оно никогда не заперто и там куча разного барахла. Конечно, обладая я огромной силой, то подвинула бы вот этот шкаф, — указала пальцем на витрину для медалей, — а так придётся заслонять дверь стульями, досками и партами, ну может, ещё что-нибудь тяжелое найду».

— **Ну, ты так времени больше угробишь? Сейчас уже одиннадцать, тридцать минут угробили, а ты ещё больше хочешь?**

«Мне нужно от силы десять минут, и они ничего не изменят, — ответила я, открывая дверь кладовой. — А теперь помолчи, пожалуйста, мне нужно поработать».

В полумраке, проникающем сквозь плотно задернутые шторы, складной кабинет напоминал тайное убежище, скрытое от посторонних глаз. Я не стала включать свет, чтобы не привлекать к себе внимание. Охранник, хоть и находился где-то в школе, не представлял особой угрозы, но осторожность никогда не помешает. В конце концов, я должна быть бдительна в самых, казалось бы, безопасных местах.

Внутри, за дверью, царил беспорядок и хаос — настоящий музей школьного инвентаря, из которого можно было собрать несколько полновесных выставок. На полу лежали стопки старых учебников, журналов, рассыпанные гвозди, карандаши и куски фетра, а на стенах висели пожелтевшие плакаты с некогда яркими образами из школьной жизни. Весь этот хаос, как и вся школа вообще, пропитан историей, воспоминаниями о прошедших событиях. Школьные учебники хранят в себе не только знания, но и отголоски учебных часов, шума перемены, смех учеников.

В левом углу стоял высокий шкаф, полностью забитый реквизитом для школьных спектаклей. Сверху лежали костюмы и головные уборы, среди них можно было увидеть шапки с помпонами, короны, и даже старую боярскую шапку. Ниже размещались ящики с разнообразными бутафорскими предметами: мечи, щиты, куски скал, и даже пластиковые яблоки и груши, использованные в постановках по классическим произведениям. Справа от шкафа находилась большая доска, испещренная красками и надписями. Она была свидетелем множества уроков, творческих порывов и шумных обсуждений. Здесь ребята с задором рисовали свои фантазии, отмечали важные даты, и даже оставляли нежные письма с признаниями в любви. Каждая надпись на доске была не просто чернильными мазками, а кусочком жизни школы, пропитанным эмоциями и впечатлениями.

Посреди этого беспорядка стоял скелет, который когда-то служил наглядным пособием по анатомии, а теперь просто стоял одиноко в этом заброшенном кабинете, напоминая о мимолетности времени и том, что все мы частичка природы, существующей в постоянном движении. Я не могла пройти мимо этого скелета, не остановившись, чтобы поразмышлять о его судьбе. Когда-то он был частью учебного процесса, помогал учащимся понимать сложный мир анатомии. Теперь же он остался в забвении, свидетель прошедшего времени. Его бесцветные кости были испещрены царапинами и пятнами, словно он прошел через множество испытаний, которые позволили ему увидеть все прелести и трудности школьной жизни.

Насмотревшись на экспозиции, царящие в кабинете творчества и склада, я подошла к близ стоящей парте, мне пришлось снять с неё несколько голов, которые использовались на уроке рисования, чтобы спокойно взять и перенести её к нужной мне двери. Такую манипуляцию мне пришлось проделать с четырьмя партами и ещё тремя стульями. По ходу освобождения

дения столов от барахла мне попались несколько клубков толстой веревки, и с нахождением данной находки пришло в голову идея ими связать ручки дверей, чисто для подстраховки.

Посмотрев со стороны на сделанную мною конструкцию, решила её ещё немножечко укрепить, поместив меж свободных мест и сверху головы тех философов, бедного скелета, который стоял там, в полном одиночестве, положила наверх, а также перетащила пару длинный палок, подпирая мой замок для заключённых.

На верное у многих есть вопрос, как я всё это смога незаметно перетащить? Да всё просто, эти идиоты настолько громко ставят свою музыку, что не удивлюсь, если эту чертовщину слышат близ стоящие дома. А теперь, раз я закончила своё дела, то спокойно, не спеша, направилась в туалет, где зайдя в него, сразу же прошла сквозь зеркало, встречаясь взглядом с недовольной “нечто”.

— **Ты сказала десять минут!**— возмутилась недовольная особа, тыкая в меня пальцем.

«Ну, а сколько по-твоему прошло?» — на удивление спокойно спросила я, направляясь к нужной мне раме.

— **Двенадцать! Мать твою, двенадцать грёбанных минут! Ты что там, пляску плясала или передохнуть присела?!—** “нечто” идущая вслед за мной свирепствовала, одновременно умудряясь покрывать меня матами и только дойдя до цели, я развернулась к ней лицом, скрестив руки на груди.

«Две минуты или пять минут ничего не изменили. Ты посмотри, насколько они там под шафе, что для них прошло от силы минут пять, если не меньше. И кстати, почему я вижу цветовой фон, ведь когда я открыла глаза, всё выглядело как в чёрно-белом фильме?»

— **Отвечая на твой четвертый...**— увидев мой кулак, она остановилась. — **Твои глаза тупо ещё не привыкли различать цвета.**

«А в этом месте я, получается, могу видеть цвета?»

— **Да, но с наружи всё будет, как ты и сказала, как в кино. Не переживай, со временем этот эффект пройдет и мало-помалу научишься спокойно видеть цвета хоть и не очень чётко.**

«Я тебя поняла, — выслушав её и без эмоционально ответив, я решительно схватилась за нужную раму собираясь начинать, как меня остановила это сраное “нечто”. — Ну что тебе ещё».

— **Забыла дать несколько напутствий на дорожку,**— улыбнулась глазами поганая тварь, но так как меня привлекло её слава про напутства, то решила задержаться и выслушать её, напоследок. — **Я тебе про это забыла сказать, но скажу сейчас, ты можешь спокойно разговаривать,** — от заявленного, я удивилась, но спросить мне не дали. — **Да, я не сказала тебе раньше, но так как ты со мной сейчас разговариваешь, можешь делать и с другими. Сейчас ты ещё не научилась отличать, где твои мысли, а где разговор, но уверяю тебя, этому ты научишься очень быстро,**— кивнув, мне пришлось показать пальцами, чтоб поторапливалась с концовкой. — **И последнее, как только убьёшь одного, дальше станет легче, да и дрожь в руках пройдёт,**— вот тут-то я и спалилась. Но она права, мне страшно такое совершать по отношению к живому человеку, что руки мои трясутся уже какое время, а я думала, что хорошо это прячу, а как оказалось, что нет.

«Спасибо “нечто”, а теперь мне пора!» — поблагодарив её и накинув капюшон, я начала наступать на раму, чтоб её перешагнуть, как вдогонку услышала слова:

— **Не переживай, если что я рядом, тебя прикрою, так что удачи!**— ухмыльнувшись, я прыгнула на стол под окном, где стояла выпивка, привлекая к себе внимание всех.

Мое неожиданное появление произвело колоссальный эффект, раз они удосужились даже музыку выключить. Конечно, для меня это минус, но не думаю, что охранник посчитает их крики за что-то опасное, ведь зная Райли, то подкуп был со словами: “Вы нас не видите и

не слышите и чтоб никакой полиции, ясно?”. Примерно так, я думаю. Но, даже забыв про это любуясь всей это идиллией смотря на них, которые ещё не поняли и вообще не догадываются, что их ожидает впереди, но осилили подскочить со своих мест и уставиться на меня прервав свои дела.

“С кого бы начать?” - подумала я, переводя глаза с одного на другого хватая дрожащей рукой нож в ножнах, отстёгивая клёпку.

— Блять, ты кто такая? — послышался нетрезвый голос, вместе с которым появилось тело, точнее уже спившееся тело, орангутанга. Но скажу спасибо, Ферди, разобраться с тобой первым, даже во сне не присниться. А сон бы получился очень даже хороший, я прям, сказала бы - замечательный. — Какого хуя ты пришла суда? Думаешь так нарядишься и всё, прям королева, — шёл, точнее, ковыляла ко мне пьяная тушка, неся в пьяном бреду свои надгробные слова.

— Ферди, постой! — подала голос Кора, схватив того за руку, и в её голосе слышалась паника.

— Отвали! — крикнул на неё Элфрод, выдергивая свою руку, что удивил не только Кору, но и всех остальных. Но даже так он продолжал идти ко мне, а мне взбрело, присесть на корточки, чтоб лучше его можно было разглядеть. — Решила без приглашения пробраться суда, да я тебя... — подойдя ко мне и выплеснув свои недосказанные слова, которым я не дала завершиться, схватила того за волосы и притянула к себе его голову.

— «Ошибся, Ферди, не ты меня, а я тебя», — закончив за него предложение, я тут же вытащила нож, вонзая его в его шею прямо до кости, только хрипы послышались со стороны парня. Для меня стало странным, что не кто не закричал, но всему своё время, сейчас мне охота снять его голову с плеч, что я и начала делать.

Моя рука, сжимавшая охотничьей нож, немного дрожала. Напряжение, которое я испытывала, было осязаемым. Я привстала, чтобы лучше видеть, что собираюсь сделать. Лезвие ножа воткнутая в шею скользило по коже, рассекая плоть рядом с костью. Каждый круг, который я описывала ножом, был как удар молотка по наковальне – я чувствовала сопротивление, которое давало мне понять, что вот-вот добьюсь цели.

Наконец, нож завершил свой путь, и убрав его, засунула руку в рану. Я нащупала пальцами хрупкую кость и схватила ее. Хватка должна была быть крепкой. Второй же рукой сжала волосы жертвы.

Не знаю, откуда взялись эти силы, но я без усилий отделила голову от тела, которая упала на пол с глухим ударом. Увидев, как из тела хлынула кровь, похожая на густой темно-красный сироп, на моём лице появилось выражение победы.

Я не знаю, что со мной стало в тот момент. Я была погружена в свое состояние и не слышала ничего кроме шума крови, которая била по моим ушам. Мои действия были механическими, не отражая никаких эмоций, кроме холодного расчета. Я не думала о последствиях, я просто действовала, как робот, запрограммированный на уничтожение.

Крики из класса, прерываемые стуком и шумом падающих стульев, достигли моих ушей. Это был звук ужаса и недоверия, звук разворачивающейся паники. Я невольно улыбнулась, понимая, что эффект превзошёл все мои ожидания.

Их глаза были распахнуты от ужаса, лица побелели, губы потеряли цвет. Они видели, что я сделала, видели, на что я способна. Я была их кошмаром, воплощением их самых страшных фантазий. Бежать, спастись! Это была единственная мысль, которая крутилась в их головах. Они рванулись к двери, но она была заперта. Я понимала, что у них еще есть шанс спастись, если они каким-то образом откроют дверь, только это невозможно, но всё же я решила дать им минуту на попытки.

Опустив взгляд на свои руки, дрожь, которая казалась вечной, ушла. Мои руки были спокойны, но в них еще чувствовалась тяжесть того, что я сделала.

“Не соврала, чертяга”, – улыбнулась, вот только минуту выждать мне не дали набросившиеся друзья Элфорда, поэтому, не став больше медлить, прыгнула на паркет и схватив нож, начала избавляться от свидетелей, убивая одного за другим. Разрезать их плоть. Ломать некоторые кости. Отрывать голову тем, кто думать им никогда не мог, за них думала Райли. Пробивать череп, что было для меня удивительным, ведь с моей обычной силой, да и простым охотничьим ножом это сделать было бы трудно. Но видимо “нечто”, как всегда, мне что-то не договорила. Хотя даже во всех этих трупах, беготне тел и диких криках о помощи я не забывала следить за своей целью – за Райли Вуд, которая прижалась к дальней стене кабинета, стараясь спрятаться за партами. И чтоб не заставлять её долго ждать мне пришлось ускорить свой темп.

И вот теперь, когда я закончила со свидетелями и её верными собачонками, отпуская труп последней мною убитой Мэги, которая свалилась на тело какого-то парня. Переведя свой взор на несчастную, оставшуюся совсем одной в этой луже тел и крови девушке, мне стало очень весело, что не будь у меня зашит рот, смеялась бы и смеялась. Но сейчас не об этом.

Я, медленными шагами, начала приближаться, попутно вытерев нож о скатерть и засунув его обратно в ножны. Знаете, идти к той, что испортила мне жизни, было наслаждением. Особенно к той, что скрывает много всего интересного и это мне сейчас очень хочется услышать с её уст...

— «...не правда ли, Райли?» — спросила виновницу всего, встав напротив неё.

— Ты... Ты... Аннабелла Янг? — вперемешку со страхом, шоком и удивлением, заикаясь, спросила Райли меня, вжимаясь спиной в стену.

— «Я тоже тебя рада видеть», — подойдя на два шага вперед поближе к ней, я присела на корточки, но эта сучка, от испугу, отодвинулась от меня назад, прижавшись вплотную к стене.

— Ты же не говоришь? Я же слышала, что ты больше не говоришь?! — перейдя на крик, поорала Вуд, и голос её сорвался.

— «Но сейчас ведь говорю, — со спокойствием в голосе ответила я и протянула руку вперед, опустив свою ладонь на её лицо став медленно поглаживать. — Ну, ты чего такая испуганная? Всё же замечательно складывается. Надо радоваться. Или тебя пугает кровь твоих рабов на мне? Так не стоит бояться, ведь ты же этого сама хотела».

— Я ни когда... — возмутилась Райли, но я среагировала быстрее, закрыв ей рот рукой.

— «Тише, тише, — начала успокаивать её. — Ты же не прямо сейчас отправиться к ним? — получив положительный кивок, я продолжила. — Так вот, твой телефон при тебе? — и снова положительный ответ. — Доставай его и набирай девять-один-один. Рыдай, плач, моли о помощи, говори, что убийца ворвался в школу и перерезал всех, а тебя держит в заложниках. Моли их, чтоб они приехали тебя спасти. И поставь громкость на максимум, я хочу всё слышать, — медленно и плавно, пока говорила всё это, я опускала руку к шее Райли. — Но только не смей им говорить моё имя! — грозно сказала я, схватив за шею Райли, мне пришлось её сжать, впиваясь ногтями, чтоб та не сделала глупостей. — Поняла?»

— Да, да! — выпалила она, судорожно кивая.

Услышав положительный ответ, мне пришлось её отпустить, отступить на несколько шагов от неё. Наблюдая за тем, как она копошиться, пока достаёт телефон и набирает номер, я выдвинула стул из-под парты и, развернув к ней лицом села, скрестив ноги. Смотря на то, как дрожат её руки, ждущие ответа от оператора, мне ничего не оставалось, как слушать их разговор.

— *Девять один-один, что у вас случилось?* — послышался голос женщины с трубки.

— Пожалуйста, старшая школа, приезжайте, тут убийца, — с паникой в голосе и чуть ли не рыдая кричала в трубку Райли.

— *Девушка если это шутка...*

— Это не шутка! — импульсивный крик, с её стороны, в ушах раздался как неприятный звук. — Мои друзья... Она всех тут убила и держит меня в заложниках! — вот за “Она” она

увидела от меня кулак, но даже это на её слова никак не повлияло. — Прошу, пожалуйста, приезжайте, она ведь и меня убьёт!

— *Успокойтесь*, — прозвучал твёрдый женский голос в трубке. — *Вы сейчас одна? Где вы находитесь? Вы можете спрятаться?*

— Нет, нет, — тараторя в панике, повторяла одно и то же слово Вуд. — Я нахожусь в кабинете двести семнадцать, на втором этаже, окна выходят к воротам школы, прямо над крышей входа. Спрятаться я не могу.

— *Так, хорошо*, — сказала женщина. — *Вы можете сказать, сколько человек вас и где сейчас находится убийца?*

— Никого нет в живых, она всех убила! Тут только трупы и кровь! — смотреть на неё и любоваться, как сдают у неё нервы, мне было лицепрятно.

— *Поняла. Сделай пару вдохов и ответь, где сейчас находится убийца? Ты одна?*

— Да какой я одна! Она прямо передо мной! Она заставила меня вам позвонить!

— *Хорошо, можешь дать ей трубку*, — на эти слова я помотала головой, мысленно говоря, что говорить с той не собираюсь.

— Нет! — помотала машинально головой Райли. — Она не хочет. Требуется, чтобы я с вами разговаривала.

— *Я поняла, вызываю к вам наряд, а вы спросите, что она от вас требует?*

— Она требует как раз таки наряда! — крикнула в панике и разгневанная девушка, уже не в силах отвечать на вопросы какой-то женщины по телефону. — Спасите меня! Я не хочу умирать!

— *Успокойтесь, наряд прибывает в течение десяти минут, а вам нужно...* — услышав нужные слова, я соскочила и выхватила трубку, сбрасывая вызов. Под вой плача Райли Вуд бросила телефон на пол, ломая её спасение ногой.

— «А вот теперь, мы поговорим!» — возвращаясь на насиженное место, сказала я ей.

— Нам не о чем с тобой разговаривать! — выкрикнула она, и в голосе её смешались злость и отчаяние.

Смотря на такую беспомощную и запуганную Райли, мне и в голову бы не пришло, что она может так паршиво выглядеть. Всегда ярко одетая, по последней моде, носящая высокий каблук на любой обуви, чтоб казаться выше, она очень этим привлекает к себе внимание. Волосы чёрные как смоль собранные в высокий хвост только и делали, что подчеркивали шарма к нежно персиковой коже. Овальное лицо, с вечно намазанной штукатуркой, что слилась с ней при её рождении, ведь не раз за всё время моей учёбы здесь, она не смывала свой долбаный макияж. Чисто боевая охотничья собака. А теперь я вижу перед собой, испуганного щенка, чей макияж размыт собственными слезами, причёска выглядит как куриное гнездо и платье с ногами и руками в пятнах крови её же собачат. Как мне хочется, чтоб это увидела сейчас Зо.

— «Райли нам есть о чём говорить, точнее тебе, — улыбнулась я, поудобней устраиваясь на стуле. — Скоро придет твоя помощь, но до этого поведай мне всё о своих деяниях. Кого загнобила, кого сделала инвалидами, кого отправила в психушку, но главное мне интересно услышать о тех, кого ты убила», — не веря своим ушам, она тут же уставился на меня с удивленным и испуганным взглядом, который не понимал, как я про это узнала.

— Как? — выдохнула она, и в этом слове было столько недоумения, что мне стало почти смешно.

— «Очень просто. Ты сама мне рассказала, когда перерезала моё горло бутылкой. Твои действия и реакция тебя выдали с поличным, — спокойно ответила я, на её вопрос, доставая нож для подстраховки. — Начинай рассказ, у нас мало времени», — и тут её страх как рукой сняло и с улыбкой на лице она начала мне рассказывать все, что сотворила своими руками.

— Всё произошло в средней школе, я тогда была в пятом классе. Под конец учебы к нам перевели девочку, она была меньше меня где-то на два дюйма, но внешне была лучше меня во всём! Маленькое, розовенькое тельце, каштановые волосы, что струились словно водопад, небольшие кругленькие глазки изумрудного цвета, ротик был тонкий словно ниточка, но при всём этом имела грудь второго размера. И только эта особенность отбила у меня всех парней! Сука! — вспыхнула Вуд, и лицо её перекосило от старой злобы. — Была, если я не ошибаюсь, дочерью какой-то там приезжей модели. У её мамы была бюст размера так шестого, и видно, поэтому и у её дочери уже имелся такой бидон. Она смогла всего лишь эти забрать всю славу и величие себе. Конечно, я этого не вытерпела! — усмехнулась. — Через неделю я узнала, что она влюблена в старшеклассника Клинтона, я была зла, но эта информация сыграла мне на руку. Я дождалась, когда останемся только мы вдвоём и под предлогом, что её позвал Клинтон, заманила её на крышу. Когда мы туда пришли, она удивилась, что там ни кого нет, сказать мне ни чего не успела, так как полетела с этой крыши, разбиваясь насмерть. Ты знаешь Аннабелла, мне это так понравилось, что я уже и не захотела останавливаться, — посмотрела на меня Райли с безумием в глазах и улыбкой как у какого-то маньяка, хотя она и есть маньяк. — Такой способ избавления от ненужных вещей оказался самым лучшим и действенным, поэтому я продолжила. Дальше мне предстояло избавиться от мусора, то есть таких как ты, нищих ненужных обществу людей которым ничего не светит в этой жизни. Точное количество уже не помню, но их было много тех, кто стал инвалидами или лежит, посея день в психушке. Но тебе же интересно слушать про моих жертв так вот, на той я и не остановилась. Следующая моя жертва была перед твоим приходом, может ты даже слышала об этом в новостях.

— «Ты о старом леснике, который застрелил молодую девушку из ружья?»

— Да, о той самой, — закивала та головой, и в её глазах промелькнула гордость. — Только не он завалил её, а я. Помница это было утро, учебный день. Тогда поставили одни уроки биологии и миссис Эвери решила вывезти нас в лес ради того, чтобы мы почувствовали всю красоту природы в живую и под её лепет. И вот выехав туда в лесу, мы наткнулись на группу ребят, которые решили устроить там палаточный лагерь и отдохнуть от суеты, и в нём была блондинка с каре. Красивая высока девушка лет так двадцати-двадцати одного, а я на тот момент начала встречаться с Ферди, хоть он был и не в моём вкусе, но папочка у него что надо, — лучше бы я вот этого не слышала. — Ты не смотри на меня так, он бы на тебя всё равно не запал.

— «Больно мне надо».

— Ну и хорошо, — ухмыльнулась. — Так вот начав с ними общаться, я узнала, что эта особа молоденькая невеста попаши Элфорда, значит моя конкурентка. Сначала я в это конечно не поверила, но, когда мне подтвердил сам Ферди и эта сука мне как будто переклинило. Дождавшись нужного момента, когда мы отойдём от палаточного лагеря, я отпросилась в туалет. При мне был карманный нож, но мне свезло его не использовать. По дороге я наткнулась на тушу пьяного лесника, который отпивал годовщину смерти своей жены. Так как он лесник то и ружьё было при нём, поэтому вытащив из сумки платок и схватив через него ружьё, отправилась к лагерю. Но стрелять не стала. Ждала пока та выйдет и уйдёт куда-нибудь. В тот день судьба была на моей стороне, так что ждала я не долго. Когда та сучка вышла из палатки и ушла по нужде я стала её преследовать и видно она настолько не хотела никому попасться что отошла очень далеко от безопасного места. Вот тогда-то я и выстрелила, размазав ей бошку. Затем мне просто оставалось отнести ружьё и вернуться к группе.

— «И как никто не сбежался на выстрел?»

— Да все давно в курсе, что там водятся дикие звери, скорее всего, посчитали, что лесник кого-то подстрелил, и не подумали на человека. Тело нашли только через два часа, мы уже к тому моменту покинули лес. При расследовании никто не смог найти моих отпечатков или доказать, что это сделала я. Органы списали всё на лесника что тот, напившись, решил

пристрелить девку. Так как денег на адвоката у него не было, а того, кого выделили работать и не собирався так что его посадили. Сейчас думаю, он уже помер в тюрьме, ну или ещё там мучается. Хрен его знает, не интересно.

— «Думаешь, я поверю, что это концовка? — с твердостью в голосе сказала я, но тут же услышала звуки приближения сингалок полицейских машин. — О, твоя помощь приехала, так что договаривай быстрее!»

— Не чего тут больше говорить! — закричала в гнев Райли, видимо почувствовав, что её скоро спасут и эти пытки кончатся, а меня схватят и посадят.

— «Ха, смешно, — встав со стула, так что тот с грохотом упал, мне пришлось подойти к ней и схватить за волосы, так что та запищала от боли. — Живее рассказывай, если не хочешь валяться вместе с ними!» — указала свободной рукой на гору трупов.

— Были ещё парочка, — недовольно, но всё же начала говорить Вуд, морщась от боли в зажатых волосах. — Одну я утопила в местной речке за то, что перешла мне дорогу, испортив мой праздник. Другую сожгла в крематории, подкупив рабочих. Эта поганка писала про меня разные гадости в журналах и газетах, мне другого ничего не оставалось. И больше никого, я клянусь!

— «Вот, а ты боялась, — улыбнувшись и потянув её за волосы вверх чтоб та встала, толкнула её в направление выхода. — Иди, я за тобой».

Смотря на то, как та не стала даже препираться, а чуть ли не бегом приближаться к выходу, но так как кабинет был большой, мне хватило этого времени, чтобы ещё раз прокрутить её слова, в которых была недосказанность. Конечно, слушать обо всех её жертвах было мутно, но очень познавательно, ведь такая как она спокойно ходи на свободе, когда должна была сидеть в тюрьме.

Догнав её и схватив за шею, тем самым остановив её рядом с дверью и горой трупов.

— «Знаешь, ты мне не всё рассказала».

— С чего вдруг? — возмутилась Райли пытаясь освободиться из моей хватки, и голос её сорвался на визг.

— «Ты забыла рассказать о том, как убила меня!» — начиная с доброго тембра голоса, я перешла на гневный, сильнее сжимая шею суки.

— Но ты же жива! — испуганно выговорила Вуд. — Мертвый не может ходить!

— «Да, тут ты права, — спокойно согласилась с ней, отпуская свою руку одновременно другую, кладя на нож. — Только знаешь, справедливость всё же существует, раз я жива, а раз жива... — вытащив нож и схватив снова Райли, развернула её к себе, втыкая лезвие в шею, — ...то спокойно смогу отомстить».

Смотря на ту, кто захлёбывается в собственной крови, я вытащила охотничий нож и посмотрела в окна, где всюду был свет от мигалок милиции как послышался голос за окном:

— Говорит капитан полиции Харви Элфорд, здание окружено. Отпусти заложников и выходи с поднятыми руками, — его голос, усиленный рупором, звучал твёрдо и властно.

— **Аннабелла, ты закончила? А то там эти с рупорами и пушками входят в здание,** — послышался голос “нечто” откуда-то из зеркала.

«Да, можем уходить, — ответила я, сделав пару шагов к окну, но остановившись, обернулась, посмотрев на Райли. — Хотя, постой, подарюка я им подарок на праздник», — сказав это и вернувшись обратно к телу Райли, проделала то же самое, что и с Ферди в начале и, забрав с собой голову, оставила кровоточащее тело гнить с другими трупами.

Вернувшись обратно к окну переступая через тела залезая на парту, вместе с бошкой, в окне предстала, чудна картина, множество полицейских машин, как и сами они стоящие на улице. Как же я рада, что кто-то сможет воочию увидеть моё творение из тел и крови. Сейчас их ожидал чудесный подарок в виде головы их королевы.

Разобравшись с работой этих рам, я с лёгкостью перешагнула через него, спрыгивая на бетонную поверхность крыши, как на меня сразу же навели все огнестрельные оружия, и послышалось “Стоять на месте!” Вот только стоя на месте, они не смогут получить свой подарок, поэтому мне пришлось подойти к краю, где я смогла спокойно рассмотреть всех присутствующих. Значит их тут восемь, остальные, по-видимому, в школе и вокруг её, но так даже и лучше.

— Подними руки так, чтобы мы смогли их видеть! — прокричал отец Ферди в рупор. Но меня сместило, что он даже и не догадывается, что тело его сынишки лежит, прям рядом с ним.

Усмехнувшись от сказанного и собравшись бросить им их подарок, как до слуха дошло - “Аннабелла!” Слегка развернув голову в сторону, откуда мне послышалось моё имя, я увидела тех, кого видеть не должна.

“Вот зачем вы суда приехали - Зои, Доми?” - проговорила я у себя в голове, смотря за забор школы, за которым стояли мои друзья, бывшие друзья.

Я стояла на козырьке, вглядываясь в лица своих бывших друзей. Они смотрели на меня не просто с испугом, а с такой глубокой, пронзительной потерянностью, что сердце сжалось от боли. Не этого я хотела!

Их лица были покрыты недоумением, и в их глазах я увидела боязнь. Они не знали, что происходит, но их инстинкт говорил им, что что-то не так. Я бы хотела объяснить им, хотела бы рассказать им все, но слова здесь ничего больше не решают, всё за меня сказали мои действия.

“Почему вы вышли из моего дома? Зачем приехали сюда? Что вы пытались увидеть?” - эти вопросы как ураган бушевали в моей голове, заставляя меня кружиться в вихре отчаяния пока мой взгляд не остановился на Зои. Как всегда, даже не удивительно, она переборщила со своим нарядом.

Короткая красная юбка, футболка того же цвета, да что уж там говорить – все было красным: даже сапоги и макияж. Она решила стать дьяволом, хотя настоящим дьяволом была я, а она больше смахивала на проститутку в таком виде. Но даже несмотря на это, я должна признать, что распущенные волосы, убранные обычно в тугий пучок, и рога на голове ей шли. Однако, наряд для моих глаз был слишком броским, как и макияж. Я привыкла видеть ее в простой, нелепой одежде, которая никогда не сочеталась, и в легком макияже, подчеркивающим только глаза. Зо вечно говорила, что для неё главное естественная красота, нежели та, что сделанная ста слоями пудры. Но даже такой вычурный мейк-ап ей к лицу, хотя увидя её раньше в этом виде, окунула бы её под струю воды и смыла весь этот вид долой.

Доминик, как всегда, не стал менять свой костюм, который использует из года в год. Ёбанный Граф Дракула! Чёрный и мрачный граф старинной эпохи, который пьет кровь красивых девушек и не может сквозь века ими насытиться, ведь для него эта лучшая закуска на поздний ужин. Но скажу, что как бы я не критиковала этот хэллоуинский наряд в сочетании с черными волосами Доми, вечно зачесанными/зализанными на правую сторону, что лучше всего ему подходило, чёрно-красная одежда придавала ему своеобразный шарм. И вообще, если разобраться в его гардеробе, там можно найти только вещи темных цветов. Белые тоже есть, но чисто из-за того, что он играет в футбол, а их тренер мистер Алвар всё время им вдалбливает, что они должны быть в одной форме не только на соревнованиях, но и во время тренировок. Только как эта скотина позволил выйти маленькой и миниатюрной Зои в этом откровенном наряде? Если бы не все “ЭТО”, я бы точно врезала ему, хоть он и выше меня на девять-десять дюймов.

“Зои, Доминик, простите меня. Забудьте, что я когда-то существовала в вашей жизни и живите дальше. Может это конец для меня, но не для вас точно. Вы проживёте долгую и счастливую жизнь, а я обещаю, что сделаю её дорогу чище. Даже не смотря на то, какой вы выберете свой путь, знайте, что я буду вас оберегать, но только вдали от вас, так чтобы вы смогли жить счастливо, а не быть замешаны в мои дела”, - думая об этом мне казалось, что

медленно и верно всё больше отдаляюсь от себя прежней ведь раньше мне и в голову бы не пришлось идти на такое.

Знаете, а над этим можно даже посмеяться. Говорить самой с собой многого стоит, чтобы не сойти сума и не слечь в психушку. Особенно мне нравится то, что, думая об их будущем я не задумываюсь о своём, хотя стоило бы. Но наблюдая, как они бьются в бесполезных попытках помочь, как они погружаются в отчаяние, для меня было страшнее, чем убивать.

— Повторяю, поднимите руки и сдайтесь! — повторил слова отец Элфорда, чему я была очень благодарна. Сказав их, он вывел меня из состояния, в котором я могла бы обломать всё то, что совершила.

— «Прощайте», — сквозь зашитый рот сказала я, опуская глаза. И повернулась, чтобы уйти, но перед этим замахнулась рукой с головой и кинула её в руки правопорядка. Пока те подбежали и рассмотрели, что это, в последний раз глянула в сторону стоящих друзей и под крики: «Схватить её!» убежала в место, где теперь меня не будет. Где моё существование скрыто за пеленой муки и крови. Место, где ждать меня больше не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.